Рекомендовано к печати
Отделом Московского Патриархата
по религиозному образованию и катехизации

Авва Дорофей

ПОУЧЕНИЯ, ПОСЛАНИЯ, ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ

Репринтное издание

Художник Е.М. Белоусова

Подписано в печать 18.04.91. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 16,8. Уч.-изд.л. 13,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6081. Цена договорная.

МТЦ "АКТИС" 117334, Москва, Крымский вал, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени ПО "Детская книга" Мининформпечати РСФСР
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

ISBN - 5 - 86412 - 001 - 4

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
АВВЫ
ДОРОѲЕЯ
ДУШЕПОЛЕЗНЫЯ ПОУЧЕНІЯ

и

ПОСЛАНІЯ

съ присовокупленіемъ

ВОПРОСОВЪ ЕГО И ОТВѢТОВЪ НА ОНЫЕ ВАРСАНУФІЯ ВЕЛИКАГО И ІОАННА ПРОРОКА.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНІЕ

КОЗЕЛЬСКОЙ ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

КАЛУГА.
Типографія А. М. Михайлова.
1895.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго Комитета, печатать дозволяется. Москва Іюня 17 дня, 1895 года. Цензоръ Священникъ Григорій Дьяченко.

КРАТКОЕ СКАЗАНІЕ
О
ПРЕПОДОБНОМЪ ДОРОѲЕѢ.

Мы не имѣемъ основаній для точнаго опредѣленія времени, въ которое жилъ преподобный Дороѳей, болѣе извѣстный въ качествѣ писателя. Приблизительно же можно опредѣлить оное свидѣтельствомъ схоластика Евагрія, который, въ своей церковной исторіи, писанной, какъ извѣстно, около 590 года, упоминаетъ о современникѣ и наставникѣ прен. Дороѳея, великомъ старцѣ Варсануфіѣ, говоря, что онъ „еще живетъ, заключившись въ хижинѣ *).“ Отсюда можно заключить, что прен. Дороѳей жилъ въ концѣ VI-го и началѣ VII-го вѣка. Предполагаютъ, что онъ былъ родомъ изъ окрестностей Аскалона **). Раннюю молодость свою онъ провелъ въ прилежномъ изученіи свѣтскихъ наукъ. Это видно изъ собственныхъ словъ его, помѣщенныхъ въ началѣ 10-го поученія, гдѣ преподобный говоритъ о себѣ: „когда я обучался свѣтскимъ наукамъ, мнѣ казалось это сначала весьма тягостнымъ, и когда я приходилъ взять книгу, я былъ въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ,

---

*) См. Церковную Исторію Евагрія схоластика. Ч. 4-я, гл. 33-я. С.-Петербургъ 1853.

**) Les vies des péres des déserts d'orient t. 2 p. 508.

идущій прикоснуться къ звѣрю; когда же я продолжалъ понуждать себя, Богъ помогъ мнѣ, и прилежаніе обратилось мнѣ въ такой навыкъ, что отъ усердія къ чтенію я не замѣчалъ что̀ я ѣлъ или пилъ, или какъ спалъ. И никогда не позволялъ завлечь себя на обѣдъ съ кѣмъ-нибудь изъ друзей моихъ, и даже не вступалъ съ ними въ бесѣду во время чтенія, хотя и былъ общителенъ и любилъ своихъ товарищей. Когда философъ отпускалъ насъ, я омывался водою, ибо изсыхалъ отъ безмѣрнаго чтенія и имѣлъ нужду каждый день освѣжаться водою; приходя же домой, я не зналъ, что̀ буду ѣсть: ибо не могъ найдти свободнаго времени для распоряженія касательно самой пищи моей, но у меня былъ вѣрный человѣкъ, который готовилъ мнѣ, что̀ онъ хотѣлъ. А я ѣлъ, что̀ находилъ приготовленнымъ, имѣя и книгу подлѣ себя на постелѣ, и часто углублялся въ нее. Также и во время сна она была подлѣ меня на столѣ моемъ, и уснувъ немного, я тотчасъ вскакивалъ для того чтобы продолжать чтеніе. Опять вечеромъ, когда я возвращался (домой), послѣ вечерни, я зажигалъ свѣтильникъ и продолжалъ чтеніе до полуночи и (вообще) былъ въ такомъ состояніи, что отъ чтенія вовсе не зналъ сладости покоя".

Учась съ такой ревностію и усердіемъ, прен. Дороѳей пріобрѣлъ обширныя познанія и развилъ въ себѣ природный даръ слова, какъ о семъ упоминаетъ неизвѣстный писатель посланія о книгѣ его поученій, говоря, что преподобный „былъ высокъ по дару слова" и, подобно мудрой пчелѣ, облетая цвѣты, собиралъ полезное изъ сочиненій свѣтскихъ философовъ, и предлагалъ это въ своихъ поученіяхъ для общаго назиданія. Можетъ быть и въ этомъ случаѣ преподобный слѣдовалъ примѣру св. Василія Великаго, наставленія котораго онъ изучалъ и старался исполнять на са-

момъ дѣлѣ *). Изъ поученій преподобнаго Дороѳея и его вопросовъ св. старцамъ ясно видно, что онъ хорошо зналъ произведенія языческихъ писателей, но несравненно болѣе писанія св. Отцевъ и Учителей Церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Климента Александрійскаго и многихъ знаменитыхъ подвижниковъ первыхъ вѣковъ христіанства; а сожительство съ великими старцами и труды подвижничества обогатили его опытнымъ знаніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его поученія.

Хотя мы и не знаемъ о происхожденіи преподобнаго, но изъ бесѣдъ его съ великими старцами видно, что онъ былъ человѣкъ достаточный, и еще прежде вступленія въ монашество пользовался наставленіями знаменитыхъ подвижниковъ свв. Варсануфія и Іоанна. Это оказывается изъ отвѣта, даннаго ему св. Іоанномъ на вопросъ о раздачѣ имѣнія: „Братъ! на первые вопросы отвѣчалъ я тебѣ какъ человѣку еще требовавшему млека. Теперь же, когда ты говоришь о совершенномъ отреченіи отъ міра, то слушай внимательно, по слову Писанія: *разшири уста твоя и исполню я"* (Пс. 80, 11) **). Изъ этого очевидно, что св. Іоаннъ давалъ ему совѣты еще прежде совершеннаго отреченія отъ міра. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли всѣ сіи душеполезныя слова святыхъ старцевъ. Мы имѣемъ только тѣ изъ нихъ, которыя сохранились въ книгѣ Отвѣтовъ свв. Варсануфія и Іоанна.

Не знаемъ, какая причина побудила преподобнаго Дороѳея оставить міръ, но, разсматривая его поученія и въ особенности вопросы свв. старцамъ, можно заключить, что онъ удалился изъ міра, имѣя въ виду только одно — до-

*) См. ниже Вопросы прен. Дороѳея. Вопр. 67 и 68.
**) См. ниже вопросъ 1.

стигнуть Евангельскаго совершенства чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ. Онъ самъ говоритъ о свв. мужахъ, въ 1 поученіи своемъ: „Они поняли, что, находясь въ мірѣ, не могутъ удобно совершать добродѣтели и измыслили себѣ особенный образъ жизни, особенный образъ дѣйствованія, — я говорю о монашеской жизни, — и начали убѣгать отъ міра и жить въ пустыняхъ".

Вѣроятно на эту рѣшимость имѣли благодѣтельное вліяніе и бесѣды святыхъ старцевъ; ибо поступя въ монастырь преп. Серида, Дороѳей немедленно предалъ себя въ совершенное послушаніе св. Іоанну Пророку, такъ что ничего не позволялъ себѣ дѣлать безъ его совѣта *). „Когда я былъ въ общежитіи, говоритъ о себѣ преподобный, я открывалъ всѣ свои помыслы старцу аввѣ Іоанну, и никогда, какъ я сказалъ, не рѣшался сдѣлать что либо безъ его совѣта. Иногда помыслъ говорилъ мнѣ: не тоже ли (самое) скажетъ тебѣ старецъ? Зачѣмъ ты хочешь безпокоить его? А я отвѣчалъ помыслу: анаѳема тебѣ, и разсужденію твоему, и разуму твоему, и мудрованію твоему, и вѣдѣнію твоему, ибо что̀ ты знаешь, то знаешь отъ демоновъ. И такъ я шелъ и вопрошалъ старца. И случалось иногда, что онъ отвѣчалъ мнѣ то самое, что у меня было на умѣ. Тогда помыслъ говорилъ мнѣ: ну что же (видишь), это то самое, что и я говорилъ тебѣ: не напрасно ли безпокоилъ ты старца? А я отвѣчалъ помыслу: теперь оно хорошо, теперь оно отъ Духа Святаго; твое же внушеніе лукаво, отъ демоновъ, и было дѣломъ страстнаго состоянія (души). И такъ никогда не попускалъ я себѣ повиноваться своему помыслу, не вопросивъ старца".

Воспоминаніе о большомъ прилежаніи, съ которымъ преп.

*) См. поученіе 4-е.

Дороѳей занимался свѣтскими науками, поощряло его и въ трудахъ добродѣтели. „Когда я вступилъ въ монастырь, пишетъ онъ въ 10-мъ поученіи своемъ, то говорилъ самъ себѣ: если при обученіи свѣтскимъ наукамъ родилось во мнѣ такое желаніе и такая горячность, отъ того, что я упражнялся въ чтеніи и оно обратилось мнѣ въ навыкъ; то тѣмъ болѣе (будетъ такъ) при обученіи добродѣтели, и изъ этого примѣра я почерпалъ много силы и усердія".

Картина его внутренней жизни и преуспѣянія подъ руководствомъ старцевъ открывается намъ отчасти изъ его вопросовъ къ духовнымъ отцамъ и наставникамъ въ благочестіи; а въ поученіяхъ его находимъ нѣкоторые случаи, свидѣтельствующіе о томъ, какъ онъ понуждалъ себя къ добродѣтели и какъ преуспѣлъ въ ней. Обвиняя всегда самого себя, онъ старался покрывать недостатки ближнихъ любовію, и проступки ихъ въ отношеніи къ нему приписывалъ искушенію или незлонамѣренной простотѣ. Такъ въ 4-мъ поученіи своемъ, преподобный приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно, что, будучи сильно оскорбляемъ, онъ терпѣливо переносилъ это, и, проведя, какъ онъ самъ говоритъ, въ общежитіи 9-ть лѣтъ, никому не сказалъ оскорбительнаго слова.

Послушаніе, назначенное ему игуменомъ Серидомъ, состояло въ томъ, чтобы принимать и успокоивать странниковъ, и здѣсь не разъ выказывалось его великое терпѣніе и усердіе къ служенію ближнимъ и Богу. „Когда я былъ въ общежитіи, говоритъ о себѣ преподобный Дороѳей, игуменъ, съ совѣтомъ старцевъ, сдѣлалъ меня страннопріимцемъ, а у меня не задолго передъ тѣмъ была сильная болѣзнь. И такъ (бывало) вечеромъ приходили странники, и я проводилъ вечеръ съ ними; потомъ приходили еще погонщики верблюдовъ, и я служилъ имъ; часто и послѣ

того, какъ я уходилъ спать, опять встрѣчалась другая надобность, и меня будили, а между тѣмъ наставалъ и часъ бдѣнія. Едва только я засыпалъ, какъ канонархъ уже будилъ меня; но отъ труда или отъ болѣзни я былъ въ изнеможеніи, и сонъ опять овладѣвалъ мною такъ, что, разслабленный отъ жара, я не помнилъ самъ себя и отвѣчалъ ему сквозь сонъ: хорошо, господинъ, Богъ да помянетъ любовь твою, и да наградитъ тебя; ты приказалъ,—я приду, господинъ. Потомъ когда онъ уходилъ, я опять засыпалъ и очень скорбѣлъ, что опаздывалъ идти въ церковь. А какъ канонарху нельзя было ждать меня; то я упросилъ двухъ братій, одного, чтобы онъ будилъ меня, другаго, чтобы онъ не давалъ мнѣ дремать на бдѣніи, и поверьте мнѣ, братія, я такъ почиталъ ихъ, какъ бы черезъ нихъ совершалось мое спасеніе, и питалъ къ нимъ великое благоговѣніе" *). Подвизаясь такимъ образомъ, преподобный Дороѳей достигъ высокой мѣры духовнаго возраста, и будучи сдѣланъ начальникомъ больницы, которую братъ его устроилъ въ монастырѣ преподобнаго Серида, служилъ для всѣхъ полезнымъ примѣромъ любви къ ближнему, и въ тоже время врачевалъ душевныя язвы и немощи братіи. Глубокое смиреніе его выражается и въ самыхъ тѣхъ словахъ, которыми онъ говоритъ о семъ въ 11-мъ поученіи своемъ. „Когда я былъ въ общежитіи, не знаю, какъ братія заблуждались (касательно меня) и исповѣдывали мнѣ помышленія свои, и Игуменъ съ совѣтомъ старцевъ велѣлъ мнѣ взять на себѣ эту заботу". Подъ его то руководствомъ преуспѣлъ въ столь краткое время и тотъ простосердечный дѣлатель послушанія Досиѳей, описанію жизни котораго посвѣщено нѣсколько особыхъ страницъ сей книги. – Имѣя съ самаго

*) См. поученіе 11.

поступленія въ монастырь наставникомъ своимъ св. Іоанна Пророка, преподобный Дороѳей принималъ отъ него наставленія, какъ изъ устъ Божіихъ, и считалъ себя счастливымъ, что въ бытность свою въ общежитіи удостоился послужить ему, какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ въ поученіи своемъ о Божественномъ страхѣ: „когда я еще былъ въ монастырѣ аввы Серида, случилось, что служитель старца аввы Іоанна, ученика аввы Варсануфія, впалъ въ болѣзнь, и авва повелѣлъ мнѣ служить старцу. А я и двери келліи его лобзалъ извнѣ (съ такимъ же чувствомъ), съ какимъ иной поклоняется честному кресту, тѣмъ болѣе (былъ я радъ) служить ему". Подражая во всѣмъ примѣру святыхъ подвижниковъ и исполняя дѣломъ благодатныя наставленія отцевъ своихъ: Великаго Варсануфія, Іоанна и игумена Серида, преподобный Дороѳей былъ несомненно и наслѣдникомъ ихъ духовныхъ дарованій. Ибо промыслъ Божій не оставилъ его подъ спудомъ неизвѣстности, но поставилъ на свѣщникѣ настоятельства; тогда какъ онъ желалъ уединенія и безмолвія, что видно изъ его вопросовъ старцамъ *).

По кончинѣ аввы Серида и св. Іоанна Пророка, когда общій наставникъ ихъ Великій Варсануфій совершенно заключился въ своей келліи, преподобный Дороѳей удалился изъ общежитія аввы Серида, и былъ настоятелемъ. Вѣроятно къ этому времени относятся поученія, говоренныя имъ своимъ ученикамъ; это поученія (въ числѣ 21) и нѣсколько посланій составляютъ все, что осталось намъ въ наслѣдіе отъ описаній преподобнаго, хотя свѣтъ ученія его распространялся не только въ обителяхъ иноческихъ, но и въ мірѣ: ибо многіе, привлекаемые славою его подвиговъ и

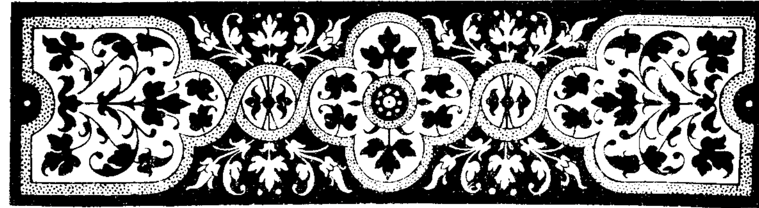
*) См. ниже вопросъ 63-й и проч.

добродѣтелей, прибѣгали къ нему за совѣтами и наставленіями, о чемъ свидѣтельствуетъ неизвѣстный писатель посланія, служащаго предисловіемъ къ его поученіямъ (который, какъ можно судить по содержанію его посланія, зналъ лично преподобнаго Дороѳея и, вѣроятно, былъ ученикомъ его). Онъ говоритъ, что преподобный, сообразно съ дарованіемъ (даннымъ ему отъ Бога), исполнялъ святое и мироносное служеніе равнымъ образомъ въ отношеніи къ богатымъ и нищимъ, мудрымъ и невѣждамъ, женамъ и мужамъ, старцамъ и юнымъ, скорбящимъ и радующимся, чужимъ и своимъ, мірскимъ и монахамъ, властямъ и подвластнымъ, рабамъ и свободнымъ: онъ всѣмъ постоянно былъ все и пріобрѣлъ очень многихъ.

Къ крайнему сожалѣнію, до насъ не дошло полнаго жизнеописанія сего великаго подвижника, которое безъ сомнѣнія было бы весьма назидательно. Выбравъ изъ его собственныхъ писаній то немногое, что мы теперь предложили читателямъ, считаемъ не лишнимъ присовокупить къ сему и свидѣтельство св. Ѳеодора Студита о подлинности и чистотѣ писаній преподобнаго Дороѳея Въ завѣщаніи своемъ, св. Ѳеодоръ говоритъ о семъ такъ: „принимаю всякую Богодухновенную книгу Ветхаго и Новаго завѣта, также и житія и Божественныя писанія всѣхъ Богоносныхъ отцевъ, учителей и подвижниковъ. Говорю же сіе ради умовреднаго Памфила, который, придя съ востока, оклеветалъ оныхъ преподобныхъ отцевъ, то есть Марка, Исаію, Варсануфія, Дороѳея и Исихія; не тѣхъ Варсануфія и Дороѳея, которые были единомысленны съ Акефалитами и съ такъ называемымъ Декакератомъ (десятирогимъ), и были за сіе преданы анаѳемѣ Святымъ Софроніемъ въ его книгѣ, ибо сіи совершенно отличны отъ вышеупомянутыхъ мною, которыхъ я, по преданію отцевъ, принимаю, вопросивъ о семъ священноначальствовавшаго святѣйшаго Патріарха Тарасія и другихъ достовѣрныхъ Восточныхъ Отцевъ; да и въ ученіяхъ вышеупомянутыхъ отцевъ я не нашелъ не только ни малѣйшаго нечестія, напротивъ, многую душевную пользу“ *). Согласно съ симъ свидѣтельствуетъ и другой древній писатель Нилъ, слова котораго напечатаны въ видѣ предисловія въ книгѣ поученій преподобнаго аввы Дороѳея, въ греческомъ подлинникѣ и въ славянскомъ его переводѣ. „Извѣстно да будетъ, говоритъ онъ, касательно сей душеполезной книги, что было два Дороѳея и два Варсануфія; одни недуговавшіе ученіемъ Севира, а другіе по всему православные и достигшіе совершенства въ подвигахъ (благочестія); сіи то самые и упоминаются въ предлежащей книгѣ, почему мы и принимаемъ оную съ любовію, какъ произведеніе сего аввы Дороѳея блаженнаго и достославнаго въ Отцахъ“.

---

*) См. завѣщаніе св. Ѳеодора въ книгѣ Огласительныхъ Поученій его. Москва. 1853. Стр. 279 и 280.



Посланіе о книгѣ сей къ брату просившему, чтобы прислали ему найденныя слова преподобнаго отца нашего аввы Дороѳея, которому и похвала здѣсь содержится съ краткимъ его жизнеописаніемъ, и сказаніе о жизни аввы Досиѳея.

Хвалю твое усердіе, ублажаю твою благословенную и поистинѣ добролюбивую душу за тщаніе о благомъ, многолюбезный братъ. Ибо такъ трудолюбиво испытывать и истинно хвалить сочиненія и дѣла блаженнаго поистинѣ и богодостойнаго отца нашего, дару Божію тезоименитаго, значитъ хвалить добродѣтель, любить Бога и заботиться объ истинной жизни. Похвала, по словамъ блаженнаго Григорія, рождаетъ соревнованіе, соревнованіе же—добродѣтель, а добродѣтель—блаженство. И такъ, должно радоваться и сорадоваться по истинѣ таковому твоему преуспѣянію: ибо ты сподобился послѣдовать стопамъ того, который подражалъ Кроткому и Смиренному сердцемъ, который, послѣдуя душевному самоотверженію Петра и прочихъ учениковъ Христовыхъ, такъ отвергнулъ отъ себя пристрастіе къ видимымъ вещамъ и такъ предалъ себя дѣламъ, угоднымъ Богу, что и онъ, какъ я твердо

знаю, могъ съ дерзновеніемъ сказать Спасителю: *се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ* (Мат. 19, 27). Отъ того и *скончався въ малѣ* съ Богомъ, *исполни лѣта долга* (Прем. 4, 13). Не въ видимыхъ пустыняхъ и горахъ пребывалъ онъ и не полагалъ великимъ имѣть власть надъ дикими звѣрями, но онъ возлюбилъ душевную пустыню и желалъ приблизиться къ горамъ вѣчнымъ, дивно просвѣщающимъ, и наступать на душегубительныя главы мысленныхъ змѣй и скорпіоновъ. Сихъ вѣчныхъ горъ онъ вскорѣ и сподобился достигнуть, съ помощію Христовою, страдальческимъ отсѣченіемъ своей воли; а отсѣченіе своей воли открыло ему непогрѣшительный путь св. отцевъ, который показалъ ему блаженное оное бремя легкимъ и спасительное, и благое иго поистинѣ благимъ. Отсѣченіемъ же своей воли онъ научился лучшему и дивному способу возвышенія — смиренію, и принятую отъ святыхъ старцевъ заповѣдь: „будь милостивъ и кротокъ“ исполнилъ на самомъ дѣлѣ, а чрезъ сіе украсился всеми добродѣтелями. Блаженный всегда носилъ во устахъ оное старческое изреченіе: „достигшій отсѣченія своей воли, достигъ мѣста покоя“. Ибо онъ, старательно испытавъ, нашелъ, что корень всѣхъ страстей есть самолюбіе *). На сіе же самолюбіе рождающееся отъ сладостно - горькой нашей воли, наложивъ такое дѣйствительное лѣкарство (т.-е. отсѣченіе воли), онъ (вмѣстѣ) съ корнемъ заставилъ увянуть и лукавыя отрасли, содѣлался истымъ воздѣлателемъ безсмертныхъ плодовъ и пожалъ истинную

*) Въ греческой книгѣ прибавлено: т.-е. любовь къ успокоенію своего тѣла.

жизнь. Усердно поискавъ сокровенное на селѣ сокровище (Мат. 13), найдя и усвоивъ его себѣ, онъ обогатился поистинѣ, получивъ богатство неистощимое. Я желалъ бы имѣть достойную силу слова и мысли, чтобы сподобиться изложить по порядку и святое житіе его, на общую пользу, въ очевидный примѣръ добродѣтели, показавъ, какъ онъ шелъ тѣснымъ и вмѣстѣ пространнымъ, преславнымъ и блаженнымъ онымъ путемъ. Ибо тѣснымъ называется путь сей потому, что идетъ неуклонно и, не раздвояясь, держится между двухъ скользкихъ стремнинъ—какъ Божій другъ и великій поистинѣ, Василій, объясняетъ тѣсноту прискорбнаго и спасительнаго пути. А пространнымъ путь сей называется по причинѣ безпристрастія и свободы шествующихъ по немъ, ради Бога, и особенно по высотѣ смиренія, которое одно только, какъ сказалъ Антоній Великій, бываетъ выше всѣхъ сѣтей діавольскихъ. Поэтому и на немъ (преподобномъ Дороѳеѣ) поистинѣ исполнилось изреченіе: *широка заповѣдь твоя зѣло* (Псал. 118, 96). Но сіе, какъ невозможно для меня, я оставляю, хорошо зная, кромѣ всѣхъ другихъ добрыхъ свойствъ блаженнаго, и то, что онъ, подобно мудрой пчелѣ, облетая цвѣты, и изъ сочиненій свѣтскихъ философовъ, когда находилъ въ нихъ что - либо, могущее принести пользу, то безъ всякой лѣности въ приличное время предлагалъ въ поученіи, говоря между прочимъ: „ничего въ излишествѣ“, „познай самаго себя“, и тому подобные душеполезные совѣты, къ исполненію которыхъ побуждаетъ меня, какъ было сказано, если не благоразумное произволеніе, то невольное мое безсиліе. А что мнѣ повелѣла ваша усердная и добролюбивая душа, то я

смѣло и сдѣлалъ, устраняяся тяжести преслушанія и боясь наказанія за лѣность, и съ симъ писаніемъ послалъ вамъ, благоразумнымъ о Богѣ торжникамъ, лежащій у меня безъ дѣйствія талантъ т.-е., найденныя поученія сего блаженнаго: и тѣ, которыя онъ сподобился принять отъ своихъ отцевъ, и тѣ, которыя онъ самъ предалъ своимъ ученикамъ, творя и уча по примѣру нашего истиннаго Наставника и Спасителя. Хотя и не всѣ слова сего святаго могли мы найдти, но только очень не многія, и тѣ были (сперва) разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, и уже по устроенію Божію собраны нѣкоторыми ревнителями; но довольно будетъ предложить и сіе малое для правомыслія разума твоего, по сказанному: *даждь премудрому вину и премудрѣйшій будетъ* (Притч. 9, 9). Каковъ былъ блаженный Дороѳей, къ цѣли иноческаго житія по Богу наставляемый, и согласно намѣренію и житіе воспріявшій,—я воспоминаю умомъ своимъ. Въ отношеніи къ духовнымъ отцамъ своимъ онъ имѣлъ крайнее отреченіе отъ вещей и искреннее новиновеніе по Богу, частое исповѣданіе, точное и неизмѣнное (храненіе) совѣсти, и, въ особенности несравненное послушаніе въ разумѣ, будучи во всемъ ономъ утверждаемъ вѣрою и усовершаемъ любовію. Въ отношеніи къ подвизавшейся съ нимъ братіи (онъ имѣлъ): стыдливость, смиреніе и привѣтливость безъ гордости и дерзости, а болѣе всего—добродушіе, простоту, неспорливость, корни благоговѣнія и доброжелательства, и сладчайшаго паче меда единодушія—матери всѣхъ добродѣтелей. Въ дѣлахъ же, усердіе и благоразуміе, кротость и спокойствіе, признакъ добраго нрава. Относительно вещей (которыми онъ распоряжался къ общей

пользѣ), въ немъ были: тщательность, опрятность, потребное безъ пышности. Все это вмѣстѣ взятое съ другими качествами въ немъ управляемо было Божественнымъ разсужденіемъ. А прежде всего и выше всего были въ немъ смиреніе, радость, долготерпѣніе, цѣломудріе, любовь къ чистотѣ, внимательность и поучительность. Но кто началъ бы вычислять все подробно, тотъ уподобился бы желающему исчислить дождевыя капли и морскія волны, да и никто не долженъ, какъ я сказалъ прежде, рѣшаться на дѣло, превышающее его силы. Лучше предоставлю вамъ сіе пріятное изслѣдованіе, и вы конечно насладитесь имъ и поймете, отъ какой жизни и отъ какого блаженнаго пребыванія Божественнымъ промышленіемъ, все ко благу устрояющимъ, приведенъ былъ къ поученію и попеченію о душахъ сей милосердый и сострадательный отецъ, по истинѣ достойный учить и просвѣщать души, великій въ разумѣ и величайшій въ простотѣ, великій въ мудрости и большій въ благоговѣніи, высокій въ видѣніи и высочайшій въ смиреніи, богатый по Богу и нищій духомъ, словомъ сладкій и сладчайшій въ обращеніи, искусный врачъ для каждой болѣзни и каждаго врачеванія. Онъ, сообразно съ дарованіемъ, исполнялъ оное святое и мироносное служеніе равнымъ образомъ въ отношеніи къ богатымъ и нищимъ, мудрымъ и невѣждамъ, женамъ и мужамъ, старцамъ и юнымъ, скорбящимъ и радующимся, чужимъ и своимъ, мірскимъ и монахамъ, властямъ и подвластнымъ, рабамъ и свободнымъ. Онъ всѣмъ постоянно былъ все и пріобрѣлъ очень многихъ. Но уже пора, возлюбленный, предложить тебѣ сладкую трапезу отеческихъ словъ, которой каждая часть и

изреченіе, даже самое малѣйшее, приноситъ не малую пользу и пріобрѣтеніе. Ибо хотя сей Божественный и дивный мужъ и высокъ былъ по дару слова, но, желая, по заповѣди, снизойти и въ этомъ и явить собой примѣръ смиренномудрія, онъ предпочиталъ вездѣ смиренный и простой образъ выраженія и невитіеватость рѣчи. Ты же, найдя наслажденіе, достойное твоего блаженнаго и искренняго раченія, радуйся и веселись, и подражай жизни тобою достойно вождѣленнаго, моля Владыку всѣхъ и о моемъ неразуміи. Сперва же скажу я вкратцѣ о блаженномъ отцѣ Досиѳеѣ, который былъ первымъ ученикомъ святаго аввы Дороѳея.

Сказаніе о блаженномъ отцѣ Досиѳеѣ, ученикѣ св. аввы Дороѳея.

Блаженный поистинѣ авва Дороѳей, возлюбивъ иноческое по Богу житіе, удалился въ киновію *) отца Серида, гдѣ нашелъ многихъ великихъ подвижниковъ, пребывавшихъ въ безмолвіи, изъ коихъ превосходнѣе всѣхъ были два великіе старца, св. Варсануфій и его ученикъ и сподвижникъ авва Іоаннъ, названный пророкомъ по дару прозорливости, который онъ имѣлъ отъ Бога. Имъ предалъ себя святый Дороѳей въ повиновеніе съ полною увѣренностію и бесѣдовалъ съ великимъ старцемъ чрезъ святаго отца Серида: отцу же Іоанну пророку сподобился и послужить. Вышеупомянутые святые старцы нашли нужнымъ, чтобы преподобный Дороѳей устроилъ больницу, и, помѣстившись тамъ, самъ имѣлъ о ней попеченіе, ибо братія очень скорбѣли о томъ, что, впадая въ болѣзни, не имѣли никого, пекущагося о нихъ. И такъ онъ, съ помощію Божіею, устроилъ больницу, при пособіи роднаго брата своего, который снабдилъ его всѣмъ нужнымъ для ея устройства, потому что былъ мужъ весьма христолюбивый и монахолюбивый. И такъ авва Дороѳей, какъ я сказалъ, съ нѣкоторыми другими бла-

*) Киновія—общежительный монастырь.

гоговѣйными братіями служилъ больнымъ и самъ, и какъ начальникъ больницы, имѣлъ надзоръ надъ симъ заведеніемъ. —Однажды послалъ за нимъ и призвалъ его къ себѣ игуменъ авва Ceридъ. Войдя къ нему, онъ нашелъ тамъ нѣкотораго юношу въ воинской одеждѣ, весьма молодаго и красиваго собою, который пришелъ тогда въ монастырь вмѣстѣ съ людьми князя, которыхъ любилъ отецъ Серидъ. Когда авва Дороѳей вошелъ, то авва Серидъ, отведя его въ сторону, сказалъ ему: „эти люди привели ко мнѣ сего юношу, говоря, что онъ хочетъ остаться въ монастырѣ и быть монахомъ, но я боюсь, не принадлежитъ ли онъ кому-нибудь изъ вельможъ, и если укралъ что нибудь, или сдѣлалъ что либо подобное и хочетъ скрыться, а мы примемъ его, то попадемъ въ бѣду, ибо ни одежда, ни видъ его, не показываютъ человѣка, желающаго быть монахомъ“. Юноша сей былъ сродникъ нѣкотораго воеводы, жилъ въ большой нѣгѣ и роскоши (ибо сродники такихъ вельможъ всегда живутъ въ большой нѣгѣ), и никогда не слыхалъ слова Божія. Однажды нѣкоторые люди воеводы разсказывали при немъ о святомъ градѣ (Іерусалимѣ); услышавъ о немъ, онъ возжелалъ видѣть тамошнюю святыню и просилъ воеводу послать его посмотрѣть святыя мѣста. Воевода, не желая опечалить его, отыскалъ одного ближняго своего друга, отправляющагося туда, и сказалъ ему: „сдѣлай мнѣ милость, возьми сего юношу съ собою посмотрѣть святыя мѣста“. Онъ же, принявъ отъ воеводы сего молодаго человѣка, оказывалъ ему всякую честь, берегъ его и предлагалъ ему вкушать пищу вмѣстѣ съ собою и женою своею.

И такъ, достигнувъ святаго града и поклонившись святымъ мѣстамъ, пришли они и въ Геѳсиманію, гдѣ было изображеніе страшнаго суда. Когда же юноша, остановясь предъ симъ изображеніемъ, смотрѣлъ на него со вниманіемъ и удивленіемъ, онъ увидѣлъ благолѣпную жену, облеченную въ багряницу, которая стояла подлѣ него и объясняла ему муку каждаго изъ осужденныхъ, и давала при томъ нѣкоторыя другія наставленія отъ себя. Юноша, слыша сіе, изумлялся и дивился, ибо, какъ я уже сказалъ, онъ никогда не слыхалъ ни слова Божія, ни того, что есть судъ. И такъ онъ сказалъ ей: „Госпожа! что должно дѣлать, чтобы избавиться отъ сихъ мукъ?“ Она отвѣчала ему: „постись, не ѣшь мяса, и молись часто, и избавишься отъ мукъ“. Давши ему сіи три заповѣди, багряноносная жена стала невидима и болѣе не являлась ему. Юноша обошелъ все то мѣсто, ища ея, полагая, что это была (обыкновенная) жена, но не нашелъ ея: ибо то была Святая Марія Богородица. Съ тѣхъ поръ юноша сей пребывалъ въ умиленіи и хранилъ три заповѣди, данныя ему; а другъ воеводы, видя, что онъ постится и не ѣстъ мяса, скорбѣлъ о семъ за воеводу, ибо онъ зналъ, что воевода особенно берегъ сего юношу. Воины же, которые были съ нимъ, видя, что онъ такъ себя ведетъ, сказали ему: „юноша! то, что ты дѣлаешь, неприлично человѣку, хотящему жить въ мірѣ; если ты хочешь такъ жить, то иди въ монастырь и спасешь душу свою“. А онъ, не зная ничего Божественнаго, ни того, что такое монастырь, и соблюдая только слышанное отъ оной Жены, сказалъ имъ: „ведите меня, куда знаете, ибо я не знаю, куда идти“. Нѣкоторые изъ нихъ были, какъ я сказалъ,

любимы аввою Серидомъ и, придя въ монастырь, привели сего юношу съ собою. Когда же авва послалъ блаженнаго Дороѳея поговорить съ нимъ, авва Дороѳей испытывалъ его и нашелъ, что юноша не могъ ничего другаго сказать ему, какъ только: „хочу спастись“. Тогда онъ пришелъ и сказалъ аввѣ: „если тебѣ угодно принять его, не бойся ничего, ибо въ немъ нѣтъ ничего злаго“. Авва сказалъ ему: „сдѣлай милость, прими его къ себѣ для его спасенія, ибо я не хочу, чтобы онъ былъ посреди братій“. Авва Дороѳей, по благоговѣнію своему, долго отказывался отъ сего, говоря: „выше силы моей принять на себя чью-либо тяготу, и не моей это мѣры“. Авва отвѣчалъ ему: „я ношу и твою и его тяготу, о чемъ же ты скорбишь?“ Тогда блаженный Дороѳей сказалъ ему: „когда ты рѣшилъ такимъ образомъ, то возвѣсти о семъ старцу*), если тебѣ угодно“. Авва отвѣчалъ ему: „хорошо я скажу ему“. И онъ пошелъ и возвѣстилъ о семъ великому старцу. Старецъ же сказалъ блаженному Дороѳею: „прими сего юношу, ибо чрезъ тебя Богъ спасетъ его“. Тогда онъ принялъ его съ радостію, и помѣстилъ его съ собою въ больницѣ. Имя его было Досиѳей.

Когда пришло время вкушать пищу, авва Дороѳей сказалъ ему: „ѣшь до сытости, только скажи мнѣ, сколько ты съѣшь“. Онъ пришелъ и сказалъ ему: „я съѣлъ полтора хлѣба, а въ хлѣбѣ было четыре литры“ **). Авва Дороѳей спросилъ его: „довольно ли тебѣ сего, Досиѳей?“ Тотъ отвѣчалъ: „да, господине

*) Великому старцу Варсануфію.

**) Литра содержитъ около 3/4 фунта.

мой, мнѣ довольно сего“. Авва спросилъ его: „не голоденъ ты, Досиѳей?“ Онъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, владыко не голоденъ“. Тогда авва Дороѳей сказалъ ему: „въ другой разъ съѣшь одинъ хлѣбъ, а другую половину хлѣба раздѣли пополамъ, съѣшь одну четверть, другую же четверть раздѣли на двое, съѣшь одну половину“. Досиѳей исполнилъ такъ. Когда же авва Дороѳей спросилъ его: „голоденъ ли ты, Досиѳей?“ Онъ отвѣчалъ: „да, господине, немного голоденъ“. Чрезъ нѣсколько дней опять говорилъ ему: „каково тебѣ, Досиѳей? продолжаешь ли ты чувствовать себя голоднымъ?“ Онъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, господине, молитвами твоими мнѣ хорошо“. Говоритъ ему авва: „и такъ отложи и другую половину четверти“. И онъ исполнилъ сіе. Опять чрезъ нѣсколько дней (авва Дороѳей), спрашиваетъ у него: „каково тебѣ теперь (Досиѳей) не голоденъ ли ты?“ Онъ отвѣчалъ: „мнѣ хорошо, господине“ Говоритъ ему авва: „раздѣли и другую четверть на двое, и съѣшь половину, а половину оставь“. Онъ исполнилъ сіе. И такъ съ Божіею помощію, мало по малу, отъ шести литръ, а литра имѣетъ двѣнадцать унцій, онъ остановился на осьми унціяхъ, т.-е. шестидесяти четырехъ драхмахъ. Ибо и употребленіе пищи зависитъ отъ привычки.

Юноша сей былъ тихъ и искусенъ во всякомъ дѣлѣ, которое исполнялъ; онъ служилъ въ больницѣ больнымъ, и каждый былъ успокоенъ его служеніемъ, ибо онъ все дѣлалъ тщательно. Если-же случалось ему оскорбиться на кого-нибудь изъ больныхъ и сказать что-либо съ гнѣвомъ, то онъ оставлялъ все, уходилъ въ келарню (кладовую) и плакалъ. Когда же другіе служители больницы входили утѣшать его, и

онъ оставался неутѣшнымъ, то они приходили къ отцу Дороѳею и говорили ему: „сдѣлай милость, отче, пойди и узнай, что случилось съ этимъ братомъ: онъ плачетъ и мы не знаемъ, отъ чего". Тогда авва Дороѳей входилъ къ нему и, найдя его сидящимъ на землѣ и плачущимъ, говорилъ ему: „что такое, Досиѳей, что съ тобою? О чемъ ты плачешь?" Досиѳей отвѣчалъ: „прости меня, отче, я разгнѣвался и худо говорилъ съ братомъ моимъ". Отецъ отвѣчалъ ему на это: „такъ-то, Досиѳей, ты гнѣваешься, и не стыдишься, что гнѣваешься и обижаешь брата своего? развѣ ты не знаешь, что онъ есть Христосъ и что ты оскорбляешь Христа?" Досиѳей преклонялъ съ плачемъ голову и ничего не отвѣчалъ. И когда авва Дороѳей видѣлъ, что онъ уже довольно плакалъ, то говорилъ ему тихо: „Богъ проститъ тебя. Встань, отнынѣ положимъ начало (исправленія себя); постараемся, и Богъ поможетъ". Услышавъ это, Досиѳей тотчасъ же вставалъ и съ радостію спѣшилъ къ своему служенію, какъ бы поистинѣ отъ Бога получилъ прощеніе и извѣщеніе. Такимъ образомъ служащіе въ больницѣ, узнавъ его обыкновеніе, когда видѣли его плачущимъ, говорили: „что нибудь случилось съ Досиѳеемъ, онъ опять въ чемъ нибудь согрѣшилъ", и говорили блаженному Дороѳею: „Отче, войди въ кладовую, тамъ тебѣ есть дѣло". Когда же онъ входилъ и находилъ Досиѳея, сидящаго на землѣ и плачущаго, то догадывался, что онъ сказалъ кому-нибудь худое слово. И говорилъ ему: „что такое, Досиѳей? или ты опять оскорбилъ Христа? или опять разгнѣвался? не стыдно ли тебѣ? почему ты не исправляешся?" А тотъ продолжалъ плакать. Когда же (авва Дороѳей) опять видѣлъ, что онъ на-

сытился плачемъ, то говорилъ ему: „встань, Богъ да проститъ тебя; опять положи начало и исправься наконецъ". Досиѳей тотчасъ же съ вѣрою отвергалъ печаль оную и шелъ на дѣло свое. Онъ очень хорошо постилалъ больнымъ постели и имѣлъ такую свободу въ исповѣданіи своихъ помысловъ, что часто, когда постилалъ постель и видѣлъ, что блаженный Дороѳей проходитъ мимо, говорилъ ему: „Отче, Отче, помыслъ говоритъ мнѣ: ты хорошо постилаешь". И отвѣчалъ ему авва Дороѳей: „О диво! Ты сталъ хорошимъ рабомъ, отличнымъ постельничимъ *), а хорошій ли ты монахъ?".

Никогда авва Дороѳей не позволялъ ему имѣть пристрастіе къ какой либо вещи, или къ чему бы то ни было; и все, что онъ говорилъ, Досиѳей принималъ съ вѣрою и любовью, и во всемъ усердно слушалъ его. Когда ему нужна была одежда, авва Дороѳей давалъ ему оную (шить самому), и онъ уходилъ и шилъ ее съ большимъ стараніемъ и усердіемъ. Когда же онъ оканчивалъ ее, блаженный призывалъ его и говорилъ: „Досиѳей, сшилъ ли ты ту одежду"? Онъ отвѣчалъ: „да, отче, сшилъ и хорошо ее отдѣлалъ". Авва Дороѳей говорилъ ему: „поди и отдай ее такому-то брату, или тому-то больному". Тотъ шелъ и отдавалъ ее съ радостію. (Блаженный) опять давалъ ему другую, и также, когда тотъ сшивалъ и оканчивалъ ее, говорилъ ему: „отдай ее сему брату". Онъ отдавалъ тотчасъ, и никогда не поскорбѣлъ и не ропталъ,

*) Заимствованное изъ житія преподобнаго въ Четьи-Минеи (19 февраля) и греческой книги; а въ славянскомъ переводѣ оной сіе мѣсто читается такъ: бяше добръ рабъ, бысть добръ оселъ, еда бо добръ инокъ?

говоря: „всякій разъ, когда я сошью и старательно отдѣлаю одежду, онъ отнимаетъ ее отъ меня и отдаетъ другому", но все хорошее, что онъ слышалъ, исполнялъ съ усердіемъ.

Однажды нѣкто изъ посылаемыхъ на послушаніе внѣ монастыря принесъ хорошій и очень красивый ножъ. Досиѳей взялъ его и показалъ отцу Дороѳею, говоря: „такой-то братъ принесъ этотъ ножъ, и я взялъ его, чтобы, если повелишь, имѣть его въ больницѣ, потому что онъ хорошъ". Блаженный же Дороѳей никогда не пріобрѣталъ для больницы ничего красиваго, но только то, что было хорошо въ дѣлѣ. И (потому) сказалъ Досиѳею: „покажи я посмотрю хорошъ ли онъ?" Онъ подалъ ему, говоря: „да, отче, онъ хорошъ". Авва увидѣлъ, что это дѣйствительно вещь хорошая, но такъ какъ не хотѣлъ, чтобы Досиѳей имѣлъ пристрастіе къ какой-либо вещи, то и не велѣлъ ему носить сего ножа и сказалъ: „Досиѳей! уже ли тебѣ угодно быть рабомъ ножу сему, а не рабомъ Богу? Или тебѣ угодно связать себя пристрастіемъ къ ножу сему? Или ты не стыдишься, желая, чтобы обладалъ тобою сей ножъ, а не Богъ?" Онъ же, слыша это, не поднималъ головы, но поникнувъ лицемъ долу, молчалъ. Наконецъ побранивъ его довольно, авва Дороѳей сказалъ ему: „пойди и положи ножъ въ больницѣ, и никогда не прикасайся къ нему", и Досиѳей такъ остерегался прикасаться къ ножу сему, что не дерзалъ его брать и для того, чтобы подать когда нибудь другому, и тогда какъ другіе служители брали его, онъ одинъ не прикасался къ нему. И никогда не сказалъ: „не таковъ ли и я, какъ всѣ

прочіе!" но все что онъ ни слышалъ отъ отца, исполнялъ съ радостію. Такъ провелъ онъ не долгое время своего пребыванія въ монастырѣ, ибо онъ прожилъ въ немъ только пять лѣтъ, и скончался въ послушаніи, никогда и ни въ чемъ не исполнивъ своей воли и не сдѣлавъ ничего по пристрастію. Когда же онъ впалъ въ болѣзнь и сталъ харкать кровью (отъ чего и умеръ), услышалъ онъ отъ кого-то что недоваренныя яйца полезны харкающимъ кровью: это было извѣстно и блаженному Дороѳею, который заботился о его исцѣленіи, но, по множеству дѣлъ, средство это не пришло ему на умъ. Досиѳей сказалъ ему: „отче, хочу сказать тебѣ, что я слышалъ о вещи, полезной для меня, но не хочу, чтобы ты далъ мнѣ ее, потому что помыслъ о ней безпокоитъ меня". Дороѳей отвѣчалъ ему (на сіе): „скажи мнѣ, чадо, какая эта вещь?" Онъ отвѣчалъ ему: „дай мнѣ слово, что ты не дашь мнѣ ее, потому, что, какъ я сказалъ, помыслъ смущаетъ меня о семъ". Авва Дороѳей говоритъ ему: „хорошо, я сдѣлаю, какъ ты желаешь". Тогда больной сказалъ ему: „я слышалъ отъ нѣкоторыхъ, что недоваренныя яйца полезны харкающимъ кровью: но Господа ради, если тебѣ угодно, чего ты прежде не далъ мнѣ самъ отъ себя, того не давай мнѣ и теперь ради моего помысла". Авва отвѣчалъ ему: „хорошо, если не хочешь, то я не дамъ тебѣ, только не скорби". И онъ старался, вмѣсто яицъ давать ему другія полезныя для него лѣкарства, ибо Досиѳей прежде сказалъ, что помыслъ смущаетъ его касательно яицъ. Вотъ какъ онъ подвизался отсѣчь свою волю, даже и въ такой болѣзни.

Онъ имѣлъ всегда и память Божію, ибо (авва Дороѳей) заповѣдалъ ему постоянно говорить: „Господи, Іисусе Христе, помилуй мя“, и между этимъ: „Сыне Божій помози ми“: такъ онъ всегда произносилъ эту молитву. Когда же болѣзнь его весьма усилилась, блаженный сказалъ ему: „Досиѳей, заботься о молитвѣ, смотри, чтобы не лишиться ея“. Онъ отвѣчалъ: „хорошо, отче, (только) молись о мнѣ“. Опять когда ему сдѣлалось еще хуже, (блаженный) сказалъ ему: „что, Досиѳей, какъ молитва, продолжается ли по прежнему?“ Онъ отвѣчалъ ему: „да, отче, твоими молитвами“. Когда же ему стало весьма трудно и болѣзнь такъ усилилась, что его носили на простынѣ, авва Дороѳей спросилъ у него: „какъ молитва, Досиѳей?“ Онъ отвѣчалъ: „прости, отче, болѣе не могу держать ее“ Тогда сказалъ ему (авва Дороѳей): „и такъ оставь молитву, только вспоминай Бога и представляй себѣ Его, какъ сущаго предъ тобою“. Страдая сильно, Досиѳей возвѣстилъ о семъ великому старцу *), говоря: „отпусти меня, болѣе не могу терпѣть“. На сіе старецъ отвѣчалъ ему: „терпи, чадо, ибо близка милость Божія“. Блаженный же Дороѳей, видя, что онъ такъ сильно страдалъ, скорбѣлъ о семъ, боясь, чтобы онъ не повредился умомъ. Черезъ нѣсколько дней Досиѳей опять возвѣстилъ о себѣ старцу, говоря: „Владыко мой, не могу болѣе (жить)“; тогда старецъ отвѣчалъ ему: „иди, чадо, съ миромъ, предстань Святой Троицѣ, и молись о насъ“.

Услышавъ сей отвѣтъ старца, братія начали негодовать и говорить: „что онъ сдѣлалъ особеннаго, или

*) Св. Варсануфію.

каковъ былъ подвигъ его, что онъ услышалъ сіи слова?“ Ибо они дѣйствительно не видѣли, чтобы Досиѳей особенно подвизался, или вкушалъ пищу черезъ день, какъ дѣлали нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ, или, чтобы онъ бодрствовалъ прежде обычнаго бдѣнія, но и на самое бдѣніе вставалъ не къ началу; также не видѣли, чтобы онъ имѣлъ особенное воздержаніе, но напротивъ примѣчали, что если случайно оставалось отъ больныхъ немного соку или рыбьихъ головъ, или чего нибудь подобнаго, то онъ ѣлъ это. А тамъ были иноки, которые, какъ я сказалъ, долгое время вкушали пищу черезъ день и удвоивали свои бдѣнія и воздержаніе. Они-то, услышавъ, что старецъ послалъ таковый отвѣтъ юношѣ, пробывшему въ монастырѣ только пять лѣтъ, смущались, не зная дѣланія его и несомнѣннаго во всемъ послушанія, что онъ никогда ни въ чемъ не исполнилъ своей воли, что, если случалось когда-нибудь блаженному Дороѳею сказать ему слово, смѣясь надъ нимъ (и какъ бы что-нибудь приказывая), то онъ поспѣшно шелъ и исполнялъ это безъ разсужденія. Напримѣръ, сначала онъ по привычкѣ говорилъ громко; блаженный Дороѳей, смѣясь надъ нимъ, однажды сказалъ ему: „тебѣ нуженъ вукократъ, Досиѳей? хорошо, пойди же возьми вукократъ“. Онъ, услышавъ это, пошелъ и принесъ чашу съ виномъ и хлѣбомъ *), и подалъ ему, чтобы принять благословеніе. Авва Дороѳей, не понимая этого, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и сказалъ: „чего ты хочешь?“ Онъ отвѣчалъ: „ты велѣлъ мнѣ взять вукократъ, такъ дай мнѣ благословеніе“. Тогда онъ сказалъ: „безсмысленный, такъ какъ ты кри-

*) Въ греческ. книгѣ прибавлено: ибо это и значитъ вукократъ.

чишь подобно Готѳамъ, которые кричатъ когда (напьются) и разсердятся, то и я сказалъ тебѣ: возьми вукократъ, ибо ты говоришь, какъ Готѳъ". Досиѳей же, услышавъ это, поклонился и отнесъ обратно принесенное имъ.

Однажды пришелъ онъ также спросить (авву Дороѳея) объ одномъ изреченіи святаго Писанія, ибо ради чистоты своей онъ началъ понимать святое Писаніе. Блаженный же Дороѳей, не хотѣлъ, чтобы онъ вдавался въ это, но чтобы лучше охранялся смиреніемъ. И такъ, когда Досиѳей спросилъ его, онъ отвѣчалъ ему: „не знаю". Но тотъ, не понявъ (намѣренія отца своего), опять пришелъ и спросилъ его о другой главѣ. Тогда онъ сказалъ ему: „не знаю, но пойди и спроси отца Игумена," и Досиѳей пошелъ, уже ни мало не разсуждая: авва же Додоѳей предварительно сказалъ Игумену: „если Досиѳей придетъ къ тебѣ спросить что нибудь изъ Писанія, то побей его слегка". И такъ когда онъ пришелъ и спросилъ (Игумена), тотъ началъ толкать его, говоря: „зачѣмъ ты не сидишь спокойно (въ своей кельѣ) и не молчишь, когда ты ничего не знаешь? Какъ смѣешь ты спрашивать о такихъ предметахъ? Что не заботишься о нечистотѣ своей?" И сказавъ ему еще нѣсколько подобныхъ выраженій. Игуменъ отослалъ его, давъ ему и два легкихъ удара по щекамъ. Досиѳей возвратясь къ аввѣ Дороѳею, показалъ ему свои щеки, покраснѣвшіе отъ удареній, и сказалъ: „вотъ я получилъ чего просилъ". *) Но не сказалъ ему: „зачѣмъ ты самъ не вразумилъ меня, а послалъ къ отцу (Игумену?)

*) Въ слав. «имамь и пястицу на хребтѣ».

Онъ не сказалъ ничего подобнаго, но все (что говорилъ ему отецъ его) принималъ съ вѣрою и исполнялъ, не разсуждая. Когда же онъ вопрошалъ авву Дороѳея о какомъ-либо помыслѣ, то съ такою увѣренностью принималъ слышанное и такъ соблюдалъ оное, что во второй разъ уже не спрашивалъ (старца) о томъ же помыслѣ.

И такъ, не понимая, какъ я сказалъ, чуднаго сего дѣланія, нѣкоторые изъ братіи роптали о сказанномъ Досиѳею отъ великаго старца. Когда же Богъ восхотѣлъ явить славу, уготованную ему за святое его послушаніе, а также и даръ ко спасенію душъ, который имѣлъ блаженный авва Дороѳей, хотя и былъ еще ученикомъ, сподобившись такъ вѣрно и скоро наставить Досиѳея къ Богу: тогда въ скоромъ времени по блаженной кончинѣ Досиѳея, случилось слѣдующее: одинъ великій старецъ, изъ другаго мѣста пришедши къ находившимся тамъ (въ киновіи аввы Серида) братіямъ, возжелалъ видѣть прежде почившихъ св. отцевъ сей киновіи и помолился Богу, чтобы Онъ открылъ ему о нихъ. И увидѣлъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, стоящихъ какъ бы въ ликѣ, посреди же ихъ былъ нѣкоторый юноша. Старецъ послѣ спросилъ: „кто тотъ юноша, котораго я видѣлъ среди святыхъ отцевъ?" И когда онъ описалъ примѣты лица его, то всѣ узнали, что это былъ Досиѳей, и прославили Бога, удивляясь, отъ какой жизни и отъ какого прежняго пребыванія, въ какую мѣру сподобился онъ достигнуть въ столь короткое время тѣмъ, что имѣлъ послушаніе и отсѣкалъ свою волю. За нихъ всѣхъ воздадимъ славу человѣколюбивому Богу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АВВЫ ДОРОѲЕЯ

ДУШЕПОЛЕЗНЫЯ ПОУЧЕНІЯ

КЪ СВОИМЪ УЧЕНИКАМЪ,

составленныя имъ, когда онъ вышелъ изъ обители аввы Серида и основалъ съ помощію Божіею свой собственный монастырь, послѣ кончины аввы Іоанна, названнаго Пророкомъ, и по совершенномъ молчаніи аввы Варсануфія.

Преподобнаго отца нашего аввы Дороѳея душеполезныя поученія къ своимъ ученикамъ, составленныя имъ, когда онъ вышелъ изъ обители аввы Серида и основалъ съ помощію Божіею свой собственный монастырь, послѣ кончины аввы Іоанна, названнаго Пророкомъ, и по совершенномъ молчаніи аввы Варсануфія.

ПОУЧЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ отверженіи міра.

Въ началѣ, когда Богъ сотворилъ человѣка (Быт. 2. 20), Онъ помѣстилъ его въ раю, какъ говоритъ божественное и святое Писаніе, и украсилъ его всякою добродѣтелію, давъ ему заповѣдь не вкушать отъ древа, бывшаго посреди рая. И такъ, онъ пребывалъ тамъ въ наслажденіи райскомъ: молитвѣ, въ созерцаніи, во всякой славѣ и чести, имѣя чувства здравыя и находясь въ томъ естественномъ (состояніи), въ какомъ былъ созданъ. Ибо Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему, т. е., безсмертнымъ, самовластнымъ и украшеннымъ всякою добродѣтелію. Но когда онъ преступилъ заповѣдь, вкусивши плодъ древа, отъ котораго Богъ заповѣдалъ ему не вкушать, тогда онъ

былъ изгнанъ изъ рая (Быт. 3), отпалъ отъ естественнаго (состоянія) и впалъ въ противуестественное, и пребывалъ уже въ грѣхѣ, въ славолюбіи, въ любви къ наслажденіямъ вѣка сего и въ прочихъ страстяхъ, и былъ обладаемъ ими, ибо самъ сдѣлался рабомъ ихъ чрезъ преступленіе. Тогда мало-по-малу начало возрастать зло, и воцарилась смерть. Нигдѣ не стало Богопочтенія, а повсюду было невѣдѣніе Бога. Только немногіе, какъ сказали отцы наши, побуждаемые естественнымъ закономъ, знали Бога, каковы были Авраамъ и прочіе патріархи, и Ной, и Іаковъ, короче сказать, очень немногіе и весьма рѣдкіе знали Бога. Ибо тогда врагъ излилъ всю злобу свою; и поелику воцарился грѣхъ, то начались: идолослуженіе, многобожіе, чародѣйства, убійство и прочее діавольское зло. И тогда то благій Богъ, умилосердившись надъ своимъ созданіемъ, далъ чрезъ Моусея написанный законъ, въ которомъ одно запретилъ, а другое повелѣлъ, какъ бы говоря: это дѣлайте, а сего не дѣлайте. Онъ далъ заповѣдь и прежде всего говоритъ: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второзак. 6. 4), чтобы чрезъ сіе отвлечь умъ ихъ отъ многобожія. И опять говоритъ: *и возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею, и всею мыслію твоею* (ст. 5). И вездѣ возвѣщаетъ, что единъ Богъ, и единъ Господь, и что нѣтъ иного. Ибо: сказавъ: *Возлюбиши Господа Бога твоего,* онъ показалъ, что единъ есть Богъ и единъ Господь. И опять въ десятословіи говоря: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому Единому послужиши, и къ Нему прилѣпишися, и именемъ Его кленешися* (Второз. 6, 13), потомъ присовокупляетъ: *да не будутъ тебѣ бози иніи, иже всяко подобіе, елика на небеси горѣ, и ели-*

ка на земли низу (Исход. 20, 3, 4), ибо люди служили всѣмъ тварямъ.

И такъ, благій Богъ далъ законъ въ помощь для обращенія отъ зла, для исправленія онаго; однако оно не исправилось. Послалъ пророковъ, но и они успѣха не имѣли, ибо зло превозмогло, какъ говоритъ Исаія: *ни струпъ, ни язва, ни рана палящаяся, нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія* (Исаія 1, 6). Какъ бы сказалъ: зло не частное, не на одномъ мѣстѣ, но во всемъ тѣлѣ, объяло всю душу, овладѣло всѣми силами ея, *нѣсть пластыря приложити* и проч., т. е. все стало подвластно грѣху, всѣмъ онъ обладаетъ. И Іеремія также говоритъ: *врачевахомъ Вавилона и не исцѣлѣ* (Іер. 51, 9), т. е., мы явили имя Твое, возвѣстили заповѣди Твои, благодѣянія и обѣтованія, предсказали Вавилону нашествіе враговъ, но онъ не исцѣлѣлъ, т. е. не покаялся, не убоялся, не обратился отъ злыхъ дѣлъ своихъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *не пріясте наказанія* (Іерем. 2, 30), т. е. вразумленія или наставленія. И въ псалмѣ сказано: *всякаго брашна возгнушася душа ихъ, и приближишася до вратъ смертныхъ* (Псал. 106, 18).— Тогда наконецъ преблагій и человѣколюбивый Богъ послалъ единороднаго Сына Своего; ибо одинъ только Богъ могъ исцѣлить такую болѣзнь, и это было не безъизвѣстно пророкамъ. Посему и пророкъ Давидъ ясно говоритъ: *сѣдяй на херувимѣхъ явися, воздвигни силу Твою, и пріиди во еже спасти насъ* (Псал. 79, 2. 9), и: *Господи, приклони небеса, и сниди* (Псал. 143, 5), и тому подобное. И другіе пророки различнымъ образомъ изрекли многое: одни, моля чтобы онъ сошелъ, другіе, извѣщая, что Онъ непремѣнно снидетъ.

И такъ, пришелъ Господь нашъ, сдѣлавшись насъ ради человѣкомъ, чтобы, какъ говоритъ св. Григорій, подобнымъ исцѣлить подобное, душею душу, плотію плоть, ибо Онъ по всему, кромѣ грѣха сталъ, человѣкомъ. Онъ принялъ самое естество наше, начатокъ нашего состава, и сдѣлался новымъ Адамомъ, по образу Бога, создавшаго перваго Адама, обновилъ естественное состояніе и чувства сдѣлалъ опять здоровыми, какими они были въ началѣ. Сдѣлавшись человѣкомъ, возставилъ падшаго человѣка, освободилъ его, порабощеннаго грѣхомъ и насильственно имъ обладаемаго. Ибо съ насиліемъ и мучительски владѣлъ врагъ человѣкомъ, такъ что и нехотѣвшіе грѣшить невольно согрѣшали, какъ говоритъ Апостолъ отъ лица нашего: *не еже хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Римл. 7, 19).

И такъ, Богъ, сдѣлавшись ради насъ человѣкомъ, освободилъ отъ мучительства вражія. Ибо Богъ низложилъ всю силу врага, сокрушилъ самую крѣпость его и избавилъ насъ отъ владычества его, и освободилъ насъ отъ повиновенія и рабства ему, если только мы сами не захотимъ согрѣшать произвольно. Потому что Онъ далъ намъ власть, какъ онъ сказалъ, *наступати на змію и скорпію, и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19), очистивъ насъ святымъ крещеніемъ отъ всякаго грѣха, ибо святое крещеніе отъемлетъ и истребляетъ всякій грѣхъ. Притомъ преблагій Богъ, зная немощь нашу и предвидя, что мы, и по святомъ крещеніи, будемъ согрѣшать, какъ сказано въ Писаніи, что *прилежитъ помышленіе человѣку прилежно на злая отъ юности его* (Быт. 8, 21), далъ намъ, по благости своей, святыя заповѣди, очищающія насъ, дабы мы,

если пожелаемъ, могли опять соблюденіемъ заповѣдей очиститься не только отъ грѣховъ нашихъ, но и отъ самыхъ страстей. Ибо оно суть страсти, и иное грѣхи. Страсти суть: гнѣвъ, тщеславіе, сластолюбіе, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грѣхи же суть самыя дѣйствія страстей, когда кто приводитъ ихъ въ исполненіе на дѣлѣ, т. е. совершаетъ тѣломъ тѣ дѣла, къ которымъ побуждаютъ его страсти, ибо можно имѣть страсти, но не дѣйствовать по нимъ.

И такъ Онъ далъ намъ, какъ я сказалъ, заповѣди, очищающія (насъ) и отъ самыхъ страстей нашихъ, отъ самыхъ худыхъ залоговъ, (находящихся) во внутреннемъ человѣкѣ нашемъ: ибо даетъ ему силу различить добро и зло, возбуждаетъ его, показываетъ ему причины, по которымъ онъ впадаетъ въ согрѣшенія, и говоритъ: законъ сказалъ не прелюбодѣйствуй, а я говорю: даже не похотствуй. Законъ сказалъ: не убивай, а я говорю: даже не гнѣвайся (Матѳ. 5, 27. 28). Ибо если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сего дня и не прелюбодѣйствовалъ, но похоть не перестанетъ внутренно смущать тебя, пока не вовлечетъ и въ самое дѣйствіе. Если ты гнѣваешься и раздражаешься на брата своего, то когда-нибудь впадешь и въ злословіе, (потомъ) начнешь и коварствовать (противъ него), и такимъ образомъ, мало-по-малу идя впередъ, дойдешь наконецъ и до убійства. Еще законъ говоритъ: *око за око, зубъ за зубъ*, и прочее (Левит. 24, 20). Христосъ же учитъ не только терпѣливо переносить ударъ по ланитѣ, но и со смиреніемъ обращать другую ланиту. Ибо тогда цѣль закона была научить насъ не дѣлать того, чего сами не хотимъ пострадать, потому онъ и останавливалъ насъ

отъ дѣланія зла страхомъ, чтобы самимъ не пострадать (того же). Нынѣ же требуется, какъ я сказалъ, изгнать самую ненависть, самое сластолюбіе, самое славолюбіе и прочія страсти. Словомъ, теперь цѣль владыки нашего Христа есть научить насъ, отъ чего мы впали во всѣ грѣхи сіи, отъ чего постигли насъ такіе злые дни. И такъ сперва, какъ я уже сказалъ, Онъ освободилъ насъ святымъ крещеніемъ, подавъ намъ свободу дѣлать добро, если пожелаемъ, и не увлекаться уже, такъ сказать, насильственно ко злу; ибо того, кто порабощенъ грѣхами, они отягощаютъ и увлекаютъ, какъ и сказано, что каждый связывается узами своихъ грѣховъ (Притч. 5, 22).

Потомъ Онъ научаетъ насъ какъ посредствомъ святыхъ заповедей очищаться и отъ самыхъ страстей, чтобы чрезъ нихъ не впасть опять въ тѣ же грѣхи. Наконецъ, показываетъ намъ и причину, отъ которой приходитъ человѣкъ въ небреженіе и преслушаніе самихъ заповѣдей Божіихъ, и такимъ образомъ подаетъ намъ врачевство и (противу) сей (причины), дабы мы возмогли сдѣлаться послушными и спастись. Какое же это врачевство и какая причина небреженія? Послушайте, что говоритъ самъ Господь нашъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь, и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Вотъ здѣсь Онъ показалъ намъ вкратцѣ, однимъ словомъ, корень и причину всѣхъ золъ, и врачевство отъ оныхъ, - причину всего благаго: показалъ, что возношеніе низложило насъ, что невозможно иначе получить помилованіе какъ чрезъ противоположное ему, т.-е. смиренномудріе. Ибо возношеніе рождаетъ пренебреженіе, преслушаніе и погибель, какъ и смиренно-

мудріе рождаетъ послушаніе и спасеніе души. Разумѣю же истинное смиренномудріе, не въ словахъ только или во внѣшнемъ образѣ смиреніе, но собственно смиренный залогъ*), утвердившійся въ самомъ сердцѣ. И такъ, желающій найдти истинное смиреніе и покой душе своей, да научится смиренномудрію и увидитъ, что въ немъ всякая радость и всякая слава, и весь покой, какъ и въ гордости все противное. Ибо отъ чего подверглись мы всѣмъ скорбямъ симъ? Не отъ гордости ли нашей? Не отъ безумія ли нашего? Не отъ того ли, что мы не обуздываемъ злаго произволенія нашего? Не отъ того ли, что мы держимся горькаго своеволія нашего? Да и отъ чего же болѣе? Не былъ ли человѣкъ, по сотвореніи своемъ, во всякомъ наслажденіи, во всякой радости, во всякомъ покоѣ, во всякой славѣ? Не былъ онъ въ раю? Ему было повелѣно не дѣлать сего, а онъ сдѣлалъ. Видишь ли гордость? Видишь ли упрямство? Видишь ли непокорность?

Послѣ сего Богъ, видя такое безстыдство, говоритъ: онъ безуменъ, онъ не умѣетъ наслаждаться радостію. Если онъ не испытаетъ злоключеній, то пойдетъ (еще) далѣе и совершенно погибнетъ. Ибо если не узнаетъ, что такое скорбь, то не узнаетъ, и что такое покой. Тогда (Богъ) воздалъ ему то чего, онъ былъ достоинъ, и изгналъ его изъ рая. И (человѣкъ) былъ преданъ собственному своему самолюбію и собственной волѣ, чтобы они сокрушили кости его, чтобы онъ научился слѣдовать не самому себѣ, но заповѣдямъ Божіимъ, чтобы самое злостраданіе преслушанія научило его покою послушанія, какъ сказано у пророка: *накажетъ тя отступленіе твое* (Іеремія 2, 19). Однако благость Божія, какъ я часто говорилъ, не презрѣла своего созданія, но опять увѣщеваетъ, опять призываетъ: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы* (Мат. 11, 28). Какъ бы говоритъ: вотъ вы трудились, вотъ вы пострадали, вотъ вы испытали злыя (слѣдствія) вашей непокорности; придите же теперь, обратитесь; придите, познайте немощь свою, дабы войти въ покой и славу вашу. Придите, оживотворите себя смиренномудріемъ, вмѣсто высокоумія, которымъ вы себя умертвили. *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь, и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мат. 11, 29). О, удивленіе, братія мои, что дѣлаетъ гордость! О, чудо, сколь сильно смиренномудріе! Ибо какая была нужда во всѣхъ сихъ превратностяхъ? Если бы (человѣкъ) сначала смирился, послушалъ Бога и сохранилъ заповѣдь, то не палъ бы.

*) Смиренное чувство.

Опять, по паденіи, (Богъ) далъ ему возможность покаяться и быть помилованнымъ, но выя его осталась непреклонною. Ибо (Богъ) пришелъ, говоря ему: *Адаме, гдѣ еси?* т.-е. изъ какой славы въ какой стыдъ перешелъ ты? И потомъ, вопрошая его: зачѣмъ ты согрѣшилъ, зачѣмъ преступилъ (заповѣдь), приготовлялъ его собственно къ тому, чтобы онъ сказалъ: „*прости*". Но нѣтъ смиренія! Гдѣ слово „*прости*"? Нѣтъ покоянія, но совсѣмъ противное. Ибо онъ прекословитъ и возражаетъ: *жена, юже ми еси далъ (прельсти мя)*, и не сказалъ: „жена моя прельсти мя", но „*жена, юже ми еси далъ*", какъ бы говоря: „эта бѣда, которую Ты навелъ на главу мою". Ибо такъ всегда бываетъ, братія мои: когда человѣкъ не хочетъ порицать себя,

то онъ не усомнится обвинять и самого Бога. Потомъ (Богъ) приходитъ къ женѣ и говоритъ ей: почему и ты не сохранила заповѣди? Какъ бы собственно внушалъ ей: скажи по крайней мѣрѣ ты: *„прости“*, чтобы смирилась душа твоя, и ты была помилована. Но опять (не слышитъ) слова *„прости“*. Ибо и она отвѣчаетъ: *змій прельсти мя;* какъ бы сказала: змій согрѣшилъ, а мнѣ какое дѣло? Что вы дѣлаете, окаянные? Покайтесь, познайте согрѣшеніе ваше, пожалѣйте о наготѣ своей. Но никто изъ нихъ не захотѣлъ обвинить себя, ни въ одномъ не нашлось и малаго смиренія. И такъ, вы видите теперь ясно, до чего дошло устроеніе наше, вотъ въ какія и коликія бѣдствія ввело насъ то, что мы оправдываемъ самихъ себя, что держимся своей воли и слѣдуемъ самимъ себѣ. Все это исчадія гордости, враждебной Богу. А чада смиренномудрія суть: самоукореніе, недовѣріе своему разуму, ненавидѣніе своей воли; ибо чрезъ нихъ человѣкъ сподобляется пріити въ себя и возвратиться въ естественное состояніе чрезъ очищеніе себя святыми заповѣдями Христовыми. Безъ смиренія нельзя повиноваться заповѣдямъ и достигнуть чего либо благаго, какъ сказалъ и авва Маркъ: „безъ сокрушенія сердечнаго невозможно освободиться отъ зла и пріобрѣсть добродѣтель“.

И такъ, чрезъ сокрушеніе сердечное человѣкъ дѣлается послушнымъ заповѣдямъ, освобождается отъ зла, пріобрѣтаетъ добродѣтели и потомъ восходитъ въ покой свой. Зная сіе, и святые всячески старались смиренною жизнью соединить себя съ Богомъ. Ибо были нѣкоторые боголюбивые люди, которые по святомъ крещеніи не только пресѣкли дѣйствія страстей,

но восхотѣли побѣдить и самыя страсти и быть безстрастными, каковы были святый Антоній и Пахомій, и прочіе богоносные отцы. Они имѣли благое намѣреніе очистить самихъ себя, какъ говоритъ Апостолъ, *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1), ибо знали, что сохраненіемъ заповѣдей, какъ мы уже сказали, очищается душа, и, такъ сказать, очищается и умъ, и прозрѣваетъ, и приходитъ въ естественное (состояніе); ибо *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Псал. 18, 9). Они поняли, что находясь въ мірѣ, не могутъ удобно совершать добродѣтели и измыслили себѣ особенный образъ жизни, особенный порядокъ провожденія времени, особенный образъ дѣйствованія, – словомъ, монашеское житіе, и начали убѣгать отъ міра и жить въ пустыняхъ, (подвизаясь) въ постахъ, во бдѣніяхъ, спали на голой землѣ и (терпѣли) другое злостраданіе, совершенно отрекались отъ отечества и сродниковъ, имѣній и пріобрѣтеній: однимъ словомъ, распяли себя міру. И не только сохранили заповѣди, но и принесли Богу дары; и объясню вамъ, какъ они это сдѣлали. Заповѣди (Христовы) даны всѣмъ христіанамъ, и всякій христіанинъ обязанъ исполнять ихъ; онѣ, такъ сказать, дань, должная царю. И кто, отрекающійся давать дани царю, избѣгъ бы наказанія? Но есть въ мірѣ великіе и знатные люди, которые не только даютъ дани царю, но приносятъ ему и дары: таковые сподобляются великой чести, великихъ наградъ и достоинствъ. Такъ и Отцы: они не только сохранили заповѣди, но и принесли Богу дары. Дары же сіи суть: дѣвство и нестяжаніе. Это не заповѣди, но дары; ибо нигдѣ не сказано въ Писаніи: не бери жены, не имѣй дѣтей.

Такъ же и Христосъ, говоря: *продаждь имѣнія твоя* (Мат. 19, 21), не далъ этимъ заповѣди; но когда приступилъ къ нему законникъ и сказалъ: *учителю благій, что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую,* (Христосъ) отвѣчалъ: ты знаешь заповѣди: не убій, не прелюбодѣйствуй, не укради, не лжесвидѣтельствуй на ближняго своего и проч. Когда же тотъ сказалъ: *сія вся сохранихъ отъ юности моея,* (Господь) присовокупилъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣнія твоя, и даждь нищимъ* и проч. (Матѳ. 19, 21). Онъ не сказалъ: продай имѣніе твое, какъ бы повелѣвая, но совѣтуя, ибо слова: *аще хощеши,* не суть слова повелѣвающаго, но совѣтующаго.

И такъ, какъ мы сказали, Отцы принесли Богу, вмѣстѣ съ иными добродѣтелями, и дары: дѣвство и нестяжаніе, и, какъ мы упомянули прежде, распяли себѣ міръ. Но потомъ подвизались распять и себя міру, какъ говоритъ Апостолъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). Какое же между этимъ различіе? Какъ міръ распинается человѣку и человѣкъ міру? Когда человѣкъ отрекается отъ міра и дѣлается инокомъ, оставляетъ родителей, имѣнія, пріобрѣтенія, торговлю, даяніе (другимъ) и пріятіе (отъ нихъ), тогда распинается ему міръ, ибо онъ отвергъ его. Это и значатъ слова Апостола: *мнѣ міръ распяся;* потомъ онъ прибавляетъ: и *азъ міру.* Какъ же человѣкъ распинается міру? Когда, освободившись отъ внѣшнихъ вещей, онъ подвизается и противъ самыхъ услажденій, или противъ самаго вожделѣнія вещей и противъ своихъ пожеланій, и умертвитъ свои страсти; тогда и самъ онъ распинается міру: и сподобляется, сказать съ Апостоломъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру.*

Отцы наши, какъ мы сказали, распявъ себѣ міръ, предались подвигамъ и распяли и себя міру; а мы думаемъ, что распяли себѣ міръ потому только, что оставили его и пришли въ монастырь: себя же не хотимъ распять міру, ибо любимъ еще наслажденія его, имѣемъ еще пристрастіе къ снѣдямъ, къ одеждамъ; если у насъ есть какія-нибудь хорошія рабочія орудія, то мы пристрастны и къ нимъ, и позволяемъ какому-нибудь ничтожному орудію произвести въ насъ оное (мірское пристрастіе), какъ сказалъ авва Зосима. Мы думаемъ, что, вышедши изъ міра и придя въ монастырь, оставили все мірское; но (и здѣсь), ради ничтожныхъ вещей, исполняемъ пристрастія (мірскія). Это происходитъ съ нами отъ многаго неразумія нашего, что, оставивъ великія и многоцѣнныя вещи, мы посредствомъ какихъ-нибудь ничтожныхъ исполняемъ страсти наши; ибо каждый изъ насъ оставилъ, то что имѣлъ; имѣвшій великое оставилъ великое, и имѣвшій что нибудь, и тотъ оставилъ, что имѣлъ, каждый по силѣ своей. И приходя въ монастырь, какъ я сказалъ, маловажными вещами исполняемъ пристрастіе наше. Однако, мы не должны такъ дѣлать; но какъ мы отреклись отъ міра и вещей его, такъ должны отречься и отъ самаго пристрастія къ вещамъ и знать, въ чемъ состоитъ сіе отреченіе, и зачѣмъ мы пришли въ монастырь, и что значитъ одѣяніе, въ которое мы облеклись: должны сообразоваться съ нимъ и подвизаться подобно отцамъ нашимъ.

Одѣяніе, которое мы носимъ, состоитъ изъ мантіи, неимѣющей рукавовъ, кожанаго пояса, аналава и куколя, а (все) это суть символы. И мы должны знать,

что означаютъ символы одѣянія нашего. И такъ, для чего мы носимъ мантію, неимѣющую рукавовъ? Между тѣмъ какъ всѣ другіе имѣютъ рукава, мы почему не имѣемъ ихъ? Рукава суть подобіе рукъ, а руки принимаются для обозначенія дѣйствія. И такъ, когда приходитъ намъ помыслъ сдѣлать что-либо руками ветхаго нашего человѣка, какъ напримѣръ: украсть или ударить и вообще сдѣлать руками нашими какой-либо грѣхъ, то мы должны обратить вниманіе на одѣяніе наше и вспомнить что не имѣемъ рукавовъ, т.-е. не имѣемъ рукъ, чтобы сдѣлать какое-либо дѣло ветхаго человѣка. Притомъ мантія наша имѣетъ и нѣкоторый знакъ багрянаго цвѣта. Что же значитъ сей багряный знакъ? Каждый царскій воинъ имѣетъ на своей епанчѣ багряницу. Ибо такъ какъ царь носитъ багряную одежду, то и всѣ воины его нашиваютъ на епанчи свои багряницу, т.-е. отличіе царское, чтобы поэтому узнавали ихъ, что они принадлежатъ царю и ему служатъ. Такъ и мы носимъ багряный знакъ на мантіи нашей, показывая, что мы стали воинами Христовыми и что обязаны терпѣть всѣ страданія, какія Онъ претерпѣлъ за насъ. Ибо когда Владыка нашъ страдалъ, то Онъ былъ одѣтъ въ багряную ризу, во-первыхъ, какъ царь, ибо Онъ есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, потомъ же и какъ поруганный оными нечестивыми людьми. Такъ и мы, имѣя багряный знакъ, даемъ обѣтъ, какъ я сказалъ, переносить всѣ страданія Его. И какъ воинъ не долженъ оставлять службы своей для того, чтобы сдѣлаться земледѣльцемъ или купцемъ, ибо иначе онъ лишится своего сана, какъ говоритъ Апостолъ: *никто же, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (2 Тим. 2. 4.); такъ и мы должны подвизаться и не заботиться ни о чемъ мірскомъ, и служить единому Богу, дабы, какъ сказано, быть дѣвою, прилежно занятою своимъ дѣломъ и безмолвною (2 Кор. 11, 2).

Есть у насъ и поясъ. Для чего же мы носимъ его? Поясъ, который мы носимъ, есть символъ, во-первыхъ, того, что мы готовы на дѣло: ибо каждый, желающій что-либо дѣлать, сперва опоясывается и потомъ начинаетъ дѣло, какъ и Господь говоритъ: *да будутъ чресла ваша препоясана* (Лук. 12. 35); во-вторыхъ, для того, что какъ поясъ взятъ отъ мертваго тѣла, такъ и мы должны умертвить похоть нашу: ибо поясъ носится на чреслахъ нашихъ, гдѣ находятся и почки, въ которыхъ, какъ говорятъ, заключается похотная часть души, и сіе то есть сказанное Апостоломъ: *умертвите уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту* и проч. (Кол. 3, 5).

Имѣемъ также и аналавъ, который полагается на плечахъ нашихъ крестообразно. А сіе значитъ, что мы носимъ на раменахъ нашихъ знаменіе креста, какъ говоритъ (Господь): *возми крестъ свой, и послѣдуй Ми* (Марк. 6, 34). Что же есть крестъ?—Не что иное, какъ совершенное умерщвленіе, которое совершается въ насъ вѣрою во Христа. Ибо вѣра, какъ сказано въ Отечникѣ *) устраняетъ всегда препятствія и дѣлаетъ для насъ удобнымъ тотъ подвигъ, который ведетъ насъ къ таковому совершенному умерщвленію, т.-е. чтобы человѣкъ умеръ для всего мірскаго. И если онъ оставилъ родителей, то пусть подвизается о про-

*) Отечникъ (Патерикъ)—книга, въ которой собраны сказанія о подвигахъ и изреченія Св. Отцевъ.

тивъ пристрастія (къ нимъ): также, если кто отрекся отъ имѣній и пріобрѣтеній, и (вообще) отъ какой-либо вещи, то онъ долженъ отречься и отъ самаго пристрастія своего къ ней, какъ мы уже сказали: въ семъ-то и состоитъ совершенное отреченіе.

Надѣваемъ мы и куколь, который есть символъ смиренія. Куколи носятъ малые (и незлобивые) младенцы, а человѣкъ совершеннолѣтній куколи не носитъ: мы же носимъ оный для того, чтобы младенчествовать злобою, какъ сказалъ Апостолъ: не *дѣти бывайте умы: но злобою младенствуйте* (1 Кор. 14, 20). Что же значитъ младенчествовать злобою? Незлобивый младенецъ, если будетъ обезчещенъ, не гнѣвается, и если почтенъ будетъ, не тщеславится. Если кто возьметъ принадлежащее ему, онъ не печалится: ибо младенчествуетъ злобою и не мститъ за оскорбленія, и не ищетъ славы. Куколь есть также подобіе благодати Божіей, потому что какъ куколь покрываетъ и грѣетъ главу младенца, такъ и благодать Божія покрываетъ умъ нашъ, какъ сказано въ Отечникѣ: „куколь есть символъ благодати Бога, Спасителя нашего, покрывающей наше владычественное (умъ) и охраняющей наше о Христѣ младенчество отъ демоновъ, старающихся всегда противиться намъ и низвергать насъ“.

Вотъ мы имѣемъ около чреслъ нашихъ поясъ, который означаетъ умерщвленіе безсловесной похоти, и на плечахъ аналавъ, т.-е. крестъ. Вотъ и куколь, который есть символъ незлобія и младенчества о Христѣ. И такъ, будемъ жить сообразно съ одѣяніемъ нашимъ, чтобы, какъ сказали отцы, не оказалось, что мы носимъ чуждое одѣяніе, но какъ мы оставили великое, такъ оставимъ и малое. Мы оставили міръ,

оставимъ и пристрастіе къ нему. Ибо пристрастія какъ я сказалъ, и маловажными, и обыкновенными вещами, нистоющими никакого вниманія, опять привязываютъ насъ къ міру и соединяютъ съ нимъ, а мы не разумѣемъ этого. Посему, если мы хотимъ совершенно измѣниться и освободиться (отъ міра), то научимся отсѣкать хотѣнія наши, и такимъ образомъ, мало-по-малу, съ помощію Божіею, мы преуспѣемъ и достигнемъ безстрастія. Ибо ничто не приноситъ такой пользы людямъ, какъ отсѣченіе своей воли, и поистинѣ отъ сего человѣкъ преуспѣваетъ болѣе, нежели отъ всякой другой добродѣтели. И такъ, человѣкъ, который идетъ путемъ, найдя на немъ жезлъ *) и взявъ его, съ помощію этого жезла проходитъ большую часть пути своего: такъ бываетъ и съ тѣмъ, кто идетъ путемъ отсѣченія своей воли. Ибо отсѣченіемъ своей воли онъ пріобрѣтаетъ безпристрастіе, а отъ безпристрастія приходитъ, съ помощію Божіею, и въ совершенное безстрастіе. Можно и въ краткое время отсѣчь десять хотѣній своихъ. И скажу вамъ, какъ это.

Положимъ, что кто-нибудь, пройдя небольшое разстояніе, увидѣвъ что-либо, и помыслъ говоритъ ему: „посмотри туда“. А онъ отвѣчаетъ помыслу: „истинно не стану смотрѣть“, и отсѣкаетъ хотѣніе свое, и не смотритъ. Или встрѣчаетъ празднословящихъ между собою и помыслъ говоритъ ему: „скажи и ты такое-то слово“, а онъ отсѣкаетъ хотѣніе свое и не говоритъ. Или говоритъ ему помыслъ: „пойди, спроси

*) Въ греч. найдя кратчайшій переходъ, идетъ по немъ и скорѣе совершаетъ большую часть своего пути.

повара, что онъ варитъ", а онъ нейдетъ и отсѣкаетъ хотѣніе свое. Онъ видитъ что-нибудь, и помыслъ говоритъ ему: „спроси, кто принесъ это", а онъ отсѣкаетъ хотѣніе свое и не спрашиваетъ: Отсѣкая же такимъ образомъ (свою волю), онъ приходитъ въ навыкъ отсѣкать ее, и начиная съ малаго, достигаетъ того, что и въ великомъ отсѣкаетъ ее безъ труда и спокойно, и достигаетъ наконецъ того, что вовсе не имѣетъ своей воли, и чтобы ни случилось, онъ бываетъ спокоенъ, какъ будто исполнилось его собственное желаніе. И тогда, какъ онъ не хочетъ исполнять свою волю, оказывается, что она всегда исполняется. Ибо кто не имѣетъ своей собственной воли, для того все, что съ нимъ ни случается, бываетъ согласно съ его волею. Такимъ образомъ выходитъ, что онъ не имѣетъ пристрастія, а отъ безпристрастія, какъ я сказалъ, приходитъ въ безстрастіе. Видите ли, въ какое преуспѣяніе, мало-по-малу, приводитъ отсѣченіе своей воли.

Каковъ былъ прежде блаженный Досиѳей? Отъ какой роскоши и нѣги (пришелъ онъ)? Онъ даже никогда не слыхалъ слова Божія, однако же вы слышали, въ какую мѣру (духовнаго возраста) привело его въ короткое время блаженное послушаніе и отсѣченіе своей воли? И такъ, Богъ его прославилъ и не попустилъ таковой его добродѣтели придти въ забвеніе, но открылъ о ней одному святому старцу, который и видѣлъ Досиѳея посреди всѣхъ великихъ Святыхъ, наслаждающагося ихъ блаженствомъ.

Разскажу вамъ и другое подобное событіе, случившееся при мнѣ, дабы вы узнали, что блаженное послушаніе и отсѣченіе своей воли избавляетъ человѣка

и отъ смерти. Однажды, когда я еще былъ въ обители аввы Серида, пришелъ туда ученикъ одного великаго старца изъ страны Аскалонской съ нѣкоторымъ порученіемъ отъ своего аввы. Старецъ далъ ему заповѣдь возвратиться въ свою келію до вечера. Между тѣмъ поднялась сильная буря съ дождемъ и громомъ, и протекавшій вблизи потокъ поднялся въ уровень съ берегами. Братъ, помня слова своего старца, хотѣлъ идти обратно, мы просили его остаться, полагая, что ему невозможно безопасно перейти потокъ; но онъ не согласился остаться, съ нами. Тогда мы сказали: пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ до потока; когда онъ увидитъ его, то самъ возвратится. И такъ, мы пошли съ нимъ, и когда дошли до рѣки, онъ снялъ одежду свою, привязалъ ее на головѣ своей, опоясался нарамникомъ и бросился въ рѣку,—въ эту страшную быстрину. Мы стояли въ ужасѣ, трепеща (за него), какъ бы онъ не утонулъ; но онъ продолжалъ плыть и весьма скоро очутился на другой сторонѣ, одѣлся въ свою одежду, поклонился намъ оттуда, прощаясь съ нами, и пошелъ скоро, продолжая путь свой. А мы стояли въ изумленіи и удивлялись силѣ добродѣтели: тогда какъ мы отъ страха едва могли смотрѣть на рѣку, онъ безопасно переплылъ ее за послушаніе свое.

(Такъ же) и тотъ братъ, котораго послалъ авва его, по ихъ нуждамъ, въ село къ служившему имъ (Бога ради), когда увидѣлъ, что дочь сего стала привлекать его къ совершенію грѣха, сказалъ только: „Боже, молитвами отца моего, спаси меня", и тотчасъ очутился на пути въ скитъ, идя къ отцу своему. Видите ли силу добродѣтели? Видите ли дѣйствіе слова?

Какая помощь заключается въ томъ, чтобы призывать молитвы отца своего? Онъ сказалъ только: „Боже, молитвами отца моего, спаси меня“, и тотчасъ очутился на пути. Обратите же вниманіе на смиреніе и благочестіе обоихъ. Они были въ стѣсненномъ положеніи, и старецъ хотѣлъ послать брата къ служившему имъ, но не сказалъ: „пойди“, а спросилъ его: „хочешь ли идти?“ Также и братъ не сказалъ: „пойду“, но отвѣчалъ ему: „какъ ты желаешь, отче, такъ и сдѣлаю“; ибо онъ боялся и соблазниться, и ослушаться отца своего. Потомъ, когда нужда еще болѣе стѣснила ихъ, старецъ, сказалъ ему: „встань и пойди, сынъ мой“, и не сказалъ ему: „уповаю на Бога моего, что Онъ сохранитъ тебя“, но: „уповаю на молитвы отца моего, что Богъ сохранитъ тебя“. Также и братъ, когда увидѣлъ себя въ искушеніи, не сказалъ: „Боже мой, спаси меня“, но „Боже! молитвъ ради отца моего, спаси меня“. И каждый изъ нихъ уповалъ на молитвы отца своего.

Видите ли, какъ они послушаніе совокупили со смиреніемъ? Ибо какъ въ запряженной колесницѣ одинъ конь не можетъ опередить другаго, иначе сломается колесница, такъ и послушанію нужно, чтобы съ нимъ сопряжено было смиреніе. Но кто можетъ сподобиться сей благодати, если, какъ я сказалъ, не понудитъ себя отсѣчь свою волю и не предастъ себя, Бога ради, своему отцу, ни въ чемъ не сомниваясь, но дѣлая все, что ни говорятъ они (т. е. отцы), съ полною вѣрою, какъ бы слушая самого Бога. Кто иной достоинъ быть помилованнымъ? Кто достоинъ спастись?

Разсказываютъ, что однажды Святый Василій, посѣщая свои монастыри, сказалъ одному изъ своихъ

игуменовъ: „имѣешь ли ты у себя кого-нибудь изъ спасающихся?“ Авва отвѣчалъ ему: „твоими святыми молитвами, владыко, всѣ мы желаемъ спастись“. Св. Василій сказалъ ему опять: „имѣешь ли кого нибудь изъ спасающихся, говорю я“? Тогда игуменъ понялъ силу (вопроса), ибо самъ былъ мужъ духовный, и сказалъ: „да имѣю“. Святый Василій говоритъ ему: „приведи его сюда“. И игуменъ позвалъ таковаго брата. Когда же онъ пришелъ, Святый сказалъ ему: „дай мнѣ воды умыться“. Тотъ пошелъ и принесъ ему умыться. Умывшись Святый Василій взялъ самъ умывальницу съ водою и сказалъ брату: „на умойся и ты“. И братъ принялъ умовеніе отъ Святаго безъ всякаго сомнѣнія. Испытавъ его въ этомъ, Святый сказалъ ему опять: „когда я войду въ святилище, приди и напомни мнѣ, я рукоположу тебя“. И онъ опять послушался его безъ разсужденія; и когда увидѣлъ Святаго Василія въ олтарѣ, пошелъ и напомнилъ ему, и тотъ посвятилъ его, и взялъ съ собою. Ибо кому подобало быть съ симъ Святымъ и Богоноснымъ мужемъ, какъ не такому благословенному брату? А вы не имѣете опыта въ несомнѣнномъ послушаніи, оттого и не знаете покоя, отъ него (происходящаго).

Однажды я спросилъ старца авву Варсануфія „владыко, Писаніе говоритъ, *что многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небесное* (Дѣян. 14, 22), а я вижу, что не имѣю никакой скорби; что мнѣ дѣлать, чтобы не погубить души своей?“ Потому что я не имѣлъ никакой печали. Если случалось мнѣ имѣть какой-нибудь помыслъ, то я бралъ дощечку и писалъ къ старцу (когда я еще не служилъ ему,

то вопрошалъ его письменно *), и прежде чѣмъ я оканчивалъ писать, чувствовалъ уже облегченіе и пользу: такъ велико было мое безпечаліе и спокойствіе. А я, не зная силы этой добродѣтели и слыша, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небесное*, боялся, что не имѣлъ скорби. И такъ, какъ я объяснилъ это старцу, онъ отвѣчалъ мнѣ: „не скорби, тебѣ не о чемъ безпокоиться: каждый предавшій себя въ послушаніе отцамъ, имѣетъ такое безпечаліе и покой“.—Богу же нашему да будетъ слава во вѣки. Аминь

ПОУЧЕНІЕ ВТОРОЕ.

О смиренномудріи.

Нѣкто изъ старцевъ сказалъ: „прежде всего нужно намъ смиренномудріе, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышимъ, сказать: *прости*; ибо смиренномудріемъ сокрушаются всѣ стрѣлы врага и сопротивника“. Изслѣдуемъ, какое значеніе имѣетъ слово старца; почему онъ говоритъ, что прежде всего нужно намъ смиренномудріе, а не сказалъ, что прежде нужно воздержаніе? Ибо Апостолъ говоритъ *подвизайся отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. 9, 25). Или почему не сказалъ старецъ, что прежде всего нуженъ намъ страхъ Божій? Ибо въ Писаніи сказано: *начало премудрости страхъ Господень* (Пс. 110, 9) и

*) Сіи вопросы аввы Дороѳея и отвѣты ему старцевъ помѣщены ниже.

опять: *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла* (Притч. 15, 27). Почему не говоритъ онъ, что прежде всего нужна намъ милостыня или вѣра? Ибо сказано: *милостынями и вѣрою очищаются грѣхи* (Притч. 15, 27) и Апостолъ говоритъ: *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). И такъ, если безъ вѣры невозможно угодити Богу, и милостынями и вѣрою очищаются грѣхи, и если страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла, и начало премудрости страхъ Господень, и подвизающійся, отъ всего долженъ воздерживаться, то какъ же (старецъ) говоритъ, что прежде всего нужно намъ смиренномудріе, и оставилъ все другое столь нужное? Старецъ хочетъ показать намъ симъ, что ни самый страхъ Божій, ни милостыня, ни вѣра, ни воздержаніе, ни другая какая-либо добродѣтель не можетъ быть совершена безъ смиренномудрія. Вотъ почему говоритъ онъ: „прежде всего нужно намъ смиренномудріе,—чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышимъ, сказать: *прости*; ибо смиренномудріемъ сокрушаются всѣ стрѣлы врага и противника“. Вотъ видите, братія, какъ велика сила смиренномудрія; видите, какое имѣетъ дѣйствіе слово: *прости*. Почему же діаволъ называется не только врагомъ, но и противникомъ. Врагомъ называется потому, что онъ человѣконенавистникъ, ненавистникъ добра и клеветникъ; противникомъ же называется потому, что онъ старается препятствовать всякому доброму дѣлу. Хочетъ ли кто помолиться: онъ противится и препятствуетъ ему злыми воспоминаніями, плѣненіемъ ума и уныніемъ. Хочетъ ли кто подать милостыню: онъ препятствуетъ сребролюбіемъ и скупостью. Хочетъ ли кто бодрствовать: онъ препятствуетъ

лѣностью и нерадѣніемъ, и такъ то онъ сопротивляется намъ во всякомъ дѣлѣ, когда хотимъ сдѣлать доброе. Поэтому онъ и называется не только врагомъ но и противникомъ. Смиренномудріемъ же сокрушаются всѣ оружія врага и противника. Ибо поистинѣ велико смиренномудріе, и каждый изъ Святыхъ шествовалъ его путемъ, а трудомъ сокращалъ путь свой, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Псал. 24, 18), и: *смирихся, и спасе мя Господь* (Пс. 114, 6). Впрочемъ, смиреніе и одно можетъ ввести насъ въ царствіе, какъ сказалъ старецъ авва Іоаннъ, но только медленно.

И такъ, смиримся немного и мы, и спасемся. Если мы, какъ немощные, не можемъ трудиться, то постараемся смириться: и вѣрую въ милость Божію, что и за то малое, совершаемое нами со смиреніемъ, будемъ и мы въ мѣстахъ Святыхъ, много потрудившихся и работавшихъ Богу. Пусть мы немощны и не можемъ трудиться: но неужели мы не можемъ и смириться? Блаженъ, братія, кто имѣетъ смиреніе;—велико смиреніе. Хорошо также означилъ одинъ Святый имѣющаго истинное смиреніе такъ: „смиреніе ни на кого не гнѣвается и никого не прогнѣвляетъ, и считаетъ это совершенно чуждымъ себѣ“. Велико, какъ мы сказали, смиреніе, ибо оно одно сопротивляется тщеславію и хранитъ отъ него человѣка. А развѣ не гнѣваются также за имѣнія или за брашна? Какъ же старецъ говоритъ, что смиреніе ни на кого не гнѣвается и никого не прогнѣвляетъ? Смиреніе велико, какъ мы сказали, и сильно привлечь въ душу благодать Божію. Благодать же Божія, пришедши, покрываетъ ду-

шу отъ двухъ тяжкихъ вышеупомянутыхъ страстей. Ибо что можетъ быть болѣе тяжкимъ, какъ гнѣваться и прогнѣвлять ближняго? какъ нѣкто и сказалъ: „монахамъ вовсе несвойственно гнѣваться, равно и прогнѣвлять другихъ“. Ибо, поистинѣ, если такой (т. е. гнѣвающійся или прогнѣвляющій другихъ) вскорѣ не покроется смиреніемъ *), то онъ, мало-по-малу, приходитъ въ состояніе бѣсовское, смущая другихъ и смущаясь (самъ). Посему-то сказалъ (старецъ), что смиреніе не гнѣвается и непрогнѣвляетъ. Но что я говорю, будто смиреніе покрываетъ только отъ двухъ страстей, оно покрываетъ душу и отъ всякой страсти, и отъ всякаго искушенія.

Когда Святый Антоній увидѣлъ распростертыми всѣ сѣти діавола и, вздохнувъ, вопросилъ Бога: „кто же избѣгнетъ ихъ“? то отвѣчалъ ему Богъ: „смиреніе избѣгаетъ ихъ“; а что еще болѣе удивительно,—присовокупилъ: „онѣ даже и не прикасаются ему“. Видишь ли благодать сей добродѣтели? Поистинѣ нѣтъ ничего крѣпче смиренномудрія, ни что не побѣждаетъ его. Если со смиреннымъ случится что-либо скорбное, онъ тотчасъ обращается къ себѣ, тотчасъ осуждаетъ себя, что онъ достоинъ (того), и не станетъ укорять никого, не будетъ на другаго возлагать вину; и такимъ образомъ переноситъ (случившееся) безъ смущенія, безъ скорби, съ совершеннымъ спокойствіемъ, а потому и не гнѣвается, и никого не прогнѣвляетъ. И такъ, хорошо сказалъ Святый, что прежде всего нужно намъ смиренномудріе.

*) Въ греч. благодатію Божіею.

Смиренія же два, также какъ и двѣ гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряетъ брата, когда осуждаетъ и безчеститъ его, какъ ничего незначущаго, а себя считаетъ выше его; таковый, если не опомнится вскорѣ и не постарается исправиться, то, мало-по-малу, приходитъ и во вторую гордость, такъ что возгордится и противъ Самого Бога, и подвиги и дорбодѣтели свои приписываетъ себѣ, а не Богу, какъ будто самъ собою совершилъ ихъ, своимъ разумомъ и тщаніемъ, а не помощію Божіею. Поистинѣ, братія мои, знаю я одного, пришедшаго нѣкогда въ сіе жалкое состояніе. Сначала если кто изъ братій говорилъ ему что либо, онъ уничижалъ каждаго и возражалъ: „что значитъ такой-то? нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Зосимы и подобнаго ему“. Потомъ началъ и сихъ охуждать и говорить: „нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Макарія“. Спустя немного началъ говорить: „что такое Макарій? нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Василія и Григорія“. Но скоро началъ охуждать и сихъ, говоря: „что такое Василій? и что такое Григорій? нѣтъ никого (достойнаго), кромѣ Петра и Павла“. Я говорю ему: „поистинѣ, братъ, ты скоро и ихъ станешь уничижать“. И повѣрьте мнѣ, чрезъ нѣсколько времени онъ началъ говорить: „что такое Петръ? и что такое Павелъ? Никто ничего не значитъ, кромѣ Святой Троицы“. Наконецъ, возгордился онъ и противъ Самого Бога, и такимъ образомъ лишился ума. Посему то должны мы, братія мои, подвизаться всѣми силами нашими противъ первой гордости, дабы мало-по-малу, не впасть и во вторую, т. е. въ совершенную гордыню.

Гордость же бываетъ мірская и монашеская: мірская гордость есть та, когда кто гордится предъ братомъ своимъ, что онъ богаче или красивѣе его, или что носитъ лучшую, нежели тотъ, одежду, или что онъ благороднѣе его. И такъ когда мы видимъ, что тщеславимся сими (преимуществами), или тѣмъ, что монастырь нашъ больше или богаче (другихъ) или что въ немъ много братіи, то мы должны знать, что находимся еще въ мірской гордости. Случается также, что тщеславятся какими-либо природными дарованіями: иной напримѣръ, тщеславится тѣмъ, что у него хорошъ голосъ, и что онъ хорошо поетъ, или что онъ скроменъ, усердно работаетъ и добросовѣстенъ въ служеніи. Сіи преимущества лучше первыхъ, однако и это мірская гордость. Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславиться, что онъ упражняется во бдѣніи, въ постѣ, что онъ благоговѣинъ, хорошо живетъ и тщателенъ. Случается также, что иной и смиряется для славы. Все сіе относится къ монашеской гордости. Можно намъ вовсе не гордиться; если же кто сего совсѣмъ избѣжать не можетъ, то хоть бы гордился преимуществомъ монашескихъ дѣлъ, а не чѣмъ-либо мірскимъ.

Вотъ, мы сказали, что такое первая гордость и что вторая; сказали также что такое мірская гордость и что монашеская. Разсмотримъ теперь, въ чемъ состоятъ и два смиренія. Первое смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы почитать брата своего разумнѣе себя и по всему превосходнѣе, и однимъ словомъ, какъ сказали Святые Отцы, чтобы „почитать себя ниже всѣхъ“. Второе же смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы приписывать Богу свои подвиги,—сіе есть совершенное смиреніе Свя-

тыхъ. Оно естественно рождается въ душѣ отъ исполненія заповѣдей. Ибо какъ деревья, когда на нихъ бываетъ много плодовъ, то самые плоды преклоняютъ вѣтви къ низу и нагибаютъ ихъ; вѣтвь же, на которой нѣтъ плодовъ, стремится вверхъ и растетъ прямо; есть же нѣкоторыя деревья, которыя не даютъ плода, пока ихъ вѣтви растутъ вверхъ; если же кто возьметъ камень, привѣситъ къ вѣтви и нагнетъ ее книзу, тогда она даетъ плодъ: такъ и душа, когда смиряется, тогда приноситъ плодъ, и чѣмъ болѣе приноситъ плода, тѣмъ болѣе смиряется: такъ и Святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными.

Помню, однажды мы имѣли разговоръ о смиреніи, и одинъ изъ знатныхъ (гражданъ) города Газы, слыша наши слова, что чѣмъ болѣе кто приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ, удивлялся и говорилъ: какъ это можетъ быть? и не понимая, хотѣлъ узнать, что значатъ эти слова? Я сказалъ ему: „именитый господинъ, скажи мнѣ, за кого ты считаешь себя въ своемъ городѣ?“ Онъ отвѣчалъ: „считаю себя за великаго и перваго въ городѣ“. Говорю ему: „Если же ты пойдешь въ Кесарію, за кого будешь считать себя тамъ?“ Онъ отвѣчалъ: „за послѣдняго изъ тамошнихъ вельможъ“. „Если же, говорю ему опять, ты отправишься въ Антіохію, за кого ты будешь тамъ себя считать?“ „Тамъ, отвѣчалъ онъ, буду считать себя за одного изъ простолюдиновъ“. „Если же, говорю, пойдешь въ Константинополь и приближишься къ царю, тамъ за кого ты станешь считать себя?“ И онъ отвѣчалъ: „почти за нищаго“. Тогда я сказалъ ему: „вотъ такъ и Святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными. Ибо Авраамъ, когда увидѣлъ Господа, назвалъ себя землею и пепломъ (Быт. 18, 27); Исаія же сказалъ: *окаянный и нечистый есмь азъ* (Исх. 6, 5); также и Даніилъ, когда былъ во рву со львами, Аввакуму, принесшему ему хлѣбъ и сказавшему: пріими обѣдъ, который послалъ тебѣ Богъ, отвѣчалъ: и такъ вспомнилъ обо мнѣ Богъ (Дан. 14, 36, 37). Какое смиреніе имѣло сердце его! Онъ находился во рву посреди львовъ и былъ невредимъ отъ нихъ, и притомъ не одинъ разъ, но дважды, и послѣ всего этого онъ удивился и сказалъ: и такъ всомнилъ обо мнѣ Богъ.

Видите ли смиреніе Святыхъ, и каковы ихъ сердца? Даже и посылаемые отъ Бога на помощь людямъ, они отказывались, по смиренію, избѣгая славы. Какъ облеченный въ шелковую одежду, если набросить на него нечистое рубище, отбѣгаетъ, чтобы не замарать своего драгоцѣннаго одѣянія, такъ и Святые, будучи облечены въ добродѣтели, убѣгаютъ человѣческой славы, чтобы не оскверниться ею. А ищущіе славы подобны нагому, который желаетъ найти хотя малое рубище или иное что-либо, дабы покрыть свой стыдъ: такъ и необлеченный въ добродѣтели ищетъ славы человѣческой. И такъ, Святые, будучи посылаемы Богомъ на помощь людямъ, по смиренію отказывались отъ сего. Моѵсей говорилъ: *молютися поставити иного могущаго, азъ бо есмь гугнивъ и косноязыченъ* (Исх. 4, 10). Іеремія же говорилъ: *юнѣйшій есмь азъ* (Іер. 1, 6). И, однимъ словомъ, каждый изъ Святыхъ пріобрѣлъ сіе смиреніе, какъ мы сказали, чрезъ исполненіе заповѣдей. Но что такое сіе смиреніе, и какъ

оно раждается въ душѣ, никто не можетъ выразить словами, если человѣкъ не научится сему изъ опыта; изъ однихъ же словъ нельзя сему научиться.

Нѣкогда авва Зосима говорилъ о смиреніи, а какой-то софистъ, тутъ находившійся, слыша, что онъ говорилъ, и желая понять (это) въ точности, спросилъ его: „скажи мнѣ, какъ ты считаешь себя грѣшнымъ, развѣ ты не знаешь, что ты святъ? развѣ не знаешь, что имѣешь добродѣтели? Вѣдь ты видишь, какъ исполняешь заповѣди: какъ же ты, поступая такъ, считаешь себя грѣшнымъ?“ Старецъ же не находился, какой дать ему отвѣтъ, а только говорилъ: „не знаю, что сказать тебѣ, но считаю себя грѣшнымъ“. Софистъ настаивалъ на своемъ, желая узнать, какъ сіе можетъ быть. Тогда старецъ, не находя, какъ ему это объяснить, началъ говорить ему съ своею святою простотою: „не смущай меня; я подлинно считаю себя такимъ“.

Видя, что старецъ недоумѣваетъ, какъ отвѣчать софисту, я сказалъ ему: „не тоже ли самое бываетъ и въ софистическомъ, и врачебномъ искусствахъ? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается имъ, то, по мѣрѣ упражненія въономъ, врачъ или софистъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый навыкъ, а сказать не можетъ и не умѣетъ объяснить, какъ онъ сталъ опытенъ въ дѣлѣ: душа пріобрѣла навыкъ, какъ я уже сказалъ, постепенно и нечувствительно, чрезъ упражненіе въ искусствѣ. Такъ и въ смиреніи: отъ исполненія заповѣдей бываетъ нѣкоторая привычка къ смиренію, и нельзя выразить это словомъ“. Когда авва Зосима услышалъ это, онъ обрадовался, тотчасъ обнялъ меня и сказалъ: „ты постигъ дѣло, оно точно такъ бываетъ,

какъ ты сказалъ“. И софистъ, услышавъ эти слова, остался доволенъ и согласенъ съ ними.

И старцы сказали намъ нѣчто, помогающее намъ уразумѣть смиреніе. Самое же состояніе, въ которое душа приходитъ отъ смиренія, никто не могъ объяснить. Такъ, когда авва Агаѳонъ приближался къ кончинѣ, и братія сказали ему: „и ты ли боишься, отче?“ Онъ отвѣчалъ: „сколько могъ, я понуждалъ себя сохранять заповѣди, но я человѣкъ, и почему могу знать, угодно ли дѣло мое Богу? Ибо иной судъ Божій, и иной человѣческій“. Вотъ, онъ открылъ намъ глаза, чтобы уразумѣть смиреніе, и указалъ путь, какъ его достигнуть: а какъ оно бываетъ въ душѣ, какъ я уже многократно говорилъ, никто не могъ сказать, ни постигнуть чрезъ одни слова; развѣ только отъ дѣлъ душа можетъ научиться сему нѣсколько. А что приводитъ насъ къ смиренію, о томъ сказали отцы. Ибо въ Отечникѣ написано: Одинъ братъ спросилъ старца: что есть смиреніе?—Старецъ отвѣчалъ: смиреніе есть дѣло великое и Божественное; путемъ же къ смиренію служатъ тѣлесные труды, совершаемые разумно; также, чтобы считать себя ниже всѣхъ и постоянно молиться Богу—это путь къ смиренію; самое же смиреніе Божественно и непостижимо.

Почему же старецъ говоритъ, что тѣлесные труды приводятъ душу въ смиреніе? Какимъ образомъ тѣлесные труды дѣлаются душевными добродѣтелями? То, чтобы считать себя ниже всѣхъ, какъ мы уже сказали, сопротивляется демонамъ и первой гордости: ибо какъ можетъ считать себя большимъ брата своего или гордиться передъ кѣмъ либо, или укорить, или уничижить кого либо тотъ, кто почитаетъ себя ниже

вс́ѣхъ? Также, и молиться непрестанно явно противится второй гордости: ибо, очевидно, что смиренный и благоговѣйный, зная, что невозможно совершить никакой добродѣтели безъ помощи и покрова Божія, не перестаетъ всегда молиться Богу, чтобы Онъ сотворилъ съ нимъ милость. Ибо непрестанно молящійся Богу, если и сподобится совершить что-либо, знаетъ почему онъ совершилъ сіе и не можетъ возгордиться, и не приписываетъ это своей силѣ, но всѣ свои успѣхи относитъ къ Богу, всегда благодаритъ Его и всегда призываетъ Его, трепеща, какъ бы ему не лишиться такой помощи, и не обнаружилась его немощь и безсиліе. И такъ, онъ со смиреніемъ молится и молитвою смиряется: и чѣмъ болѣе преуспѣваетъ всегда въ добродѣтели, тѣмъ болѣе всегда смиряется: а по мѣрѣ того, какъ смиряется, получаетъ помощь и преуспѣваетъ чрезъ смиренномудріе. Но почему старецъ говоритъ, что тѣлесные труды приводятъ къ смиренію? Какое отношеніе имѣютъ тѣлесные труды къ расположенію души? Я объясню вамъ это. Такъ какъ душа, по преступленіи заповѣди, предалась, какъ говоритъ Святый Григорій, прелести сластолюбія и самозаконія, и возлюбила тѣлесное, и нѣкоторымъ образомъ стала какъ бы нѣчто единое съ тѣломъ, и вся сдѣлалась плотію, какъ сказано: *не имать пребывати духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6), и бѣдная душа какъ бы состраждетъ тѣлу и сочувствуетъ во всемъ, что дѣлается съ тѣломъ. Посему-то и сказалъ старецъ, что и тѣлесный трудъ приводитъ душу въ смиреніе. Ибо иное расположеніе души у человѣка здороваго, и иное у больнаго, иное у алчущаго, и иное у насытившагося. Также опять

иное расположеніе души у человѣка, ѣдущаго на конѣ, иное у сидящаго на престолѣ, и иное у сидящаго на землѣ, иное у носящаго красивую одежду, и иное у носящаго худую. И такъ, трудъ смиряетъ тѣло, а когда тѣло смиряется, то вмѣстѣ съ нимъ смиряется и душа. Слѣдовательно хорошо сказалъ (старецъ), что тѣлесный трудъ приводитъ къ смиренію. Посему, когда Евагрій подвергся брани отъ хульныхъ помысловъ, то онъ, какъ мужъ разумный, зная, что хула происходитъ отъ гордости, и что когда смиряется тѣло, то вмѣстѣ съ нимъ смиряется и душа, провелъ сорокъ дней на открытомъ воздухѣ, такъ что тѣло его, какъ говоритъ его жизнеописатель, стало производить червей, подобно тому, какъ случается у дикихъ животныхъ, и такой трудъ онъ подъялъ не ради хулы, но ради смиренія. И такъ, хорошо сказалъ старецъ, что и тѣлесные труды приводятъ къ смиренію.— Благій Богъ да подастъ намъ смиреніе, ибо оно избавляетъ человѣка отъ многихъ золъ и покрываетъ его отъ великихъ искушеній. Богу слава и держава во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ТРЕТІЕ

О СОВѢСТИ.

Когда Богъ сотворилъ человѣка, то Онъ всѣялъ въ него нѣчто Божественное, какъ бы нѣкоторый помыслъ, имѣющій въ себѣ, подобно искрѣ, и свѣтъ, и теплоту: помыслъ, который просвѣщаетъ умъ и показываетъ ему, что доброе, и что злое: сіе называется совѣстію.

а она есть естественный законъ. Это тѣ кладязи, которые, какъ толкуютъ Святые Отцы, искапывалъ Исаакъ, а Филистимляне засыпали (Быт. 26). Послѣдуя сему закону, то есть совѣсти, Патріархи и всѣ Святые, прежде написаннаго закона, угодили Богу. Но когда люди, чрезъ грѣхопаденіе, зарыли и попрали ее, тогда сдѣлался нуженъ законъ написанный, стали нужны Святые Пророки, нужно сдѣлалось самое пришествіе Владыки нашего Іисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть ее (совѣсть); чтобы засыпанную оную искру снова возжечь храненіемъ святыхъ Его заповѣдей.

Нынѣ же въ нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей свѣтиться въ насъ и просвѣщать насъ, если будемъ повиноваться ей. Ибо когда совѣсть наша говоритъ намъ сдѣлать что-либо, а мы пренебрегаемъ симъ, и когда она снова говоритъ, а мы не дѣлаемъ, но продолжаемъ попирать ее: тогда мы засыпаемъ ее, и она не можетъ уже явственно говорить намъ отъ тяготы, лежащей на ней, но, какъ свѣтильникъ, сіяющій за завѣсою, начинаетъ показывать намъ вещи темнѣе. И какъ въ водѣ, помутившейся отъ многаго ила, никто не можетъ узнать лица своего, такъ и мы, по преступленіи, не разумѣемъ, что говоритъ намъ совѣсть наша; такъ что намъ кажется, будто ея вовсе нѣтъ у насъ. Однако нѣтъ человѣка, не имѣющаго совѣсти, ибо она есть, какъ мы уже сказали, нѣчто Божественное и никогда не погибаетъ, но всегда напоминаетъ намъ полезное, а мы не ощущаемъ сего, потому что, какъ уже сказано, пренебрегаемъ ею и попираемъ ее.

Посему-то Пророкъ оплакиваетъ Ефрема и говоритъ: *Соодолѣ Ефремъ соперника своего, и попра судъ* (Осіи 5, 11). Соперникомъ же называетъ совѣсть. Поэтому и въ Евангеліи сказано: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ, дондеже еси на пути съ нимъ, да не когда тя предастъ судіи, а судія слугамъ, и всадятъ тя въ темницу; аминь глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду дондеже воздаси послѣдній кодрантъ* (Матѳ. 5. 25, 26). Но почему же совѣсть называется соперникомъ? Соперникомъ называется она потому, что сопротивляется всегда злой нашей волѣ и напоминаетъ намъ, что мы должны дѣлать, но не дѣлаемъ; и опять, чего не должны дѣлать, и дѣлаемъ, и за это она осуждаетъ насъ, потому и Господь называетъ ее соперникомъ и заповѣдуетъ намъ, говоря: *буди увѣщеваяся съ соперникомъ твоимъ, дондеже еси на пути съ нимъ.* Путь, какъ говоритъ Василій Великій, есть міръ сей.

И такъ, потщимся, братія, хранить совѣсть нашу, пока мы находимся въ этомъ мірѣ, не допустимъ, чтобы она обличала насъ въ какомъ-либо дѣлѣ; не будемъ попирать ее отнюдь ни въ чемъ, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что отъ (пренебреженія) сего малаго и въ сущности ничтожнаго мы переходимъ и къ непренебреженію великаго. Ибо если кто начнетъ говорить: „что за важность, если я скажу это слово? что за важность, если я съѣмъ эту бездѣлицу? что за важность, если я посмотрю на ту или на эту вещь?“ отъ этого: „что за важностъ въ томъ, что за важность въ другомъ“ впадаетъ онъ въ худой навыкъ *) и начинаетъ пренебрегать великимъ и важ-

*) Въ слав. „злую и горькую пожить“.

нымъ, и попирать свою совѣсть, а такимъ образомъ, закоснѣвая (во злѣ), находится въ опасности придти и въ совершенное нечувствіе. Поэтому берегитесь, братія, пренебрегать малымъ, берегитесь презирать его, какъ малое и ничтожное; оно не малое, ибо чрезъ него образуется худой навыкъ. Будемъ же внимать себѣ и заботиться о легкомъ, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжкимъ: ибо и добродѣтели, и грѣхи начинаются отъ малаго и приходятъ къ великому добру и злу. Поэтому заповѣдуетъ намъ Господь блюсти свою совѣсть и какъ бы особенно увѣщеваетъ (каждаго изъ насъ), говоря: „посмотри, что ты дѣлаешь, несчастный! опомнись, помирись съ соперникомъ твоимъ, пока ты на пути съ нимъ". Потомъ указываетъ бѣдственныя послѣдствія отъ несоблюденія сей заповѣди: *да не когда предастъ тя судіи, а судія слугамъ, и всадятъ тя въ темницу.* А затѣмъ что?—*Аминь глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ.* Ибо совѣсть обличаетъ насъ, какъ я уже сказалъ, и въ добрѣ, и въ злѣ, и показываетъ намъ, что дѣлать и чего не дѣлать: и опять она же осудитъ насъ въ будущемъ вѣкѣ, поэтому и сказано: *да не когда предастъ тя судіи*, и прочее.

А храненіе совѣсти многоразлично: ибо человѣкъ долженъ сохранять ее въ отношеніи къ Богу, къ ближнему и къ вещамъ. Въ отношеніи къ Богу хранитъ совѣсть тотъ, кто непренебрегаетъ Его заповѣдями и даже въ томъ, чего не видятъ люди, и чего никто не требуетъ отъ насъ; онъ хранитъ совѣсть свою къ Богу въ тайнѣ. Напримѣръ, облѣнился ли кто въ молитвѣ, или страстный помыслъ вошелъ въ сердце его, а онъ не воспротивился ему и не возстягнулъ себя, но

принялъ его: также, если кто, видя ближняго, дѣлающаго или говорящаго что-либо, и какъ (обыкновенно) случается, осудилъ его; короче сказать, все, что бываетъ въ тайнѣ, чего никто не знаетъ, кромѣ Бога и совѣсти нашей, должны мы хранить: и сіе-то есть храненіе совѣсти въ отношеніи къ Богу. А храненіе совѣсти въ отношеніи къ ближнему требуетъ, чтобы не дѣлать отнюдь ничего такого, что, какъ мы знаемъ, оскорбляетъ или соблазняетъ ближняго дѣломъ, или словомъ, или видомъ, или взоромъ: ибо и видомъ, какъ я часто повторяю, даже и взоромъ можно оскорбить брата. Короче сказать: человѣкъ не долженъ дѣлать ничего такого, о чемъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ это съ намѣреніемъ оскорбить ближняго: симъ оскверняется совѣсть его, сознавая, что это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы повредить брату или опечалить его: и сіе-то значитъ хранить свою совѣсть въ отношеніи къ ближнему. А храненіе совѣсти въ отношеніи къ вещамъ состоитъ въ томъ, чтобы не обращаться небрежно съ какою-либо вещію, не допускать ей портиться и не бросать ее какъ-нибудь, а если увидимъ что-либо брошенное, то не должно пренебрегать симъ, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое мѣсто. Не должно также обходиться неразсмотрительно съ своею одеждою: ибо случается, что иной могъ бы носить одежду *) недѣлю или двѣ, или даже мѣсяцъ, а онъ часто моетъ ее преждевременно и тѣмъ портитъ ее, и вмѣсто того, чтобы носить ее пять мѣсяцевъ или болѣе, онъ частымъ мытьемъ приводитъ ее въ ветхость и негодность; а это противъ со-

*) Вѣроятно, полотняную—хитонъ.

вѣсти. Также и въ отношеніи постели, часто иной могъ бы довольствоваться одной подушкой, а онъ ищетъ большой постели: или имѣетъ власяницу, но хочетъ перемѣнить ее и пріобрѣсти другую, новую или болѣе красивую, по тщеславію или отъ унынія. Иной опять можетъ обойтись однимъ покрываломъ, а онъ ищетъ другаго, лучшаго, иногда даже и споритъ, если не получитъ его. А если онъ еще станетъ примѣчать за братомъ своимъ и говорить: „зачѣмъ у него есть, а у меня нѣтъ?“ то такой далекъ отъ преуспѣянія. Также если кто-либо развѣситъ свою одежду или покрывало на солнцѣ, и полѣнится вовремя снять ихъ, и допуститъ имъ отъ зноя портиться, то и это противъ совѣсти. Также и въ пищѣ, иной можетъ удовлетворить своей потребности малымъ количествомъ какой-либо овощи, или чечевицей, или немногими маслинами, а онъ не хочетъ этого, но ищетъ другой пищи, вкуснѣйшей и лучшей: это все противъ совѣсти. Отцы же говорятъ, что монахъ никогда не долженъ допускать, чтобы совѣсть обличала его въ какой-либо вещи. И такъ, необходимо намъ, братія, внимать себѣ всегда и охранять себя отъ всего этого, чтобы не подвергнуться тому бѣдствію, отъ котораго Самъ Господь предостерегаетъ насъ, какъ мы выше сказали. Да подастъ намъ Богъ слышать и исполнять сіе, чтобы слова Отцевъ нашихъ не послужили намъ на осужденіе.

ПОУЧЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

о страхѣ Божіемъ.

Святый Іоаннъ говоритъ въ соборныхъ посланіяхъ своихъ: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18). Что хочетъ сказать намъ чрезъ сіе Святый (Апостолъ)? О какой любви говоритъ онъ намъ и о какомъ страхѣ? Ибо Пророкъ Давидъ говоритъ въ псалмѣ: *бойтеся Господа вси святіи Его* (Псал. 33, 10), и много другихъ подобныхъ изреченій находимъ мы въ Божественныхъ Писаніяхъ. И такъ, если и Святые, столько любящіе Господа, боятся Его, то какъ же Святый Іоаннъ говоритъ: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ?* Святый хочетъ намъ показать этимъ, что есть два страха: одинъ первоначальный, а другой совершенный, и что одинъ свойственъ, такъ сказать, начинающимъ быть благочестивыми, другой же есть (страхъ) Святыхъ совершенныхъ, достигшихъ въ мѣру совершенной любви. Напримѣръ: кто исполняетъ волю Божію по страху мукъ, тотъ, какъ мы сказали, еще новоначальный: ибо онъ не дѣлаетъ добра для самаго добра, но по страху наказанія. Другой же исполняетъ волю Божію изъ любви къ Богу, любя Его собственно для того, чтобы благоугодить Ему; сей знаетъ, въ чемъ состоитъ существенное добро, онъ позналъ, что значитъ: быть съ Богомъ. Сей-то имѣетъ истинную любовь, которую Святый называетъ совершенною. И эта любовь приводитъ его въ совершенный страхъ, ибо таковый боится Бога, и исполняетъ волю Божію уже не по (страху) наказанія, уже не

для того, чтобы избѣгнуть мученій; но потому что онъ, какъ мы сказали, вкусивъ самой сладости пребыванія съ Богомъ, боится отпасть, боится лишиться ея. И сей совершенный страхъ, рождающійся отъ этой любви, изгоняетъ первоначальный страхъ: посему-то Апостолъ и говоритъ: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ.*

Однако невозможно достигнуть совершеннаго страха (иначе), какъ только первоначальнымъ страхомъ. Ибо троякимъ образомъ, какъ говоритъ Василій Великій *), можемъ мы угодить Богу: или благоугождаемъ Ему, боясь муки, и тогда (находимся) въ состояніи раба; или ища награды, исполняемъ повелѣнія Божіи, ради собственной пользы, и посему уподобляемся наемникамъ; или дѣлаемъ добро ради самаго добра, и (тогда) мы находимся въ состояніи сына. Ибо сынъ, когда приходитъ въ совершенный возрастъ и въ разумъ, исполняетъ волю отца своего не потому, что боится быть наказаннымъ, и не для того, чтобы получить отъ него награду, но собственно потому и хранитъ къ нему особенную любовь и подобающее отцу почтеніе, что любитъ его и увѣренъ, что все имѣніе отца принадлежитъ и ему. Таковый сподобляется услышать: *уже неси рабъ, но сынъ и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ* (Гал. 4, 7). Таковый уже не боится, какъ мы сказали, Бога, конечно, тѣмъ первоначальнымъ страхомъ, но любитъ Его, какъ и святый Антоній говоритъ: я уже не боюсь Бога, но люблю Его **). И Го-

*) См. его творенія въ русск. пер. Том. V. стр. 91. 92.

**) См. Достопамятныя сказанія о подвижн. св. отцевъ. Москва. 1845. Стр. 11.

сподь, сказавъ Аврааму, когда онъ привелъ для жертвоприношенія Ему сына своего: *нынѣ познахъ, яко боишися ты Бога* (Быт. 22, 12), симъ означилъ тотъ совершенный страхъ, который рождается отъ любви. Ибо (иначе) какъ бы онъ сказалъ: *нынѣ познахъ*, когда (Авраамъ) уже сдѣлалъ столько изъ послушанія Богу,—оставилъ все свое и переселился въ чуждую землю къ народу, служившему идоламъ, гдѣ не было и слѣда Богопочитанія, и сверхъ (всего) этого навелъ (на него Богъ) такое страшное искушеніе — жертвоприношеніе сына, и послѣ сего сказалъ ему: *нынѣ познахъ, яко боишися ты Бога.* Очевидно, что Онъ говорилъ здѣсь о совершенномъ страхѣ, свойственнымъ Святымъ, которые уже не по страху мученія и не для полученія награды исполняютъ волю Божію, но, любя Бога, какъ мы многократно говорили, боятся сдѣлать что-либо противъ воли Бога, ими любимаго. Посему-то и говоритъ (Апостолъ): *любы вонъ изгоняетъ страхъ;* ибо они уже не по страху дѣйствуютъ, но боятся, потому что любятъ. Въ семъ состоитъ совершенный страхъ. Но невозможно (какъ мы уже сказали выше) достигнуть совершеннаго страха, если кто прежде не пріобрѣтаетъ первоначальнаго. Ибо сказано: *Начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7), и еще сказано: *страхъ Божій есть начало и конецъ* (Иис. Сир. 1, 15, 18). Началомъ названъ первоначальный страхъ, за которымъ слѣдуетъ совершенный страхъ Святыхъ. Первоначальный страхъ свойственъ нашему душевному состоянію. Онъ охраняетъ душу отъ всякаго зла, какъ полировка мѣдь, ибо сказано: *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла* (Притч. 15, 27). И такъ, если кто уклоняется отъ зла по страху нака-

занія, какъ рабъ, боящійся господина, то онъ постепенно приходитъ и къ тому, чтобы дѣлать благое добровольно, и мало-по-малу начинаетъ, какъ наемникъ, надѣяться нѣкотораго воздаянія за свое благое дѣланіе. Ибо, когда онъ постоянно будетъ избѣгать зла, какъ мы сказали, изъ страха, подобно рабу, и дѣлать благое въ надеждѣ награды, подобно наемнику, то, пребывая, по благодати Божіей, во благомъ, и соразмѣрно сему соединясь съ Богомъ, онъ получаетъ вкусъ благаго и начинаетъ понимать въ чемъ истинное добро, и уже не хочетъ разлучаться съ нимъ. Ибо кто можетъ разлучить таковаго отъ любви Христовой? какъ сказалъ Апостолъ (Римл. 8, 35). Тогда достигаетъ онъ въ достоинство сына и любитъ добро ради самого добра, и боится, потому что любитъ. Сей-то есть великій и совершенный страхъ. Поэтому и Пророкъ, уча насъ отличать одинъ страхъ отъ другаго, сказалъ: *пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. 33, 12). *Кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?* Обратите вниманіе ваше на каждое слово Пророка, какъ каждое реченіе его имѣетъ свою силу. Сперва говоритъ онъ: *пріидите ко мнѣ*, призывая насъ къ добродѣтели, (потомъ) прилагаетъ и *чада*. Чадами называютъ Святые тѣхъ, которые ихъ словами обращаются отъ грѣха къ добродѣтели, какъ и Апостолъ говоритъ: *чадца, ими же паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). Потомъ, призвавъ насъ и приготовивъ къ тому обращенію, (Пророкъ) говоритъ: *страху Господню научу васъ.*

Видите ли дерзновеніе Святаго? Мы, когда хотимъ сказать что-либо доброе, всегда говоримъ: „хотите ли,

мы побесѣдуемъ съ вами нѣсколько о страхѣ Божіемъ или о другой какой-либо добродѣтели? Святый же Пророкъ не такъ, но съ дерзновеніемъ говоритъ: *пріидите, чадо, послушайте мене, страху Господню научу васъ. Кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?* Потомъ, какъ бы услышавъ отъ кого-либо въ отвѣтъ: я желаю, научи меня, какъ жить и видѣть дни благіе, онъ научаетъ, говоря: *удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти.* И такъ, онъ прежде (всего) отсѣкаетъ дѣйствіе зла страхомъ Божіимъ.

Удерживать языкъ свой отъ зла значитъ: не уязвлять чѣмъ-либо совѣсти ближняго, не злословить, не раздражать. А устнами своими *не глаголати льсти* значитъ не обольщать ближняго *). Потомъ (Пророкъ) прибавляетъ: *уклонися отъ зла.* Сперва сказалъ онъ о нѣкоторыхъ частныхъ грѣхахъ: о злословіи, обманѣ, а потомъ говоритъ вообще о всякомъ злѣ. *Уклонися отъ зла*, т. е. избѣгай вообще всякаго зла, уклоняйся отъ всякаго дѣла, ведущаго ко грѣху. Опять, сказавъ это, онъ не остановился на семъ, но прибавилъ, *и сотвори благо.* Ибо случается, что иной не дѣлаетъ зла, но и добра не дѣлаетъ; иной также не обижаетъ, но не оказываетъ и милосердія; иной не ненавидитъ, но и не любитъ. И такъ, хорошо сказалъ Пророкъ: *уклонися отъ зла, и сотвори благо.* Вотъ онъ показываетъ намъ ту постепенность трехъ устроеній (душевныхъ), о которой мы упоминали выше. Страхомъ Божіимъ онъ научилъ уклоняться отъ зла и тогда уже повелѣваетъ начать благое. Ибо когда кто сподобится

*) Въ греч.: «необличать ни въ чемъ ближняго и не соблазнять его».

освободиться отъ зла и удалится отъ него, тогда онъ естественно совершаетъ доброе, наставляемый Святыми.

Сказавъ о семъ столь хорошо и послѣдовательно, онъ продолжаетъ: *взыщи мира и пожени и*. Не сказалъ только взыщи, но усильно стремись за нимъ, чтобы достигнуть его. Слѣдите внимательно умомъ вашимъ за сею рѣчью и примѣчайте точность, наблюдаемую Святымъ. Когда кто сподобится уклониться отъ зла и (потомъ) будетъ стараться, съ помощію Божіею, дѣлать благое, тотчасъ возстаютъ на него брани вражескія, и онъ подвизается, трудится, сокрушается, не только боясь возвратиться опять на злое, какъ мы сказали о рабѣ, но и надѣясь, какъ было упомянуто, награды за благое, подобно наемнику. И такимъ образомъ, терпя нападенія отъ врага, борясь съ нимъ и сопротивляясь ему, онъ дѣлаетъ благое, но съ большою скорбію, съ великимъ трудомъ. Когда же онъ получитъ помощь отъ Бога и пріобрѣтетъ нѣкоторый навыкъ въ добрѣ, тогда видитъ онъ покой, тогда вкушаетъ миръ, тогда ощущаетъ, что значитъ печаль брани и что радость и веселіе мира. И потомъ уже ищетъ мира, усильно стремится къ нему, чтобы достигнуть его, пріобрѣсти совершенно и водворить его въ себѣ.

Что можетъ быть блаженнѣе души, сподобившейся придти во сію мѣру (духовнаго возраста)? Таковый, какъ мы неоднократно говорили, находится въ достоинствѣ сына; ибо поистинѣ *блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Матѳ. 5, 9). Кто можетъ отселѣ побудить душу сію дѣлать добро ради чего-либо инаго, кромѣ наслажденія тѣмъ самымъ добромъ?

Кто можетъ знать радость сію, кромѣ того, кто испыталъ ее? Тогда-то таковый, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, познаетъ и совершенный страхъ. Вотъ мы слышали теперь, въ чемъ состоитъ совершенный страхъ Святыхъ, и въ чемъ состоитъ первоначальный страхъ, свойственный нашему (душевному) устроенію, и съ чего человѣкъ начинаетъ и чего достигаетъ чрезъ страхъ Божій. Теперь мы желаемъ узнать и то, какъ вселяется въ насъ страхъ Божій, и хотимъ сказать, что насъ отлучаетъ отъ страха Божія.

Отцы сказали, что человѣкъ пріобрѣтаетъ страхъ Божій, если имѣетъ память смерти и память мученій, если каждый вечеръ испытываетъ себя, какъ онъ провелъ день, и каждое утро, какъ прошла ночь, если не будетъ дерзновененъ въ обращеніи и, наконецъ, если будетъ находиться въ близкомъ общеніи съ человѣкомъ, боящимся Бога. Ибо говорятъ, что одинъ братъ спросилъ нѣкотораго старца: „что мнѣ дѣлать, отче, для того, чтобы бояться Бога“? Старецъ отвѣчалъ ему: „иди, живи съ человѣкомъ, боящимся Бога, и тѣмъ самымъ, что онъ боится Бога, научитъ онъ и тебя бояться Бога“. Отгоняемъ же страхъ Божій отъ себя тѣмъ, что дѣлаемъ противное сему: не имѣемъ ни памяти смертной, ни памяти мученій, тѣмъ, что не внимаемъ самимъ себѣ и не испытываемъ себя, какъ проводимъ время, но живемъ нерадиво и обращаемся съ людьми, неимѣющими страха Божія, и тѣмъ, что не охраняемся отъ дерзновенія: сіе послѣднее хуже всего: это совершенная погибель. Ибо ничто такъ неотгоняетъ отъ души страхъ Божій, какъ дерзость. Посему, когда спросили авву Агаѳона о дерзости, онъ сказалъ:

„она подобна сильному, жгучему вѣтру, отъ котораго, когда онъ подуетъ, всѣ бѣгутъ, и который портитъ всякій плодъ на деревьяхъ“ *). Видишь-ли братъ, силу сей страсти? видишь-ли лютость ея? И когда его опять спросили, ужели такъ вредна дерзость? онъ отвѣчалъ: „нѣтъ страсти вреднѣе дерзости, ибо она есть мать всѣхъ страстей“. Весьма хорошо и разумно сказалъ онъ, что она есть мать всѣхъ страстей, потому что она отгоняетъ страхъ Божій отъ души. Ибо если *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла*, (Притч. 15, 27), то конечно, гдѣ нѣтъ страха Божія, тамъ всякая страсть. Богъ да избавитъ души наши отъ всегубительной страсти--дерзости.

Дерзость бываетъ многообразна: можно быть дерзкимъ и словомъ, и осязаніемъ, и взоромъ. Отъ дерзости иной впадаетъ въ празднословіе, говоритъ мірское, дѣлаетъ смѣшное и побуждаетъ другихъ къ непристойному смѣху. Дерзость и то, когда кто прикоснется другого безъ нужды, когда подниметъ руку на кого-либо смѣющагося, толкаетъ кого нибудь, вырветъ у него что нибудь изъ рукъ, безстыдно смотритъ на кого-нибудь: все это дѣлаетъ дерзость, все это происходитъ отъ того, что въ душѣ нѣтъ страха Божія, и отъ сего человѣкъ мало-по-малу приходитъ и въ совершенное нерадѣніе **). Посему-то, когда Богъ давалъ заповѣди закона, Онъ сказалъ: *благоговѣйны сотворите сыны израилевы*. (Лев. 15, 31), ибо безъ бла-

*) См. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ св. и блаженныхъ отцевъ. Москва 1845. Стр. 27 и 28.

**) Въ первомъ изданіи сей книги на славянскомъ языкѣ 1628 г.: «въ совершенное презрѣніе».

935 говѣнія и стыда человѣкъ не чтитъ и самаго Бога и не хранитъ ни одной заповѣди. Посему-то нѣтъ ничего вреднѣе дерзости; посему-то она и есть мать всѣхъ страстей, что она изгоняетъ благоговѣніе, отгоняетъ страхъ Божій и рождаетъ пренебреженіе; а отъ того, что мы дерзки другъ съ другомъ и не стыдимся одинъ другаго случается, что мы и злословимъ, и оскорбляемъ другъ друга. Бываетъ, что кто нибудь изъ васъ увидитъ что неполезное, онъ отходитъ и осуждаетъ это, и влагаетъ то въ сердце другому брату своему, и не только самъ повреждается, но вредитъ и брату своему, вливая въ сердце его злой ядъ; и часто случается, что умъ того (брата) былъ занятъ молитвою или инымъ добрымъ дѣломъ, а этотъ приходитъ и увлекаетъ его въ пустословіе, и не только лишаетъ его пользы, но и вводитъ въ искушеніе; а нѣтъ ничего тяжелѣе, ничего пагубнѣе, какъ вредить не только себѣ, но и ближнему.

Потому хорошо намъ, братія, имѣть благоговѣніе, бояться вредить себѣ и другимъ, почитать другъ друга и остерегаться даже смотрѣть другъ другу въ лице, ибо и это, какъ сказалъ нѣкто изъ старцевъ, есть видъ дерзости. И если случится кому видѣть, что братъ его согрѣшаетъ, не должно презрѣть его и умолчать о семъ, попуская ему погибнуть, не должно также ни укорять, ни злословить его, но съ чувствомъ сострадания и страхомъ Божіимъ должно сказать тому, кто можетъ исправить его, или самъ видѣвшій пусть скажетъ ему съ любовію и смиреніемъ, говоря (такъ): „прости, братъ мой, если не ошибаюсь, мы не хорошо это дѣлаемъ“. И если онъ не послушаетъ, скажи другому, о которомъ знаешь, что онъ имѣетъ къ не-

му довѣріе, или скажи старцу его, или аввѣ, смотря по важности согрѣшенія, чтобы они его исправили, и потомъ будь спокоенъ. Но говори, какъ мы сказали, съ цѣлію исправить брата своего, а не ради празднословія или злословія, и не для укоренія его, не изъ желанія обличить его, не для осужденія, и не притворяясь, что исправляешь его, а внутри имѣя что-либо изъ упомянутаго. Ибо поистинѣ, если кто скажетъ и самому аввѣ его, но говоритъ не для исправленія ближняго, или не для избѣжанія собственнаго вреда, то это грѣхъ, ибо это злословіе; но пусть онъ испытаетъ сердце свое, не имѣетъ ли оно какого-либо пристрастнаго движенія, и если такъ, то (пусть) не говоритъ. Если же онъ, разсмотрѣвъ себя внимательно, увидитъ, что хочетъ сказать изъ состраданія и для пользы, а внутренно смущается нѣкоторымъ страстнымъ помысломъ, то пусть онъ скажетъ аввѣ со смиреніемъ и о себѣ, и о ближнемъ, говоря такъ: совѣсть моя свидѣтельствуетъ мнѣ, что я хочу сказать для исправленія (брата), но чувствую, что имѣю внутри какой-то смѣшанный помыслъ, не знаю, отъ того-ли, что имѣлъ нѣкогда (непріятность) съ этимъ братомъ, или это искушеніе, препятствующее мнѣ сказать о братѣ для того, чтобы не послѣдовало (его) исправленія; и тогда авва скажетъ ему, долженъ ли онъ сказать, или нѣтъ. Бываетъ же, что иной говоритъ не для пользы брата своего, не по опасенію собственнаго вреда и не потому, что помнитъ какое-либо зло, но разсказывая, просто такъ, изъ празднословія. Но къ чему такое злословіе? часто и братъ узнаетъ, что объ немъ говорили, смущается, отъ чего приходитъ скорбь и еще большій вредъ. А когда кто гово-

ритъ, какъ мы сказали, единственно ради пользы брата, то Богъ не попуститъ, чтобы произошло смущеніе, чтобы не послѣдовала скорбь или вредъ.

И такъ, постарайтесь, какъ мы сказали, удерживать языкъ свой, чтобы не сказать чего-либо худаго ближнему, и никого не соблазнять ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ, ни другимъ какимъ либо образомъ, и не будьте удобораздражительны, чтобы, когда кто-нибудь изъ васъ услышитъ отъ брата своего (непріятное) слово, не возмущаться тотчасъ гнѣвомъ, не отвѣчать ему дерзко и не оставаться въ оскорбленіи на него: это неприлично хотящимъ спастись, неприлично подвизающимся. Пріобрѣтите страхъ Божій и съ благоговѣніемъ встрѣчайте другъ друга, каждый преклоняя главу свою предъ братомъ своимъ, какъ мы сказали. Каждый смиряйся передъ Богомъ и передъ братомъ своимъ и отсѣкай свою волю. Поистинѣ хорошо, если кто, дѣлая какое-либо и доброе дѣло, предпочтетъ (въ немъ) брата своего и уступитъ ему, таковый получитъ большую пользу передъ тѣмъ, кому онъ уступитъ. Не знаю, сдѣлалъ ли я когда что-либо доброе, но если Богъ покрылъ меня, то знаю, что покрывалъ потому, что я никогда не считалъ себя лучшимъ брата своего, но всегда ставилъ брата своего выше себя.

Когда я еще былъ въ монастырѣ аввы Серида, случилось, что служитель старца аввы Іоанна, ученика аввы Варсануфія, впалъ въ болѣзнь, и авва повелѣлъ мнѣ служить старцу. А я и двери келліи его лобызалъ извнѣ (съ такимъ же чувствомъ), съ какимъ иной поклоняется честному кресту, тѣмъ болѣе (былъ я радъ) служить ему. Да и кто не пожелалъ бы спо-

добиться послужить такому Святому? Самое слово его было достойно удивленія. Каждый день, когда я, окончивъ мое служеніе, дѣлалъ передъ нимъ поклонъ, чтобы получить отъ него прощеніе и уйдти, онъ всегда говорилъ мнѣ что-нибудь: старецъ имѣлъ обыкновеніе повторять четыре изрѣченія и, какъ я сказалъ, всякій вечеръ, когда мнѣ надлежало уходить, онъ всегда говорилъ мнѣ, сверхъ всего инаго, одно изъ сихъ четырехъ изреченій и начиналъ такъ: „сказалъ я однажды", ибо у старца было обыкновеніе ко всякой рѣчи прибавлять: „сказалъ я однажды, братъ, — Богъ да сохранитъ любовь, отцы сказали: чрезъ сохраненіе совѣсти въ отношеніи къ ближнему *) рождается смиренномудріе". Опять въ другой вечеръ онъ говорилъ мнѣ: „сказалъ я однажды, братъ, Богъ да сохранитъ любовь, — отцы сказали: никогда не должно предпочитать свою волю волѣ брата своего". Иной разъ онъ опять говорилъ: „сказалъ я однажды, братъ, —Богъ да сохранитъ любовь, —отцы сказали: бѣгай отъ всего человѣческаго и спасешься". И опять говорилъ онъ: „сказалъ я однажды, братъ, —Богъ да сохранитъ любовь, —отцы сказали: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2)". Каждый вечеръ, когда я уходилъ, старецъ всегда давалъ мнѣ одно изъ этихъ четырехъ наставленій, подобно тому, какъ кто-либо даетъ наставленіе отправляющемуся въ путь; и такъ они служили охраненіемъ всей моей жизни. Однако, не смотря на то, что я имѣлъ такую любовь къ Святому и столько заботился

*) Въ греч.: „хранить себя, чтобы ни въ чемъ не соблазнить брата — рождаетъ смиренномудріе".

о служеніи ему, лишь только я узналъ, что одинъ изъ братіи скорбитъ, желая служить ему, пошелъ я къ аввѣ и просилъ его, говоря: „этому брату приличнѣе меня послужить Святому, если сіе угодно тебѣ, господине (авва)". Но ни авва, ни самъ старецъ, не дозволили мнѣ сего, однако я сдѣлалъ прежде по силѣ своей (все) что могъ, дабы предпочесть брата. И проведя тамъ девять лѣтъ, не знаю, сказалъ ли я кому-нибудь худое слово, хотя я имѣлъ послушаніе, —чтобы не сказалъ кто-нибудь, что я не имѣлъ его. И повѣрьте, я очень помню, какъ одинъ братъ, идя вслѣдъ за мною отъ больницы до самой церкви, поносилъ меня, а я (шелъ) впереди его, не говоря ни слова. Когда же авва узналъ это, —не знаю, кто сказалъ ему о семъ, —и хотѣлъ наказать брата, я пошелъ и палъ ему въ ноги, говоря: „ради Господа, не наказывай его, я согрѣшилъ, братъ нисколько не виноватъ". И другой также, по искушенію ли, или отъ простоты, Богъ знаетъ почему; не малое время каждую ночь пускалъ свою воду надъ моею головою, такъ что и самая постель моя бывала омочена ею. Также и нѣкоторые другіе изъ братій приходили ежедневно и вытрясали свои постилки передъ моей келліей, и я видѣлъ, что множество клоповъ набиралось въ моей келліи, такъ что я не въ силахъ былъ убивать ихъ, ибо они были безчисленны отъ жара. Потомъ же, когда я ложился спать, всѣ они собирались на меня, и я засыпалъ (только) отъ сильнаго утомленія; когда же вставалъ отъ сна, находилъ, что все тѣло мое было изъѣдено, однако же я никогда не сказалъ кому нибудь изъ нихъ: не дѣлай этого, или зачѣмъ ты это дѣлаешь? И я не помню, чтобы я

когда-либо произнесъ слово, (могущее) смутить или оскорбить брата. Научитесь и вы *другъ друга тяготы носити*, научитесь благоговѣть другъ передъ другомъ; и если кто изъ васъ услышитъ отъ кого-нибудь непріятное слово, или если потерпитъ что сверхъ ожиданія, то онъ не долженъ тотчасъ малодушествовать *), или тотчасъ возмущаться (гнѣвомъ), чтобы во время подвига и пользы не оказался онъ имѣющимъ сердце разслабленное, беззаботное, нетвердое, не могущее выдержать никакого приражения, какъ бываетъ съ дынею: если хотя малый сучекъ коснется ея, тотчасъ дѣлаетъ въ ней поврежденіе, и она гніетъ. Напротивъ, имѣйте сердце твердое, имѣйте великодушіе; пусть ваша любовь другъ къ другу побѣждаетъ все случающееся. И если кто-нибудь изъ васъ имѣетъ послушаніе, или какое-либо дѣло у садовника, или келаря, или повара, или вообще у кого-нибудь изъ служащихъ съ вами, то да постараются и тотъ, кто поручаетъ дѣло, и тотъ, кто исполняетъ его, прежде всего сохранять свое собственное устроеніе, и пусть они никогда не позволяютъ себѣ уклониться отъ заповѣди Божіей или въ смущеніе, или въ упорство, или въ пристрастіе, или въ какое-либо своеволіе и самооправданіе; но каково бы то ни было дѣло, малое или великое, не должно пренебрегать имъ и не радѣть о немъ, ибо пренебреженіе вредно; но не должно также и предпочитать исполненіе дѣла своему устроенію, чтобы (усиливаться) исполнить дѣло, хотя бы то было и со вредомъ душѣ. При всякомъ встрѣчающемся дѣлѣ, хотя бы оно было крайне нужно и

*) Въ греч. «соблазняться».

требовало тщанія, не хочу, чтобы вы дѣлали что-либо со спорами или съ смущеніемъ, но будьте увѣрены, что всякое дѣло, которое вы дѣлаете, велико ли оно, какъ мы сказали, или мало, есть осьмая часть искомаго; а сохранить свое устроеніе, если и случится отъ этого не исполнить дѣла, есть три осьмыхъ съ половиною *).

Видите ли какое различіе? И такъ, если вы дѣлаете какое-либо дѣло и хотите совершенно и всецѣло исполнить его, то постарайтесь исполнить самое дѣло, что, какъ я сказалъ, есть осьмая часть искомаго, и вмѣстѣ сохранить свое устроеніе неповрежденнымъ, что составляетъ триосьмыхъ съ половиною. Если же для того, чтобы исполнить дѣло вашего служенія, настоять будетъ надобность увлечься, отступить отъ заповѣди и повредить себѣ или другому, споря съ нимъ, то не надобно терять три осьмыхъ съ половиною для того, чтобы сохранить одну осьмую. Посему, если вы узнаете, что кто нибудь такъ поступаетъ, то знайте, что такой неразумно исполняетъ свое служеніе, но или изъ тщеславія, или изъ человѣкоугодія, споритъ и томитъ и себя, и ближняго, чтобы послѣ услышать, что никто не могъ его побѣдить.

О! удивительно какое великое мужество! это не побѣда, братія, это потеря, это погибель, если кто споритъ и соблазняетъ брата своего для того, чтобы исполнить дѣло своего служенія. Это значитъ изъ-за осьмой части потерять три осьмыхъ съ половиною. Если останется (неисполненнымъ) дѣло служенія, —

(* Осьмая часть и три части осьмыхъ съ половиною такое же имѣютъ различіе, какое рубль ассигнацій и рубль серебромъ.

потеря не велика: спорить же и соблазнять брата, не давая ему нужнаго, или предпочесть дѣло служенія и отступить отъ заповѣди Божіей —это великій вредъ: вотъ что значитъ осьмая часть и три осьмыхъ съ половиною. Поэтому говорю вамъ, если и я пошлю кого-либудь изъ васъ по какой-либо надобности, и онъ увидитъ, что возникаетъ смущеніе или другой какой вредъ, оставьте дѣло и никогда не вредите себѣ самимъ или другъ другу; но пусть дѣло это останется и не будетъ исполнено, только не смущайте другъ друга, ибо теряете вы три осьмыхъ съ половиною и терпите большой вредъ, а это явное неразуміе. Говорю же я вамъ это не для того, чтобы вы тотчасъ предавались малодушію и оставляли дѣло, или пренебрегали имъ и легко бросали его, и попирали совѣсть свою, желая избѣжать скорби, и опять не для того, чтобы ослушивались, и чтобы каждый изъ васъ говорилъ: я не могу этого сдѣлать, мнѣ это вредитъ, это меня разстроиваетъ. Ибо такимъ образомъ вы никогда не исполните никакого служенія и не возможете сохранить заповѣди Божіей. Но старайтесь всѣми силами вашими съ любовію исполнять всякое служеніе ваше, со смиренномудріемъ, преклоняясь другъ передъ другомъ, почитая и прося другъ друга, ибо нѣтъ ничего сильнѣе смиренномудрія. Однако, если когда кто увидитъ, что самъ онъ или ближній его скорбитъ, то оставьте дѣло, которое производитъ соблазнъ, уступайте другъ другу, не настаивайте на своемъ до того, чтобы послѣдовалъ вредъ: ибо лучше, какъ я тысячекратно, говорилъ вамъ, пусть дѣло не исполнится такъ, какъ вы хотите, но будетъ такъ, какъ случится, и какъ требуетъ того нужда, нежели,

чтобы отъ усилія вашего или самооправданія, хотя бы они и были благовидны, вы смущали или оскорбляли другъ друга и чрезъ то теряли многое ради малаго. Случается же часто, что иной теряетъ и то и другое, и совершенно ничего не исполнитъ: ибо таково свойство любящихъ спорить. Съ самаго начала всѣ дѣла, которые мы дѣлаемъ, дѣлаемъ для того, чтобы получить отъ нихъ пользу. Какая же польза, если мы не смиряемся другъ передъ другомъ, но напротивъ смущаемъ и оскорбляемъ другъ друга! Развѣ вы не знаете, что сказано въ Отечникѣ: „отъ ближняго жизнь и смерть?“ Поучайтесь всегда въ этомъ, братія, слѣдуйте словамъ святыхъ старцевъ, старайтесь съ любовью и страхомъ Божіимъ искать пользы своей и братіи вашихъ: такимъ образомъ можете отъ всего случающагося съ вами получать пользу и преуспѣвать съ помощію Божіею. Самъ Богъ нашъ, какъ человѣколюбецъ, да даруетъ намъ страхъ Свой, ибо сказано: *Бога бойся и заповѣди Его храни* (Екл. 12, 13), потому что это требуется отъ всякаго человѣка. Самому же Богу нашему да будетъ слава и держава во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ПЯТОЕ

о томъ, что не должно полагаться на свой разумъ.

Премудрый Соломонъ говоритъ въ Притчахъ: *имъ же нѣсть управленія, падаютъ, яко же листвіе; спасеніе же есть во мнозѣ совѣтѣ* (Притч. 11, 14). Видите ли, братія, силу сего изреченія? Видите ли, чему

учитъ насъ Святое Писаніе? оно увѣщеваетъ насъ не полагаться на самихъ себя, не считать себя разумными, не вѣрить тому, что можемъ сами управлять собою, ибо мы имѣемъ нужду въ помощи, нуждаемся въ наставляющихъ насъ по Богѣ. Нѣтъ несчастнѣе и ближе къ погибели людей, неимѣющихъ наставника въ пути Божіемъ. Ибо что значитъ сказанное: *имъ же нѣсть управленія, падаютъ, яко же листвіе?* Листъ сначала всегда бываетъ зеленъ, цвѣтущъ и красивъ, потомъ постепенно засыхаетъ, падаетъ и наконецъ, имъ пренебрегаютъ и попираютъ его. Такъ и человѣкъ ни кѣмъ неуправляемый, сначала всегда имѣетъ усердіе къ посту, ко бдѣнію, безмолвію, послушанію и къ другимъ добрымъ (дѣламъ): потомъ усердіе это мало-по-малу охладѣваетъ, и онъ, не имѣя никого, кто бы наставлялъ его, поддерживалъ и воспламенялъ въ немъ это усердіе, (подобно листу) нечувствительно изсыхаетъ, падаетъ и становится, наконецъ, подвластнымъ и рабомъ враговъ, и они дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ.

О тѣхъ же, которые открываютъ свои помышленія и поступки и дѣлаютъ все съ совѣтомъ, (Писаніе) говоритъ: *спасеніе есть во мнозѣ совѣтѣ.* Не говоритъ: „въ совѣтѣ многихъ“, то есть, чтобы съ каждымъ совѣтоваться, но что должно совѣтоваться обо всемъ конечно съ тѣмъ, къ кому имѣемъ довѣріе, и не такъ, чтобы одно говорить, а другое умалчивать, но все открывать и обо всѣмъ совѣтываться: такому и есть вѣрное спасеніе *во мнозѣ совѣтѣ.* Ибо если человѣкъ открывалъ не все, что до него касается, и особенно если онъ былъ обладаемъ худымъ навыкомъ, или былъ въ худомъ сообществѣ, то діаволъ находитъ

въ немъ одно (какое-либо) пожеланіе, или одно самооправданіе, и симъ низлагаетъ его.

Когда діаволъ видитъ, что кто-нибудь не хочетъ согрѣшить, то онъ не столько неискусенъ въ дѣланіи зла, чтобы сталъ внушать ему какіе-либо явные грѣхи и не говоритъ ему: иди сотвори блудъ, или пойди укради: ибо онъ знаетъ, что мы этого не хотимъ, а онъ не считаетъ нужнымъ внушать намъ то, чего мы не хотимъ: но находитъ въ насъ, какъ я сказалъ, одно пожеланіе, или одно самооправданіе, и тѣмъ подъ видомъ добраго вредитъ намъ. Поэтому опять сказано: *лукавый злодѣйствуетъ, егда сочетавается съ праведнымъ* (Притч. 11, 15). Лукавый есть діаволъ, и тогда онъ злодѣйствуетъ, *егда сочетавается съ праведнымъ*, т. е. когда сочетается съ самооправданіемъ нашимъ, тогда онъ становится болѣе крѣпкимъ, тогда болѣе вредитъ, тогда болѣе дѣйствуетъ. Ибо когда мы держимся своей воли и слѣдуемъ оправданіямъ нашимъ, тогда, дѣлая, повидимому, доброе дѣло, мы сами себѣ разставляемъ сѣти и даже не знаемъ, какъ погибаемъ. Ибо какъ можемъ мы уразумѣть волю Божію, или взыскать ея, если вѣримъ самимъ себѣ и держимся своей воли. Посему-то авва Пименъ и говорилъ, что воля наша есть мѣдная стѣна между человѣкомъ и Богомъ. Видите-ли силу сего изреченія? И еще присовокупилъ онъ: онъ есть какъ бы камень, противостоящій, сопротиводѣйствующій волѣ Божіей. И такъ, если человѣкъ оставитъ свою волю, тогда можетъ и онъ сказать: *о Бозѣ моемъ прейду стѣну; Богъ мой, непороченъ путь Его* (Пс. 17, 30, 31). Весьма досточудно сказано! Ибо тогда только человѣкъ видитъ непорочный путь Божій, когда оставитъ свою волю.

Когда же повинуется своей волѣ, то невидитъ, что непорочны пути Божіи; но если услышитъ что-либо, относящееся къ наставленію, онъ тотчасъ порицаетъ это, уничижаетъ, отвращается отъ сего и дѣйствуетъ напротивъ: ибо какъ ему перенести что-либо или послушаться чьего-либо совѣта, если онъ держится своей воли! Далѣе говоритъ старецъ и о самооправданіи: „если же и самооправданіе поможетъ волѣ, то человѣкъ совершенно развращается. Удивительно, какая послѣдовательность въ словахъ Святыхъ Отцевъ! (Подлинно) когда оправданіе соединится съ волею, то это есть совершенная смерть, великая опасность, великій страхъ; тогда окончательно падаетъ несчастный. Ибо кто заставитъ таковаго вѣрить, что другой человѣкъ болѣе его знаетъ, что ему полезно? Тогда онъ совершенно предается своей волѣ, своему помыслу, а, наконецъ, врагъ, какъ хочетъ, устроиваетъ его паденіе. Поэтому сказано: *лукавый злодѣйствуетъ, егда сочетавается съ праведнымъ, ненавидитъ же гласа утвержденія.* Ибо не только самое наставленіе ненавидитъ лукавый, но даже и самаго голоса, произносящаго оное, не можетъ слышать, даже ненавидитъ и самый голосъ наставленія, т.-е. то самое, когда говорятъ что-либо служащее къ наставленію. Прежде, чѣмъ вопрошающій о полезномъ начнетъ дѣйствовать (по данному совѣту), прежде нежели врагъ уразумѣетъ, исполнитъ ли онъ или не исполнитъ слышанное, врагъ ненавидитъ уже то самое, чтобы спрашивать кого нибудь или слышать что-либо полезное: самый голосъ, самый звукъ таковыхъ словъ онъ ненавидитъ и отвращается (отъ нихъ). И сказать ли почему? Онъ знаетъ, что злодѣйство его обнаружится тотчасъ, какъ только ста-

нутъ спрашивать и говорить о полезномъ. И ничего онъ такъ не ненавидитъ и не боится, какъ быть узнаннымъ, потому что тогда онъ уже не можетъ коварствовать, какъ хочетъ. Ибо если душа утверждается тѣмъ, что человѣкъ спрашиваетъ и открываетъ все (о себѣ), и слышитъ отъ кого-либо опытнаго: „это дѣлай, а сего не дѣлай; это хорошо, а это не хорошо: это самооправданіе, это своеволіе", и слышитъ также: „теперь не время сему дѣлу", а иной разъ слышитъ: „теперь время": тогда діаволъ не находитъ, какимъ образомъ вредить человѣку, или какъ низложить его, потому что онъ всегда, какъ я уже сказалъ, совѣтуется и со всѣхъ сторонъ ограждаетъ себя, и такимъ образомъ исполняется на немъ (слово) *спасеніе есть во мнозѣ совѣтѣ.*

Лукавый же не хочетъ сего, но ненавидитъ, ибо онъ хочетъ дѣлать зло и больше о тѣхъ радуется, *имъ же нѣсть управленія.* Почему? Потому что они *падаютъ аки листвіе.* Вспомни того брата, котораго любилъ лукавый, и о которомъ говорилъ онъ аввѣ Макарію: „имѣю одного брата, который, когда видитъ меня, вертится какъ мотовило". Такихъ онъ любитъ, о такихъ всегда радуется, которые (живутъ) безъ наставленія и не поручаютъ себя (человѣку) могущему помогать имъ и руководить ихъ о Богѣ. Развѣ не ко всѣмъ братіямъ приходилъ тогда демонъ, котораго видѣлъ Святый носящимъ различныя снѣди въ тыквахъ? Развѣ не всѣхъ онъ посѣщалъ? *) Но каждый изъ нихъ, понимая его козни шелъ (къ своему духовному отцу) и открывалъ ему свои помышленія, и на-

---

*) Въ греч. книгѣ: искушалъ.

ходилъ помощь во время искушенія, а потому лукавый и не могъ одолѣть ихъ. Только одного несчастнаго нашелъ онъ, который слѣдовалъ самому себѣ и ни отъ кого не имѣлъ помощи, и потому лукавый поступалъ съ нимъ, какъ съ игралищемъ, и уходя благодарилъ его и проклиналъ другихъ. Когда же (врагъ) сказалъ аввѣ Макарію это (дѣло) и имя брата, Святый пошелъ къ нему и нашелъ, что причиною его погибели было то, что онъ не хотѣлъ исповѣдывать (свои помышленія): нашелъ, что онъ не имѣлъ обыкновенія открывать ихъ кому-либо. Посему-то врагъ и вертѣлъ имъ, какъ хотѣлъ. И (братъ), вопрошаемый Святымъ старцемъ: „какъ ты пребываешь, братъ?“ отвѣчалъ: „молитвами твоими, хорошо“. И когда Святый опять спросилъ: „не борютъ ли тебя помыслы?“ онъ отвѣчалъ: „пока мнѣ хорошо“. И не хотѣлъ ничего исповѣдать, пока Святый искусно не заставилъ его открыть свои помыслы и, сказавъ ему слово Божіе, утвердилъ его, и возвратился.

По обыкновенію своему, врагъ пришелъ опять, желая низвергнуть сего брата, но посрамился, ибо нашелъ его исправленнымъ и не могъ уже болѣе надъ нимъ издѣваться, и потому удалился, не успѣвъ ничего сдѣлать; удалился посрамленный и этимъ (братомъ). Посему когда Святый опять спросилъ демона: „какъ пребываетъ тотъ братъ, твой другъ? онъ уже не назвалъ его другомъ, но врагомъ, и проклиналъ его говоря: „и тотъ развратился, и тотъ не повинуется мнѣ, но даже сталъ всѣхъ свирѣпѣе“. Видишь ли, почему ненавидитъ врагъ *гласа утвержденія?* Потому что всегда желаетъ нашей погибели. Видишь ли, почему онъ любитъ полагающихся на себя? Потому

что они помогаютъ діаволу, и сами себѣ строятъ козни. Я не знаю другаго паденія монаху, кромѣ того, когда онъ вѣритъ своему сердцу. Нѣкоторые говорятъ: отъ того падаетъ человѣкъ, или отъ того; а я, какъ уже сказалъ, не знаю другаго паденія, кромѣ сего, когда человѣкъ послѣдуетъ самому себѣ. Видѣлъ ли ты падшаго,— знай, что онъ послѣдовалъ самому себѣ. Нѣтъ ничего опаснѣе, нѣтъ ничего губительнѣе сего. Богъ сохранилъ меня, и я всегда боялся сего бѣдствія. Когда я былъ въ общежитіи, я открывалъ всѣ свои помыслы старцу аввѣ Іоанну и никогда, какъ я сказалъ, не рѣшался сдѣлать что-либо безъ его совѣта. И иногда говорилъ мнѣ помыслъ: не то же ли (самое) скажетъ тебѣ старецъ? зачѣмъ ты хочешь безпокоить его?“ А я отвѣчалъ помыслу: „анаѳема тебѣ и разсужденію твоему, и разуму твоему, и мудрованію твоему, и вѣдѣнію твоему; ибо что ты знаешь, то знаешь отъ демоновъ. И такъ, я шелъ и вопрошалъ старца. И случалось иногда, что онъ отвѣчалъ мнѣ то самое, что у меня было на умѣ. Тогда помыслъ говорилъ мнѣ: „ну что же? (видишь) это то самое, что я говорилъ тебѣ: не напрасно ли безпокоилъ ты старца?“ И я отвѣчалъ помыслу: „теперь оно хорошо, теперь оно отъ Духа Святаго; твое же внушеніе лукаво, отъ демоновъ, и было дѣломъ страстнаго устроенія (души)“. И такъ, никогда не попускалъ я себѣ повиноваться своему помыслу, не вопросивъ (старца). И повѣрьте мнѣ, братія, что я былъ въ великомъ покоѣ, въ полномъ безпечаліи, такъ что я даже и скорбѣлъ объ этомъ, какъ я уже говорилъ вамъ о семъ: ибо слышалъ, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 21) и видя, что у меня

нѣтъ никакой скорби, я боялся и былъ въ великомъ недоумѣніи, не зная причины таковаго спокойствія, пока старецъ не объяснилъ мнѣ этого, сказавъ: не скорби, ибо каждый, предающій себя въ послушаніе отцамъ, имѣетъ сей покой и безпечаліе.

Постарайтесь же и вы братія, вопрошать и не надѣяться на себя. Познайте, какое въ семъ дѣлѣ безпечаліе, какая радость, какое спокойствіе. Но поелику я сказалъ, что я никогда не скорбѣлъ, то послушайте и о томъ, что со мной случилось тогда.

Когда я еще былъ тамъ въ общежитіи, нашла на меня однажды великая и нестерпимая скорбь, и я былъ въ такомъ страданіи и стѣсненіи, что готовъ былъ даже предать и самую душу мою; скорбь же сія происходила отъ коварства демонскаго. И такое искушеніе, наносимое демонами отъ зависти, бываетъ тяжко для человѣка, но маловременно: оно мрачно, тяжко, безутѣшно, ни откуда не представляется успоенія, но отовсюду угнетеніе. Однако скоро посѣщаетъ душу благодать Божія; ибо если бы не посѣтила благодать Божія, то никто не могъ бы перенести сего. И я былъ, какъ сказалъ, въ такомъ искушеніи, въ такой тѣснотѣ. Въ одинъ день, когдая стоялъ на дворѣ монастырскомъ, изнемогая и моля о семъ Бога, внезапно взглянулъ я внутрь церкви и увидѣлъ нѣкоего (мужа), по виду —Епископа, который какъ бы несъ св. Дары *) и входилъ въ святый алтарь. Я никогда не приближался къ страннику, или приходящему, безъ нужды или повелѣнія; но тогда меня влекло что-то, и я пошелъ за нимъ. Вошедши, онъ долго стоялъ съ воздѣтыми

*) Въ греч. кн. вмѣсто сихъ словъ сказано: «облеченнаго въ омофоръ»

руками, и я стоялъ сзади его, молясь въ страхѣ: ибо отъ видѣнія его напалъ на меня страхъ и ужасъ. По окончаніи молитвы, онъ обратился и пошелъ ко мнѣ, и по мѣрѣ того, какъ онъ приближился ко мнѣ, я ощущалъ, что скорбь и ужасъ удалялись отъ меня. Потомъ, ставъ передо мною, онъ простеръ руку свою, прикоснулся къ моей груди и, ударяя въ нее перстами своими, сказалъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою: и возведе мя отъ рова страстей и отъ бренія тины: и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему* (Пс. 39, 2. 3. 4) Всѣ эти стихи произнесъ онъ по трижды, ударяя, какъ я сказалъ, въ грудь мою, и такъ вышелъ. Тотчасъ послѣ сего водворились въ сердцѣ моемъ сладчайшій свѣтъ, радость, утѣшеніе и великое веселіе, и я сталъ уже не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Когда онъ вышелъ, я поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ, желая найти его, но не нашелъ, ибо онъ сдѣлался невидимъ. Съ того времени, по милости Божіей, я не ощущалъ уже, чтобы безпокоила меня скорбь или страхъ, но Господь покрылъ меня до нынѣ ради молитвъ оныхъ святыхъ старцевъ. Сіе сказалъ я вамъ, братія, для того, чтобы вы знали, какое спокойствіе и безпечаліе имѣетъ тотъ, кто не слѣдуетъ самому себѣ, и съ какою безопасностію, съ какою твердостію живетъ, кто не полагается на себя и не вѣритъ своему помыслу, но во всемъ, что до него касается, возлагаетъ упованіе на Бога, и на тѣхъ, которые могутъ наставлять его по Богѣ. И такъ научитесь и вы, братія, вопрошать, научитесь не полагаться на самихъ себя, не вѣрить тому, что вамъ говоритъ помыслъ вашъ. Хорошо смиреніе — (въ немъ) покой и ра-

дость *). Къ чему напрасно сокрушать себя? Нельзя спастисьиначе, какъ симъ образомъ.

Однако иной можетъ подумать: если кто не имѣетъ человѣка, котораго онъ могъ бы вопрошать, то что въ такомъ случаѣ должно ему дѣлать? Правда, если кто хочетъ истинно, всѣмъ сердцемъ, исполнить волю Божію, то Богъ никогда его не оставитъ, но всячески наставитъ по волѣ Своей. Поистинѣ, если кто направитъ сердце свое по волѣ Божіей, то Богъ просвѣтитъ и малое дитя сказать ему волю Свою. Если же кто не хочетъ искренно творить волю Божію, то хотя онъ и къ пророку пойдетъ, и пророку положитъ Богъ на сердце отвѣчать ему, сообразно съ его развращеннымъ сердцемъ, какъ говоритъ Писаніе: *и пророкъ аще прельстится, и речетъ слово, Азъ Господь прельстихъ пророка того* (Іезек. 14, 9). Посему мы должны всею силою направлять себя къ волѣ Божіей и не вѣрить своему сердцу. Но если будетъ и доброе дѣло, и мы услышимъ отъ какого-либо святаго мужа, что оно точно доброе, то мы и должны почитать его добрымъ, однако не вѣрить самимъ себѣ, что хорошо исполняемъ его, и что оно должно (непремѣнно) хорошо совершиться. Но мы должны исполнять его по силѣ своей и опять сказывать и то, какъ мы его исполняемъ, и узнавать, хорошо-ли мы его исполнили; и послѣ того не должны оставаться беззаботными, но ожидать и Божіяго суда, какъ сказалъ Святый авва Агаѳонъ, когда его спросили: „ужели и ты, отче, боишься?“ Онъ отвѣчалъ: „я исполнялъ [волю Божію] по силѣ своей, но не знаю, угодно ли дѣло мое Богу; ибо иной судъ Божій и иной человѣческій“. Господь

*) Въ греч. кн. «хорошо вопрошать: (отъ сего) смиреніе и радость».

Богъ да покроетъ насъ отъ бѣдствія, [постигающаго] тѣхъ, которые уповаютъ на самихъ себя, и да сподобитъ насъ держаться пути отцевъ нашихъ, благоугодившихъ имени Его. Ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ШЕСТОЕ

о томъ, чтобы не судить ближняго.

Если бы мы помнили, братія, слова святыхъ старцевъ, если бы мы всегда поучались въ нихъ, то мы не предавались бы такъ легко безпечности о себѣ: ибо если бы мы, какъ они сказали, не нерадѣли о маломъ, и о томъ, что намъ кажется ничтожнымъ, то не впадали бы въ великое и тяжкое. Я всегда говорю вамъ, что отъ сихъ незначительныхъ (грѣховъ), отъ того, что говоримъ: „какая важность въ томъ, или въ другомъ,“ образуется въ душѣ злой навыкъ, и (человѣкъ) начинаетъ нерадѣть и о великомъ. Знаете ли, какой тяжкій грѣхъ осуждать ближняго? Ибо что тяжелѣе сего? Что столько ненавидитъ Богъ? Отъ чего столько отвращается? Какъ и отцы сказали, что нѣтъ ничего хуже осужденія. Однако и въ такое великое зло человѣкъ приходитъ отъ сего же (нерадѣнія) о ничтожномъ повидимому. Ибо отъ того, что (человѣкъ) дозволилъ себѣ малое зазрѣніе ближняго, отъ того, что говоритъ: „что за важность, если послушаю, что говоритъ сей братъ? Что за важность, если и я скажу одно вотъ такое-то слово? Что за важность, если я посмотрю, что будетъ дѣлать сей братъ, или тотъ странникъ?“ (Отъ сего самаго) умъ начинаетъ оставлять свои грѣхи безъ вниманія и замѣчать грѣхи

ближняго. И отъ сего потомъ происходитъ, что мы осуждаемъ, злословимъ, уничижаемъ (ближнихъ), а наконецъ впадаемъ и въ то самое, что осуждаемъ. Ибо отъ того, что (человѣкъ) не заботится о своихъ грѣхахъ „и не оплакиваетъ, какъ сказали отцы, своего мертвеца,“ не можетъ онъ преуспѣть ни въ чемъ добромъ, но всегда обращаетъ вниманіе на дѣла ближняго. А ничто столько не прогнѣвляетъ Бога, ничто такъ не обнажаетъ человѣка и не приводитъ въ оставленіе (отъ Бога), какъ злословіе, или осужденіе, или уничиженіе ближняго.

Иное же дѣло злословить или порицать, иное осуждать, и иное уничижать. Порицать значитъ сказать о комъ нибудь: такой-то солгалъ, или разгнѣвался, или впалъ въ блудъ, или (сдѣлалъ) что-либо подобное. Вотъ такой злословилъ (брата), т.-е. сказалъ пристрастно о его согрѣшеніи. А осуждать — значитъ сказать: такой-то лгунъ, гнѣвливъ, блудникъ. Вотъ сей осудилъ самое расположеніе души его, произнесъ приговоръ о всей его жизни, говоря, что онъ таковъ-то, и осудилъ его, какъ такого; а это тяжкій грѣхъ. Ибо иное сказать: „онъ разгнѣвался,“ и иное сказать: „онъ гнѣвливъ,“ и какъ я сказалъ, произнести (такимъ образомъ) приговоръ о всей его жизни. А (грѣхъ) осужденія столько тяжелѣе всякаго другаго грѣха, что самъ Христосъ сказалъ: *лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Лук. 6, 42), и грѣхъ ближняго уподобилъ сучку, а осужденіе — бревну. Такъ-то тяжело осужденіе, превосходящее всякій грѣхъ.

И фарисей оный, моляся и благодаря Бога за свои добродѣтели, не солгалъ, но говорилъ истину, и не

за то былъ осужденъ: ибо мы должны благодарить Бога, когда сподобились сдѣлать что-либо доброе, потому что онъ помогъ и содѣйствовалъ намъ въ этомъ. За сіе фарисей не былъ осужденъ, какъ я сказалъ, что онъ благодарилъ Бога, изчисляя свои добродѣтели, и не за то онъ былъ осужденъ, что сказалъ: *нѣсмь яко же прочіи человѣцы;* но когда онъ обратился къ мытарю и сказалъ: *или яко же сей мытарь;* тогда онъ подвергся осужденію, ибо онъ осудилъ самое лицо, самое расположеніе души его и, кратко сказать, всю жизнь его. По сему мытарь и вышелъ *оправданъ паче онаго* (Лук. 18, 11).

Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ я много разъ говорилъ, нѣтъ ничего хуже осужденія, презрѣнія, или уничиженія ближняго. Почему мы не осуждаемъ лучше самихъ себя и наши грѣхи, которые мы достовѣрно знаемъ и за которые должны будемъ дать отвѣтъ предъ Богомъ? Зачѣмъ восхищаемъ (себѣ) судъ Божій, Чего хотимъ отъ Его созданія? Не должны ли мы трепетать, слыша, что случилось съ великимъ онымъ старцемъ, который, узнавъ о нѣкоемъ братѣ, что онъ впалъ въ блудъ, сказалъ: „о худо онъ сдѣлалъ!“ Или вы не знаете, какое ужасное событіе повѣствуется о немъ въ Отечникѣ? Святый Ангелъ принесъ къ нему душу согрѣшившаго и сказалъ ему: „посмотри, тотъ, кого ты осудилъ, умеръ; куда же повелишь ты помѣстить его, въ царство или муку?“ Есть ли что страшнѣе сей тяготы? Ибо что иное значатъ слова Ангела къ старцу, какъ не сіе: поелику ты судія праведныхъ и грѣшныхъ, то скажи, что повелишь о смиренной душѣ сей? помилуешь ли ты ее, или предашь мученію? Святый старецъ, пораженный симъ, все остальное время жиз-

ни своей провелъ въ стенаніяхъ, слезахъ и въ безмѣрныхъ трудахъ, молясь Богу, чтобы Онъ простилъ ему тотъ грѣхъ,—и (все) это уже послѣ того, какъ онъ, павъ на лице свое къ ногамъ Святаго Ангела, получилъ прощеніе. Ибо сказанное Ангеломъ: „вотъ Богъ показалъ тебѣ, какой тяжкій грѣхъ осужденіе, чтобы ты болѣе не впалъ въ него“, уже означало прощеніе: однако душа старца до самой смерти его не хотѣла болѣе утѣшиться и оставить свой плачъ.

И такъ чего хотимъ и мы отъ нашего ближняго? Чего хотимъ отъ чужой тяготы? Есть у насъ о чемъ заботиться, братія! Каждый да внимаетъ себѣ и своимъ грѣхамъ. Одному Богу принадлежитъ (власть) оправдывать и осуждать, поелику Онъ знаетъ и душевное устроеніе каждаго и силу, и образъ воспитанія, и дарованія, и тѣлосложеніе и способности; и сообразно съ этимъ судить каждаго, какъ онъ самъ Единъ знаетъ. Ибо иначе судитъ Богъ дѣла епископа, и иначе правителя (мірскаго), иначе судитъ дѣла игумена и иначе ученика, иначе стараго и иначе юнаго, иначе больнаго и иначе здороваго. И кто можетъ знать всѣ суды сіи? Только Единъ, сотворившій всѣхъ, все создавшій и все вѣдущій.

Помню, я слышалъ, что нѣкогда было такое происшествіе. Въ нѣкоторый городъ пришелъ корабль съ невольниками, а въ городѣ томъ жила одна святая дѣва, весьма внимавшая себѣ. Она, услышавъ, что пришелъ оный корабль, очень обрадовалась, ибо желала купить себѣ маленькую дѣвочку, и думала: возьму и воспитаю ее, какъ хочу, чтобы она вовсе не знала пороковъ міра сего. Она послала за хозяиномъ корабля того и, призвавъ его къ себѣ, узнала, что у него есть двѣ маленькія дѣвочки, именно такія, какихъ она желала, и тотчасъ съ радостію отдала она цѣну (за одну изъ нихъ) и взяла ее къ себѣ. Когда же хозяинъ корабля удалился изъ того мѣста, гдѣ пребывала оная святая, и едва отошелъ немного, встрѣтила его одна блудница, совершенно развратная, и увидѣвъ съ нимъ другую дѣвочку, захотѣла взять ее; условившись съ нимъ, отдала цѣну, взяла (дѣвочку) и ушла съ ней. Видите ли тайну Божію? Видите ли судъ (Божій)? Кто можетъ объяснить это? И такъ, святая дѣва взяла ту маленькую, воспитала ее въ страхѣ Божіемъ, наставляя ее на всякое благое дѣло, обучая ее иноческому житію, и кратко сказать, во всякомъ благоуханіи святыхъ заповѣдей Божіихъ. Блудница же, взявши ту несчастную, сдѣлала ее орудіемъ діавола. Ибо чему могла оная зараза научить ее, какъ не погубленію души своей? И такъ, что мы можемъ сказать о страшной сей судьбѣ? Обѣ были малы, обѣ проданы, не зная сами, куда идутъ, и одна оказалась въ рукахъ Божіихъ, а другая впала въ руки діавола. Можно ли сказать, что Богъ равно взыщетъ, какъ съ одной, такъ и съ другой? Какъ это возможно! Если обѣ впадутъ въ блудъ, или въ иной грѣхъ, можно ли сказать, что обѣ онѣ подвергнутся одному суду, хотя и обѣ впали въ одно и тоже согрѣшеніе? Возможно ли это? Одна знала о судѣ, о царствѣ Божіемъ, день и ночь поучалась въ словахъ Божіихъ; другая же, несчастная, никогда не видала и не слыщала ничего добраго, но всегда, напротивъ, все скверное, все діавольское: какъ же возможно, чтобы обѣ были судимы однимъ судомъ?

И такъ, никакой человѣкъ не можетъ знать судебъ Божіихъ, но Онъ единъ вѣдаетъ все и можетъ судить согрѣшенія каждаго, какъ Ему единому извѣстно. Дѣйствительно случается, что братъ погрѣшаетъ по простотѣ; но имѣетъ одно доброе дѣло, которое угодно Богу болѣе всей твоей жизни: а ты судишь и осуждаешь его, и отягощаешь душу свою. Если же и случилось ему преткнуться, почему ты знаешь, сколько онъ подвизался и сколько пролилъ крови своей прежде согрѣшенія; и теперь согрѣшеніе его является предъ Богомъ, какъ бы дѣло правды? Ибо Богъ видитъ трудъ его и скорбь, которые онъ, какъ я сказалъ, подъялъ прежде согрѣшенія, и милуетъ его. А ты знаешь только сіе (согрѣшеніе); и тогда какъ Богъ милуетъ его, ты осуждаешь его и губишь душу свою. Почему ты знаешь, сколько слезъ онъ пролилъ о семъ предъ Богомъ? Ты видѣлъ грѣхъ его, а покаянія его не видѣлъ.

Иногда же мы не только осуждаемъ, но и уничижаемъ (ближняго); ибо иное, какъ я сказалъ, осуждать и иное уничижать. Уничиженіе есть то, когда человѣкъ не только осуждаетъ (другаго), но презираетъ его, т. е. гнушается ближнимъ и отвращается отъ него, какъ отъ нѣкоей мерзости: это хуже осужденія и гораздо пагубнѣе. Хотящіе же спастись не обращаютъ вниманія на недостатки ближнихъ, но всегда смотрятъ на свои собственные и преуспѣваютъ. Таковъ былъ тотъ, который, видя, что братъ его согрѣшилъ, вздохнулъ и сказалъ: „горе мнѣ! какъ онъ согрѣшилъ сего дня, такъ согрѣшу и я завтра". Видишь ли твердость? Видишь ли настроеніе *) души,

(* Въ слав. уготовленіе, т. е. къ искушеніямъ.

Какъ онъ тотчасъ нашелъ средство избѣгнуть осужденія брата своего. Ибо сказавъ: „такъ и я завтра." онъ внушилъ себѣ страхъ и попеченіе о томъ, что и онъ въ скоромъ времени можетъ согрѣшить, и такъ избѣжалъ осужденія ближняго. Притомъ не удовлетворился этимъ, но и себя повергнулъ подъ ноги его, сказавъ: „и онъ (по крайней мѣрѣ) покается о грѣхѣ своемъ, а я не покаюсь, какъ должно, не достигну покаянія, не въ силахъ буду покаяться." Видишь просвѣщеніе Божественной души? Онъ не только успѣлъ избѣжать осужденія ближняго, но и себя самого повергнулъ подъ ноги его. Мы же, окаянные, безъ разбора осуждаемъ, гнушаемся, уничижаемъ, если что-либо видимъ, или услышимъ, или только подозрѣваемъ; и что еще хуже, мы не останавливаемся на своемъ собственномъ вредѣ, но, встрѣчая и другаго брата, тотчасъ говоримъ ему: то и то случилось, и вредимъ ему, вносл въ сердце его грѣхъ *). И не боимся мы сказавшаго: *горе напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Аввак. 2, 15), но совершаемъ бѣсовское дѣло, и нерадимъ о семъ. Ибо что иное дѣлать бѣсу, какъ не смущать и не вредить? А мы оказываемся помощниками бѣсовъ на погибель свою и ближняго: ибо кто вредитъ душѣ, тотъ содѣйствуетъ и помогаетъ демонамъ, а кто приноситъ ей пользу, тотъ помогаетъ Святымъ Ангеламъ. Отъ чего же мы впадаемъ въ сіе, какъ не отъ того, что нѣтъ въ насъ любви? Ибо, если бы мы имѣли любовь, то съ соболѣзнованіемъ и состраданіемъ смотрѣли бы на недостатки ближняго, какъ сказано: *любы покрываетъ*

*) Въ греч. вливая въ сердце его зловонную нечистоту.

множество грѣховъ (1 Петр. 4, 8). *Любы не мыслитъ зла; вся покрываетъ* и проч. (1 Кор. 13, 5).

И такъ если бы, какъ я сказалъ, мы имѣли любовь, то сія любовь покрыла бы всякое согрѣшеніе, какъ и Святые дѣлаютъ, видя недостатки человѣческія. Ибо развѣ Святые слѣпы и не видятъ согрѣшеній? Да и кто столько ненавидитъ грѣхъ, какъ Святые? Однако они не ненавидятъ согрѣшающаго и не осуждаютъ его, не отвращаются отъ него; но сострадаютъ ему, скорбятъ о немъ, вразумляютъ, утѣшаютъ, врачуютъ его, какъ больной членъ, и дѣлаютъ все для того, чтобы спасти его. Какъ рыбаки, когда закинутъ уду въ море и, поймавъ большую рыбу, чувствуютъ, что она мечется и бьется, то не вдругъ сильно влекутъ ее, ибо иначе прервется вервь и они совсѣмъ потеряютъ рыбу, но пускаютъ вервь свободно и послабляютъ ей идти, какъ хочетъ; когда же увидятъ, что рыба утомилась и перестала биться, тогда мало по малу притягиваютъ ее: такъ и Святые долготерпѣніемъ и любовію привлекаютъ брата, а не отвращаются отъ него и не гнушаются имъ. Какъ мать, имѣющая безобразнаго сына, не только не гнушается имъ и не отвращается отъ него, но и украшаетъ его съ любовію, и все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для его утѣшенія; такъ и Святые всегда покрываютъ, украшаютъ, помогаютъ, чтобы и согрѣшающаго со временемъ исправить, и ни кто другой не получилъ отъ него вреда, и имъ самимъ болѣе преуспѣть въ любви Христовой.

Что сдѣлалъ Святый Аммонъ, какъ однажды братія пришли къ нему въ смущеніи и сказали ему: „пойди и посмотри, отче, у такого-то брата въ келіи женщина. „Какое милосердіе показала, какую любовь

имѣла святая оная душа! Понявши, что братъ скрылъ женщину подъ кадкою, онъ пошелъ и сѣлъ на оную, и велѣлъ имъ искать по всей келіи. Когда же они ничего не нашли, онъ сказалъ имъ: „Богъ да проститъ васъ.“ И такъ онъ постыдилъ ихъ, утвердилъ, и оказалъ имъ великую пользу, научивъ ихъ не легко вѣрить обвиненію на ближняго; и брата онаго исправилъ, не только покрывъ его по Богѣ, но и вразумивъ его, когда нашелъ удобное къ тому время. Ибо, выславъ всѣхъ вонъ, онъ взялъ его за руку и сказалъ ему: „подумай о душѣ своей, братъ.“ Братъ сей тотчасъ устыдился, пришелъ въ умиленіе и тотчасъ подѣйствовало на душу его человѣколюбіе и сострадапіе старца.

И такъ, пріобрѣтемъ и мы любовь, пріобрѣтемъ снисходительность къ ближнему, чтобы сохранить себя отъ пагубнаго злословія, осужденія и уничиженія и будемъ помогать другъ другу, какъ своимъ собственнымъ членамъ. Кто, имѣя рану на рукѣ своей, или на ногѣ, или на другомъ какомъ членѣ, гнушается собою, или отсѣкаетъ членъ свой, хотя бы онъ и гноился? Не скорѣе ли очищаетъ онъ его, омываетъ, накладываетъ на него пластырь, обвязываетъ, окропляетъ святой водой, молится и проситъ Святыхъ помолиться о немъ, какъ сказалъ и авва Зосима? Однимъ словомъ, (никто) не оставляетъ своего члена (въ небреженіи), не отвращается отъ него, ни даже, отъ зловонія его, но дѣлаетъ все для того, чтобы излѣчить его. Такъ должны и мы сострадать другъ другу, должны помогать другъ другу, сами и посредствомъ другихъ сильнѣйшихъ, и все придумывать и дѣлать для того, чтобы помогать и себѣ, и одинъ другому; ибо

мы члены другъ друга, какъ говоритъ Апостолъ, *вси мы едино тѣло есмы, а по единому другъ другу уди* (Рим. 1. 2. 5), и: *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди* (1 Кор. 12. 26). Чѣмъ кажутся вамъ общежитія? Не суть ли они одно тѣло, и (всѣ составляющіе общежитіе) члены другъ друга. Правящіе и наставляющіе суть глава; наблюдающіе и исправляющіе—очи; пользующіе словомъ—уста; слушающіе ихъ—уши; дѣлающіе—руки, а ноги суть посылаемые и исполняющіе служеніе. Глава ли ты?—Наставляй. Око ли?—Наблюдай, смотри. Уста ли?—Говори, пользуй. Ухо ли? Слушай. Рука ли?—Дѣлай. Нога ли? Служи. Каждый да служитъ тѣлу по силѣ своей, и старайтесь постоянно помогать другъ другу: или ученіемъ, влагая слово Божіе въ сердце брату, или утѣшеніемъ во время скорби, или подаяніемъ помощи въ дѣлѣ служенія. И однимъ словомъ, каждый, какъ я сказалъ, по силѣ своей, старайтесь имѣть единеніе другъ съ другомъ; ибо, чѣмъ болѣе кто соединяется съ ближнимъ, тѣмъ болѣе соединяется онъ съ Богомъ.

И чтобы вамъ яснѣе понять силу сказаннаго, предложу вамъ сравненіе, преданное отъ отцевъ. Представьте себѣ кругъ, начертанный на землѣ, средина котораго называется центромъ; а прямыя линіи, идущія отъ центра къ окружности, называются радіусами. Теперь вникните, что я буду говорить: предположите, что кругъ сей есть міръ, а самый центръ круга—Богъ; радіусы же, т. е. прямыя линіи, идущія отъ окружности къ центру, суть пути жизни человѣческой. И такъ, на сколько Святые входятъ внутрь круга, желая приблизиться къ Богу, на столько, по

мѣрѣ вхожденія, они становятся ближе и къ Богу, и другъ къ другу; и сколько приближаются къ Богу, столько приближаются и другъ къ другу; и сколько приближаются другъ къ другу, столько приближаются и къ Богу. Такъ разумѣйте и объ удаленіи. Когда удаляются отъ Бога и возвращаются ко внѣшнему, то очевидно, что въ той мѣрѣ, какъ они исходятъ отъ средоточія и удаляются отъ Бога, въ той же мѣрѣ удаляются и другъ отъ друга; и сколько удаляются другъ отъ друга, столько удаляются и отъ Бога. Таково естество любви: на сколько мы находимся внѣ и не любимъ Бога, на столько каждый удаленъ и отъ ближняго. Если же возлюбимъ Бога, то сколько приближаемся къ Богу любовью къ Нему, столько соединяемся любовью и съ ближнимъ; и сколько соединяемся съ ближнимъ, столько соединяемся съ Богомъ. Господь Богъ да сподобитъ насъ слышать полезное и исполнять оное; ибо по мѣрѣ того, какъ мы стараемся и заботимся объ исполненіи слышаннаго, и Богъ всегда просвѣщаетъ насъ и научаетъ волѣ Своей. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ СЕДЬМОЕ

о томъ, чтобы укорять себя, а не ближняго.

Изслѣдуемъ, братія, отъ чего происходитъ, что иногда кто-либо, услышавъ оскорбительное слово, не обращаетъ на него вниманія и переноситъ оное безъ смущенія, какъ будто вовсе и не слыхалъ его: иногда же, какъ только услышитъ, тотчасъ смущается. Какая причина такого различія? И одна ли причина

этого различія, или многія? Я нахожу, что это имѣетъ многія причины, но есть одна, такъ сказать, рождающая всѣ другія причины. И скажу вамъ, какъ (это бываетъ). Во-первыхъ, случается, что иной послѣ молитвы или добраго упражненія находится, такъ сказать, въ добромъ расположеніи духа и потому снисходитъ брату своему, и не смущается (его словами). Случается также, что иной имѣетъ пристрастіе къ кому-нибудь и потому безъ огорченія переноситъ все, отъ него наносимое. Бываетъ также, что иной презираетъ желающаго оскорбить его и потому не обращаетъ вниманія на его обиды, не считаетъ его за человѣка и потому не вмѣняетъ ни во что все, что тотъ говоритъ или дѣлаетъ. И скажу вамъ нѣчто такое, чему вы удивитесь.

Въ общежитіи, прежде моего удаленія оттуда, былъ одинъ братъ, котораго я никогда не видалъ смутившимся, или скорбящимъ, или разгнѣваннымъ на кого-либо, тогда какъ я замѣчалъ, что многіе изъ братіи часто досаждали ему и оскорбляли его. А этотъ юноша такъ переносилъ (оскорбленія) отъ каждаго изъ нихъ, какъ будто никто вовсе не смущалъ его. Я же всегда удивлялся чрезвычайному незлобію его и желалъ узнать, какъ онъ пріобрѣлъ сію добродѣтель. Однажды отвелъ я его въ сторону и, поклонившись ему, просилъ его сказать мнѣ, какой помыслъ онъ всегда имѣетъ въ сердцѣ своемъ, что, подвергаясь оскорбленіямъ или перенося отъ кого-либо обиду, онъ показываетъ такое долготерпѣніе. Онъ отвѣчалъ мнѣ презрительно безъ всякаго смущенія: „мнѣ ли обращать вниманіе на ихъ недостатки, или принимать отъ нихъ (обиды), какъ отъ людей? Это лающіе псы *)“. Услышавъ это, я преклонилъ голову и сказалъ себѣ: нашелъ путь братъ сей, и перекрестясь, удалился отъ него, моля Бога, чтобы Онъ покрылъ меня и его.

И такъ, случается, какъ я сказалъ, что кто-либо не приходитъ въ смущеніе и отъ презрѣнія (ближняго), а это явная погибель. Если же кто смущается на оскорбляющаго его брата, то сіе происходитъ или отъ того, что онъ въ это время находится не въ хорошемъ расположеніи духа, или отъ того, что имѣетъ непріязнь противъ него. Этому есть много и другихъ причинъ, о которыхъ уже было говорено. Но главная причина всякаго смущенія, если мы основательно изслѣдуемъ, есть то, что мы не укоряемъ самихъ себя. Отъ того проистекаетъ всякое подобное разстройство, отъ того мы никогда не находимъ покоя. И нечего удивляться, когда слышимъ отъ всѣхъ святыхъ, что нѣтъ другаго пути, кромѣ сего. Мы видимъ, что никто, минуя путь сей, не обрѣлъ покоя: а мы надѣемся получить спокойствіе, или полагаемъ, что идемъ правымъ путемъ, никогда не желая укорять самихъ себя. Поистинѣ, если человѣкъ совершитъ и тьмы добродѣтелей, но не будетъ держаться сего пути, то онъ никогда не перестанетъ оскорбляться и оскорблять другихъ, теряя чрезъ то всѣ труды свои. Напротивъ, какую радость, какое спокойствіе имѣетъ тотъ, кто укоряетъ самого себя! Куда бы ни пошелъ укоряющій себя, какъ сказалъ авва Пименъ, какой бы ни приключился ему вредъ, или безчестіе или иная какая-либо скорбь, онъ уже предваритель-

*) Въ слав. «красни пси суть».

но считаетъ себя достойнымъ всякой скорби и никогда не смущается. Есть-ли что безпечальнѣе такого состоянія?

Но если кто-нибудь скажетъ: если братъ оскорбляетъ меня, и я, испытавъ себя, найду, что я не подалъ ему никакого повода къ сему, то какъ могу укорить себя? По истинѣ, если кто-либо испытаетъ себя со страхомъ Божіимъ, то найдетъ, что онъ всячески самъ подалъ поводъ, или дѣломъ, или словомъ, или видомъ. Если же онъ видитъ, какъ говоритъ, что онъ въ настоящее время не подалъ ему вовсе никакого повода, то (вѣрно) онъ когда-нибудь въ другое время оскорбилъ его, или въ этомъ, или въ другомъ дѣлѣ, или вѣроятно опечалилъ другаго брата и долженъ былъ пострадать за сіе, или часто и за иной какой-либо грѣхъ. Потому если кто, какъ я сказалъ, со страхомъ Божіимъ разсмотритъ самого себя и строго испытаетъ свою совѣсть, то онъ непремѣнно найдетъ себя виновнымъ.

Случается также, что иной, какъ кажется ему, пребываетъ въ мирѣ и безмолвіи; но когда братъ скажетъ ему оскорбительное слово, то онъ смущается, и потому полагаетъ себя въ правѣ скорбѣть на него, говоря: если бы онъ не пришелъ и не смутилъ бы меня своими словами, то я не согрѣшилъ бы. Вотъ смѣшное сужденіе. Вотъ обольщеніе діавольское! Развѣ тотъ, кто сказалъ ему слово, вложилъ въ него страсть? Онъ только показалъ ему ту, которая уже была въ немъ, для того, чтобы онъ, если хочетъ, покаялся въ ней. Такой подобенъ гнилому хлѣбу, который снаружи хорошъ, а внутри заплѣсневѣлъ, и когда кто-либо разломитъ его, то обнаруживается его гнилость. Такъ и этотъ пребывалъ, какъ ему казалось, въ мирѣ, но страсть была внутри его, а онъ не зналъ о семъ; братъ сказалъ ему одно слово и обнаружилъ гнилость, сокровенную внутри его. И такъ, если онъ хочетъ получить помилованіе, то пусть покается, очистится, преуспѣетъ; и пусть видитъ, что онъ еще долженъ благодарить брата, какъ доставившаго ему таковую пользу. Ибо искушенія не будутъ уже одолѣвать его, какъ прежде; но на сколько онъ преуспѣетъ, на столько онѣ окажутся для него легчайшими: ибо по мѣрѣ того, какъ душа преуспѣваетъ, она становится болѣе крѣпкою и пріобрѣтаетъ силу переносить находящія на нее искушенія. Какъ сильное животное, если на него навьючатъ большое бремя, спокойно несетъ его, и когда случится ему споткнуться, то встаетъ тотчасъ и вовсе не чувствуетъ, что споткнулось; если же напротивъ животное безсильно, то и легкое бремя отягощаетъ его, и когда оно упадетъ, нужна большая помощь, чтобы поднять его. Такъ бываетъ и съ душею: по мѣрѣ того, какъ она творитъ грѣхъ, она изнемогаетъ отъ него; ибо грѣхъ разслабляетъ и приводитъ въ изнеможеніе того, кто предается ему; и потому все приключающееся съ таковымъ отягощаетъ его. Если же человѣкъ преуспѣваетъ (въ добрѣ), то, по мѣрѣ преуспѣянія, ему дѣлается болѣе легкимъ то, что нѣкогда было тяжело. Посему-то, если мы во всемъ, что съ нами ни случается, считаемъ виновными самихъ себя, а не другихъ, то это приноситъ намъ много добра и доставляетъ великое спокойствіе и преуспѣяніе, и тѣмъ болѣе (должны мы это дѣлать), что ничего не бываетъ съ нами безъ промысла Божія.

Если кто говоритъ: „какъ я могу не скорбѣть, если нуждаюсь въ вещи, и не получаю ея, тогда какъ она мнѣ необходимо нужна?“ То даже и въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ права укорять кого-нибудь или скорбѣть на кого-либо. Ибо если онъ дѣйствительно нуждается въ вещи, какъ говоритъ, и не получаетъ ея, то онъ долженъ сказать: „Христосъ знаетъ болѣе меня, долженъ ли я получить (желаемое), и Онъ будетъ мнѣ вмѣсто сей вещи, или вмѣсто сей пищи“. Сыны Израилевы ѣли манну въ пустынѣ сорокъ лѣтъ: и хотя видъ манны былъ одинъ и тотъ же, но для каждаго она была тѣмъ, въ чемъ онъ имѣлъ нужду: кому нужно было соленое, для того она была солена, кому нужно было сладкое, для того она была сладка, и однимъ словомъ, каждому она была тѣмъ, что было сообразно съ его потребностью. Такъ, если кому нужно яйцо, а онъ не получаетъ его, но получаетъ только овощи, то пусть скажетъ помыслу своему: „если бы мнѣ было полезно получить яйцо, то Богъ непремѣнно послалъ бы мнѣ его; однако Онъ можетъ сдѣлать, что и самые эти овощи замѣнятъ мнѣ яйцо“. И вѣрую Богу, что сіе будетъ ему (вмѣнено) въ мученичество. Ибо если кто поистинѣ достоинъ покоя, то и сарацинскому (варварскому) сердцу Богъ возвѣститъ сотворить съ нимъ милость, смотря по его надобности. Если же кто недостоинъ успокоенія, или оно неполезно ему, то хотя бы онъ и новое небо, и новую землю сотворилъ, не найдетъ покоя. Однако иногда человѣкъ находитъ покой и сверхъ своей потребности, а иногда (не получаетъ) и необходимаго. Поелику Богъ, какъ милостивый, каждому подаетъ, что ему нужно. Но бываетъ, что Онъ посылаетъ человѣку болѣе нужнаго ему; симъ показываетъ избытокъ человѣколюбія Своего, и научаетъ его благодаренію; когда же не посылаетъ ему и нужнаго, то словомъ Своимъ (Матѳ. 4, 4), замѣняетъ дѣйствіе той вещи, въ которой человѣкъ нуждается, и научаетъ его терпѣнію. И такъ, во всякомъ случаѣ должны мы взирать горѣ. Добро ли намъ кто-нибудь сдѣлаетъ или злое потерпимъ отъ кого-либо, мы должны взирать горѣ и благодарить Бога за все, случающееся съ нами, всегда укоряя самихъ себя, и говоря, какъ сказали отцы, что если случится съ нами нѣчто доброе, то это дѣло Божія промысла, а если злое, то это за грѣхи наши. Ибо по истинѣ все, что мы ни терпимъ, терпимъ за грѣхи наши. Святые если и страдаютъ, то страдаютъ за имя Божіе или для того, чтобы обнаружились добродѣтели ихъ на пользу многимъ, или для того, чтобы умножились вѣнцы и награда ихъ отъ Бога. Но можемъ ли мы, окаянные, сказать это о себѣ, мы, которые такъ согрѣшаемъ ежедневно, и удовлетворяя страстямъ нашимъ, оставили правый путь, указанный отцами, путь самоукоренія, и идемъ кривымъ путемъ — укоренія ближняго. И каждый изъ насъ старается во всякомъ дѣлѣ сложить вину на брата своего и на него возложить всю тяготу; каждый небрежетъ и не соблюдаетъ ни одной заповѣди, а отъ ближняго требуетъ исполненія заповѣдей.

Однажды пришли ко мнѣ два брата, скорбѣвшіе одинъ на другаго, и старшій говорилъ о младшемъ: „когда я приказываю ему что-либо сдѣлать, онъ скорбитъ, и я тоже скорблю, думая, что если бы онъ имѣлъ ко мнѣ довѣріе и любовь, то принималъ бы

слова мои съ увѣренностью" *). Младшій же сказалъ: „прости авва, онъ говоритъ мнѣ вовсе не со страхомъ Божіимъ, но повелѣваетъ, какъ властелинъ, и я думаю, что потому и не располагается къ довѣрію **) сердце мое, какъ говорятъ отцы". Замѣтьте, какъ оба они укоряютъ другъ друга. и ни одинъ изъ нихъ не укорилъ себя. Также и другихъ двое скорбѣли другъ на друга, и, поклонившись одинъ другому, не получили успокоенія. И одинъ говорилъ: „онъ не отъ сердца поклонился мнѣ, и потому я не успокоился ***), ибо такъ сказали отцы". Другой же говорилъ: „такъ какъ онъ не былъ приготовленъ любовью ко мнѣ, когда я просилъ у него прощенія, то посему и я не успокоился". Видишь ли, господине, (какое) смѣшное сужденіе! Видишь ли, какое превращеніе понятій! Богъ знаетъ, какъ я ужасаюсь, что и самыя изреченія отцевъ нашихъ мы употребляемъ сообразно съ лукавою волею нашею и къ погибели душъ нашихъ. Каждому изъ нихъ надлежало возложить вину на самого себя, и одинъ долженъ былъ сказать: поелику я не отъ сердца поклонился брату моему, то посему Богъ и не расположилъ его ко мнѣ; а другой долженъ былъ сказать: такъ какъ я не былъ приготовленъ любовью къ брату моему прежде, нежели онъ просилъ прощенія, то по сему Богъ и не расположилъ его ко мнѣ. Также слѣдовало поступить и двумъ вышеупомянутымъ: одинъ долженъ былъ сказать: я говорю властительски, и потому Богъ не располагаетъ

*) Въ слав. съ извѣщеніемъ.

**) Въ слав.: не извѣствуется.

***) Въ слав.: неизвѣстихся.

брата моего въ довѣріи ко мнѣ; а другой долженъ былъ помышлять: братъ мой со смиреніемъ и любовію приказываетъ мнѣ, но я непослушенъ и не имѣю страха Божія. И ни одинъ изъ нихъ не нашелъ пути къ самоукоренію, напротивъ, каждый возлагалъ вину на ближняго. Вотъ почему мы и не преуспѣваемъ, вотъ почему и не получаемъ ни отъ чего пользы, но все время наше проводимъ въ противленіи другъ другу и мучимъ сами себя. Поелику каждый оправдываетъ себя, каждый, какъ я прежде сказалъ, оставляетъ себя ничего ни соблюдая, а отъ ближняго требуемъ исполненія заповѣди, потому мы и не можемъ придти въ познаніе добраго; ибо, если хотя мало научимся чему-либо, тотчасъ и отъ ближняго требуемъ того же, укоряя его и говоря: онъ долженъ былъ это сдѣлать; почему же онъ такъ не сдѣлалъ? Почему мы лучше отъ себя не требуемъ исполненія заповѣдей, и не укоряемъ себя въ несоблюденіи ихъ?

Гдѣ тотъ старецъ, который, когда его спросили: „что главное изъ найденнаго тобою на пути семъ, отче,"—отвѣчалъ: „то, чтобы во всемъ укорять себя." Это и вопросившій похвалилъ и сказалъ ему: „нѣтъ иного пути, кромѣ сего." Такъ и авва Пименъ сказалъ со стенаніемъ: всѣ добродѣтели вошли въ домъ сей, кромѣ одной, безъ которой трудно устоять человѣку." И когда его спросили: „какая это добродѣтель?" Онъ отвѣчалъ: „та, чтобы человѣкъ во всемъ укорялъ себя." *) И Святый Антоній сказалъ: „великій подвигъ **) человѣка состоитъ въ томъ, чтобы онъ предъ лицемъ

*) Т. е. во всякомъ непріятномъ случаѣ возлагалъ бы вину на себя.

**) Въ слав. веліе дѣланіе.

Божіимъ возлагалъ все согрѣшеніе свое на себя и ожидалъ бы искушенія до послѣдняго издыханія." И вездѣ находимъ мы, что отцы, сохранивъ сіе и возложивъ на Бога все, даже и самое малое, обрѣли покой. Таковъ былъ тотъ святый старецъ, которому во время болѣзни братъ влилъ въ пищу, вмѣсто меда, льняное масло, которое очень вредно. Однакоже старецъ ничего не сказалъ, но ѣлъ молча и въ первый, и во второй разъ, и нисколько не укорилъ служившаго ему брата, не сказалъ, что онъ небреженъ, и нетолько не сказалъ этого, но даже ни какимъ словомъ не опечалилъ его. Когда же братъ узналъ, что онъ сдѣлалъ, и началъ скорбѣть, говоря: „я убилъ тебя, авва, и ты возложилъ сей грѣхъ на меня тѣмъ, что промолчалъ," то съ какою кротостью онъ отвѣчалъ ему: „не скорби, чадо, если бы Богу угодно было, чтобы я ѣлъ медъ, то ты влилъ бы мнѣ меду." И (такимъ образомъ) онъ возложилъ это на Бога. Какое дѣло Богу до сего, монахъ? Братъ ошибся, а ты говоришь: „если бы Богу было угодно;" какое участіе Богу въ семъ дѣлѣ? Однако онъ говоритъ: поистинѣ если бы Богу было угодно, чтобы я ѣлъ медъ, то братъ и влилъ бы мнѣ меду. Вотъ, хотя старецъ былъ въ такой болѣзни и столько дней не могъ принять пищи, однако же не поскорбѣлъ на брата, но возложилъ дѣло на Бога и успокоился. И хорошо сказалъ старецъ, ибо онъ зналъ, что если бы Богу угодно было, чтобы онъ ѣлъ медъ, то и зловонное (льняное) масло претворилъ бы Онъ въ медъ. Мы же въ каждомъ дѣлѣ устремляемся на ближняго, порицая и укоряя его, какъ нерадиваго и не по совѣсти поступающаго. Какъ только услышимъ хотя (одно) слово, тотчасъ перетолковываемъ его, говоря: если бы онъ не хотѣлъ смутить меня, то онъ не сказалъ бы этого. Гдѣ пророкъ Давидъ, который сказалъ о Семеѣ: *Оставите его, и тако да проклинаетъ, яко Господь рече ему проклинати Давида* (2 Цар. 16). Мужу ли убійцѣ говорилъ Богъ, чтобы онъ проклиналъ пророка? Какъ, ужели Господь сказалъ ему (сіе)? Но пророкъ, имѣя разумъ (духовный) и зная, что милости Божіей ничто такъ не привлекаетъ на душу, какъ искушенія, и особенно наносимыя и налагаемыя во время скорби и нужды, сказалъ: *Оставите его проклинати Давида, яко Господь рече ему.* Для чего? *Негли призритъ Господь на смиреніе мое, и возвратитъ ми благая вмѣсто клятвы его.* Видишь ли, какъ разумно поступалъ пророкъ? Посему-то онъ и остановилъ хотѣвшихъ отмстить проклинающему, говоря: *что мнѣ и вамъ сынове Саруини? Оставите его проклинати мя, яко Господь рече ему* (2 Цар. гл. 16). Мы же не хотимъ сказать о братѣ нашемъ, что Господь ему сказалъ, но если услышимъ (оскорбительное) слово, то поступаемъ подобно собакѣ, въ которую когда кто-нибудь броситъ камнемъ, то она оставляетъ бросившаго и бѣжитъ грызть камень. Такъ дѣлаемъ и мы: оставляемъ Бога, попускающаго напастямъ находить на насъ къ очищенію грѣховъ нашихъ, и обращаемся на ближняго, говоря: зачѣмъ онъ мнѣ это сказалъ? Зачѣмъ онъ мнѣ это сдѣлалъ? И тогда какъ мы могли бы получать большую пользу отъ подобныхъ (случаевъ), мы дѣлаемъ противное, и вредимъ сами себѣ, не разумѣя, что промысломъ Божіимъ все устраивается на пользу каждаго.

Господь Богъ да вразумитъ насъ молитвами Святыхъ, ибо Ему всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ОСЬМОЕ

о злопамятности.

Отцы сказали, что монахамъ несвойственно гнѣваться, также и оскорблять кого-либо, и еще: „кто преодолѣлъ гнѣвъ, тотъ преодолѣлъ демоновъ, а кто побѣждается сею страстію, тотъ вовсе чуждъ иноческой жизни“ и проч. Что же должны мы сказать о себѣ, когда мы не только не оставляемъ раздражительности и гнѣва, но и предаемся злопамятности? Что намъ дѣлать, какъ не оплакивать такое жалкое и нечеловѣческое устроеніе (душъ нашихъ)? Итакъ, будемъ внимать себѣ, братія, и постараемся съ помощію Божіею избавиться отъ горечи этой губительной страсти.

Случается, что, когда между братіями произойдетъ смущеніе или возникнетъ неудовольствіе, одинъ изъ нихъ поклонится другому (прося прощенія), но и послѣ сего продолжаетъ скорбѣть и имѣть помыслы противъ брата. Таковый не долженъ пренебрегать симъ, но пресѣчь оныя вскорѣ, ибо это есть злопамятность: а она, какъ я сказалъ, требуетъ отъ человѣка многаго вниманія, чтобы въ оной не закоснѣть и не погибнуть. Кто поклонился (прося прощенія) и сдѣлалъ это ради заповѣди, тотъ въ настоящее время исцѣ-

лилъ гнѣвъ, но противъ злопамятности еще не подвизался, и потому продолжаетъ скорбѣть на брата. Ибо иное злопамятность, иное гнѣвъ, иное раздражительность и иное смущеніе; и чтобы вы (лучше) поняли сіе, скажу вамъ примѣръ. Кто разводитъ огонь, тотъ беретъ сначала малый уголекъ: это слово брата, нанесшаго оскорбленіе. Вотъ это пока еще только малый уголекъ: ибо что такое слово брата твоего? Если ты его перенесешь, то ты и погасилъ уголекъ. Если же будешь думать: „зачѣмъ онъ мнѣ это сказалъ, и я ему скажу то и то, и если бы онъ не хотѣлъ оскорбить меня, онъ не сказалъ бы этого, и я непремѣнно оскорблю его.“ Вотъ ты и подложилъ лучинки, или что-либо другое, подобно разводящему огонь, и произвелъ дымъ, который есть смущеніе. Смущеніе же есть то самое движеніе и возбужденіе помысловъ, которое воздвигаетъ и раздражаетъ сердце. Раздраженіе же есть отомстительное возстаніе на опечалившаго, которое обращается въ дерзость, какъ сказалъ блаженный авва Маркъ: „злоба, питаемая помышленіями, раздражаетъ сердце, убиваемая же молитвою и надеждою, сокрушаетъ его.“ Если бы ты перенесъ малое слово брата твоего, то погасилъ бы, какъ я уже сказалъ, этотъ малый уголекъ, прежде чѣмъ произошло смущеніе; однако же и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще не велико, молчаніемъ, молитвою, однимъ поклономъ отъ сердца. Если же ты будешь продолжать дымить, то есть, раздражать и возбуждать сердце воспоминаніемъ: „зачѣмъ онъ мнѣ это сказалъ, и я ему скажу то и то“ то отъ сего самаго стеченія и, такъ сказать, столкновенія помысловъ согрѣвается и разгарается сердце, и про-

исходитъ воспламененіе раздражительности, ибо раздражительность есть жаръ крови около сердца, какъ говоритъ св. Василій Великій. Вотъ какъ происходитъ раздражительность. Ее также называютъ остро-желчіемъ (вспыльчивостью). Если хочешь, можешь погасить и ее, прежде чѣмъ произойдетъ гнѣвъ. Если же ты продолжаешь смущать и смущаться, то уподобляешься человѣку, подкладывающему дрова на огонь и еще болѣе разжигающему его, отчего образуется (много) горящаго уголья, и это есть гнѣвъ. Также сказалъ и авва Зосима, когда его спросили, что значитъ изреченіе: „гдѣ нѣтъ раздражительности, тамъ безмолвствуетъ вражда?“ Ибо если кто-либо въ началѣ смущенія, когда оно начинаетъ, какъ мы сказали, дымиться и бросаетъ искры, поспѣшитъ укорить себя и поклониться (ближнему, прося прощенія), прежде нежели разгорится раздражительность, то онъ сохранитъ миръ. Также когда возгорится раздражительность, если онъ не замолчитъ, но будетъ продолжать смущаться и возбуждать себя, то онъ дѣлается, какъ мы сказали, подобнымъ тому, кто подкладываетъ дрова на огонь, и онѣ горятъ, пока наконецъ образуется много горящаго уголья. И какъ горящее уголье, когда оно угаснетъ и будетъ собрано, можетъ лежать нѣсколько лѣтъ безъ поврежденія, и даже, если кто польетъ его водою, оно не подвергается гніенію: такъ и гнѣвъ, если закоснѣетъ, обращается въ злопамятность, отъ которой человѣкъ не освободится, если не прольетъ крови своей. *) Вотъ, я вамъ показалъ различіе, понимаете ли? Вотъ, вы слышали, что такое на-

*) Подъ пролитіемъ крови разумѣются здѣсь великіе подвиги и труды.

чальное смущеніе и что раздражительность, что такое гнѣвъ, и что злопамятность. Видите ли, какъ отъ одного слова доходятъ до такого зла? Ибо если бы ты сначала укорилъ самого себя, (терпѣливо) перенесъ слово брата твоего и не хотѣлъ бы отомстить ему за себя, и на одно слово сказать два, или пять словъ, и воздать зломъ за зло, то избавился бы отъ всѣхъ этихъ золъ. Посему и говорю вамъ: всегда отсѣкайте страсти, пока онѣ еще молоды, прежде нежели онѣ вкоренятся и укрѣпятся въ васъ и станутъ удручать васъ, ибо тогда придется вамъ много пострадать отъ нихъ; потому что иное дѣло вырвать малую былинку, и иное искоренить большое дерево.

Ни чему столько не удивляюсь, какъ тому, что мы сами не понимаемъ, что поемъ. Ибо мы поемъ ежедневно, проклиная себя, и не понимаемъ сего. Не должны ли мы понимать того, что поемъ? Мы всегда говоримъ: *аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощь* (Псал. 7, 5). Что значитъ: *да отпаду?* Пока кто стоитъ, онъ имѣетъ силу сопротивляться врагу своему: то онъ поражаетъ, то его поражаютъ, то онъ одолѣваетъ, то его одолѣваютъ, но онъ все еще стоитъ. Если же ему случится пасть, то какъ онъ можетъ, лежа на землѣ, бороться со врагомъ своимъ? А мы молимся о себѣ, чтобы намъ не только пасть отъ враговъ своихъ, но и *да тщи отпадемъ*. Что значитъ: *отпасти отъ врагъ своихъ тщу?* Мы сказали, что пасть значитъ не имѣть болѣе силы сопротивляться, но лежать на землѣ; а быть *тщу* значитъ не имѣть ничего добраго, чтобы и какимъ-нибудь образомъ (можно было) встать. Ибо кто въ силахъ встать, тотъ можетъ приложить попеченіе о себѣ и

какимъ ли образомъ снова вступить въ бой. Потомъ говоритъ: *да поженетъ убо врагъ душу мою, и постигнетъ:* нетолько *да поженетъ*, но да *и постигнетъ:* да будемъ ему покорны, да повинуемся ему во всемъ и въ каждомъ дѣлѣ, да одолѣетъ онъ насъ, если мы воздаемъ зломъ дѣлающимъ намъ злое. И нетолько объ этомъ молимся, но и *да поперетъ въ землю животъ нашъ.* Что такое *животъ нашъ?* Жизнь наша суть добродѣтели, и мы молимся, чтобы врагъ попралъ въ землю жизнь нашу. Да будемъ совершенно земными, и все мудрованіе наше (да будетъ) пригвождено къ землѣ. *И славу нашу въ персть вселити:* что же слава наша, если не то вѣдѣніе, какое пріобрѣтается душею чрезъ храненіе святыхъ заповѣдей. И такъ мы просимъ, чтобы (врагъ) обратилъ *славу нашу*, какъ говоритъ Апостолъ, *въ студъ нашъ*, чтобы въ прахъ вселилъ ее и сдѣлалъ жизнь нашу и славу нашу земными, дабы мы ничего не мудрствовали по Богу, но все только тѣлесное, плотское, какъ тѣ, о которыхъ Богъ сказалъ: *не имать пребывати духъ Мой въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Видите, когда мы поемъ все сіе, мы проклинаемъ самихъ себя, если воздаемъ зломъ за зло. А какъ часто воздаемъ мы зломъ за зло, и не заботимся о семъ, но оставляемъ это безъ вниманія!

Воздать же зломъ за зло можно нетолько дѣломъ, но и словомъ, и видомъ. Иной думаетъ, что онъ на дѣлѣ не воздаетъ зломъ за зло, но оказывается, что онъ, какъ я сказалъ, воздаетъ словомъ или видомъ, поелику случается, что кто-либо однимъ видомъ, или движеніемъ, или взоромъ смущаетъ брата своего; ибо можно и однимъ взглядомъ или тѣлодвиженіемъ оскорбить брата своего, и это также есть воздаяніе зломъ за зло. Другой старается не мстить за зло ни дѣломъ, ни словомъ, ни видомъ, ни движеніемъ, но въ сердцѣ своемъ имѣетъ неудовольствіе на брата своего и скорбитъ на него.

Видите ли, какое различіе душевныхъ устроеній! Другой хотя не имѣетъ скорби на брата своего, но если услышитъ, что кто-нибудь оскорбилъ того въ чемъ-либо, или его побранили, или уничижили, и онъ радуется, слыша это: то оказывается, что и онъ такимъ образомъ воздаетъ зломъ за зло въ сердцѣ своемъ. Другой не питаетъ злобы (въ сердцѣ своимъ) и не радуется, слыша объ уничиженіи оскорбившаго его, даже печалится, если ему нанесутъ оскорбленіе, однако же не радуется и благополучію его; но если видитъ, что того прославляютъ и тому угождаютъ, то онъ скорбитъ: и это есть также, хотя и легчайшій, однако же видъ злопамятности. Каждый (изъ насъ) долженъ радоваться успокоенію брата своего и все сдѣлать, чтобы почтить его.

Мы сказали въ началѣ слова, что иной, и поклонившись брату своему, все еще продолжаетъ скорбѣть на него; и говорили, что онъ, сдѣлавъ поклонъ, исцѣлилъ этимъ гнѣвъ, но еще не подвизался противъ злопамятности. Иной же, если случится кому-либо оскорбить его и они поклонятся другъ другу примирятся между собою, живетъ въ мирѣ съ тѣмъ и не имѣетъ противъ него никакого помысла въ сердцѣ своемъ; когда же черезъ нѣсколько времени тому опять случится сказать что-либо оскорбительное для него, то онъ начинаетъ вспоминать и прежнее, и смущаться нетолько о второмъ, но и о прежнемъ. Сей

подобенъ человѣку, имѣющему рану и положившему на нее пластырь, и хотя онъ въ настоящее время заживилъ рану, и она заросла, но мѣсто еще болѣзненно; и если кто-нибудь броситъ въ него камешкомъ, то мѣсто сіе повреждается скорѣе всего тѣла и тотчасъ начинаетъ источать кровь. То же самое претерпѣваетъ и оный человѣкъ: была у него рана, и онъ приложилъ пластырь, то есть, сдѣлалъ поклонъ, и подобно первому исцѣлилъ рану, то есть гнѣвъ; и началъ также усиливаться противъ злопамятности, стараясь не питать ни одного помысла въ сердцѣ своемъ, ибо сіе значитъ, что рана заростаетъ. Но она еще несовершенно зажила; есть еще остатокъ злопамятности, который составляетъ верхнее закрытіе раны, и отъ него удобно возобновляется вся рана, если человѣкъ получитъ хотя легкій ушибъ. И такъ должно подвизаться, чтобы очистить совершенно и внутренній гной, дабы больное мѣсто совсѣмъ заросло, и чтобы не осталось никакого безобразія, и вовсе нельзя было узнать, что на этомъ мѣстѣ была рана. Какъ же можно сего достигнуть? Молясь отъ всего сердца объ оскорбившемъ и говоря: Боже! помоги брату моему и мнѣ, ради молитвъ его. Такимъ образомъ человѣкъ и молится за брата своего, а это есть знакъ сострадания и любви; и смиряется, прося себѣ помощи, ради молитвъ его: а гдѣ состраданіе, любовь и смиреніе, что можетъ тамъ успѣть раздражительность, или злопамятность, или другая страсть? И авва Зосима сказалъ: „если діаволъ подвигнетъ всѣ хитрости злобы своей со всѣми демонами своими, то всѣ коварства его упразднятся и сокрушатся отъ смиренія по заповѣди Христовой.“ А другой старецъ сказалъ:

„молящійся за врага будетъ незлопамятенъ.“ Исполняйте это на дѣлѣ и тогда хорошо уразумѣете то, что слышите; ибо по истинѣ, если не будете исполнять этого, не можете одними словами научиться сему. Какой человѣкъ, желая научиться искусству, постигаетъ его изъ однихъ словъ? Нѣтъ, сперва онъ работаетъ и портитъ, работаетъ и уничтожаетъ свое дѣло; и такъ, мало по малу, трудами и терпѣніемъ научается искусству съ помощію Бога, взирающаго на его трудъ и произволеніе. А мы хотимъ искусству искусствъ научиться одними словами, не принимаясь за дѣло. Возможно ли это? И такъ будемъ внимать себѣ, братія, и трудиться со тщаніемъ, пока еще имѣемъ время. Богъ да дастъ намъ помнить и исполнять то, что слышимъ; да не послужитъ сіе намъ къ осужденію въ день суда Господня. Богу подобаетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

о томъ, что не должно лгать.

Хочу вамъ, братія, воспомянуть нѣсколько о лжи, ибо я вижу, что вы не очень стараетесь удерживать языкъ свой, отъ чего мы легко увлекаемся во многое зло. Замѣтьте, братія мои, что во всякомъ дѣлѣ, какъ я всегда говорю вамъ, (можно пріобрѣсти) навыкъ и къ доброму, и къ злому: и такъ нужно большое вниманіе, чтобы намъ не быть окраденными ложью, ибо лжецъ не имѣетъ общенія съ Богомъ. Ложь чужда Богу. Въ Писаніи сказано, что *ложь лукаваго*, и

что онъ ложь есть и отецъ лжи (Іоан. 8, 44). Вотъ, отцемъ лжи названъ діаволъ, а истина есть Богъ, ибо Онъ Самъ говоритъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6). Видите посему, отъ кого мы отлучаемъ себя и съ кѣмъ соединяемся ложью: очевидно съ лукавымъ. И такъ если мы по истинѣ хотимъ спастись, то мы должны всею силою и со всѣмъ усердіемъ любить истину и охранять себя отъ всякой лжи, чтобы она не отлучила насъ отъ истины и жизни.

Есть три различныхъ вида лжи: иной лжетъ мыслію, другой лжетъ словомъ, а иной лжетъ самою жизнію своею. Мыслію лжетъ тотъ, кто принимаетъ за истину свои предположенія, т.-е. пустыя подозрѣнія на ближняго; такой, когда видитъ, что кто-нибудь бесѣдуетъ съ братомъ своимъ, дѣлаетъ свои догадки и говоритъ: онъ обо мнѣ бесѣдуетъ. Если прекращаютъ бесѣду, онъ опять предполагаетъ, что ради его прекратили бесѣду. Если кто скажетъ слово, то онъ подозрѣваетъ, что оно сказано для оскорбленія его. Вообще, въ каждомъ дѣлѣ онъ постоянно такимъ образомъ замѣчаетъ за ближнимъ, говоря: онъ ради меня это сдѣлалъ, онъ ради меня это сказалъ, онъ это сдѣлалъ для того-то. Таковый лжетъ мыслію, ибо онъ ничего истиннаго не говоритъ, но все по одному подозрѣнію, а отъ сего происходятъ: любопытство, злословіе, подслушиванія *), вражда, осужденія. Бываетъ, что иной предположитъ нѣчто, и это случайно оказывается истиннымъ; а онъ послѣ сего, желая, какъ онъ говоритъ, исправлять себя, уже постоянно (за всѣмъ) замѣчаетъ, думая: если кто-нибудь говоритъ

*) Въ слав.: преслушанія.

обо мнѣ, то мнѣ надобно знать, какое мое согрѣшеніе, за которое онъ меня осуждаетъ и я буду исправляться. Во первыхъ, уже и начало сего отъ лукаваго, ибо онъ началъ ложью: не зная подлинно, придумалъ то, чего не зналъ; а какъ *можетъ древо зло плоды добры творити?* (Мат. 7, 18). Если же онъ въ самомъ дѣлѣ желаетъ исправиться, то когда ему братъ скажетъ: не дѣлай этого, или зачѣмъ ты это сдѣлалъ, онъ не долженъ смущаться, но поклониться и поблагодарить его, и тогда онъ исправится. Ибо если Богъ увидитъ, что таково его произволеніе, то Онъ никогда не оставитъ его въ заблужденіи, но пошлетъ кого-нибудь, могущаго его исправить. А говорить: я вѣрю своимъ догадкамъ для исправленія себя, и съ сею цѣлію подслушивать и любопытствовать,—это есть самооправданіе, внушаемое діаволомъ, который желаетъ строить намъ козни.

Нѣкогда въ бытность мою въ общежитіи, было мнѣ такое дьявольское искушеніе, что я сталъ было по движеніямъ и по походкѣ человѣка заключать о его душевномъ устроеніи и со мною встрѣтился слѣдующій случай. Однажды, когда я стоялъ, прошла мимо меня женщина съ ведромъ воды; самъ не знаю, какъ я увлекся и посмотрѣлъ ей въ глаза, и тотчасъ помыслъ внушилъ мнѣ, что она блудница; но лишь только пришелъ мнѣ сей помыслъ, я сталъ очень скорбѣть и сказалъ (о семъ) старцу, аввѣ Іоанну: „Владыко, что я долженъ дѣлать, когда я невольно замѣчаю чьи-либо движенія и походку, и помыслъ говоритъ мнѣ о душевномъ устроеніи сего (человѣка)? И старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „чтоже? развѣ не бываетъ, что иной имѣетъ естественный недостатокъ,

однако съ великимъ усиліемъ и трудами исправляетъ его? Потому и нельзя изъ этого заключать чьего-либо душевнаго устроенія. И такъ никогда не вѣрь своимъ догадкамъ, ибо кривое правило и прямое дѣлаетъ кривымъ. Мнѣнія *) (человѣческія) ложны и вредятъ тому, кто предается имъ." И такъ съ тѣхъ поръ, когда помыслъ говорилъ мнѣ о солнцѣ, что это солнце; или о тьмѣ, что это тьма, я не вѣрилъ ему, ибо нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ вѣрить своимъ мнѣніямъ **). Это если укоренится въ насъ, то доводитъ до такого вреда, что мы думаемъ дѣйствительно видѣть вещи, коихъ нѣтъ и быть не можетъ. И скажу вамъ о семъ удивительный случай, который произошелъ при мнѣ, когда я еще находился въ общежитіи.

Тамъ былъ у насъ одинъ братъ, котораго очень безпокоила сія страсть, и онъ такъ слѣдовалъ своимъ догадкамъ, что былъ увѣренъ въ каждомъ предположеніи своемъ; ему казалось, что (дѣло происходитъ) непремѣнно такъ, какъ представляетъ ему помыслъ его, и не можетъ быть иначе. Зло со временемъ усилилось, и демоны довели его до такого заблужденія, что однажды, какъ онъ, вошедши въ садъ, высматривалъ,—ибо онъ всегда подсматривалъ и подслушивалъ,—ему показалось, что онъ видитъ, будто одинъ изъ братіи крадетъ и ѣстъ смоквы; а была пятница, и еще не было даже втораго часа. И такъ, увѣривъ себя, что онъ дѣйствительно видѣлъ это, онъ скрылся и ушелъ молча. Потомъ, въ часъ литургіи, онъ

*) Въ славянскомъ переводѣ сей книги, напечатанномъ въ Кіевѣ, въ 1628 году: зазоры (подозрѣнія).

**) Въ слав. самосмышленію.

опять сталъ замѣчать, что будетъ дѣлать во время причащенія братъ, только-что укравшій и ѣвшій смоквы. И когда онъ увидѣлъ, что тотъ умываетъ руки, дабы войдти пріобщиться, онъ побѣжалъ и сказалъ Игумену: „посмотри, такой-то братъ идетъ пріобщаться Божественныхъ Таинъ вмѣстѣ съ братіями, но не вели ему давать (Св. Даровъ), ибо я видѣлъ сего дня утромъ, какъ онъ кралъ смоквы изъ сада и ѣлъ." А между тѣмъ братъ оный вошелъ уже къ Святому Причащенію съ большимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ, ибо онъ былъ изъ благоговѣйныхъ. Когда же Игуменъ увидѣлъ его, то онъ подозвалъ его къ себѣ, прежде чѣмъ тотъ подошелъ къ священнику, преподающему Св. Дары, и, отведя его въ сторону, спросилъ: „скажи мнѣ, братъ, что ты сдѣлалъ сегодня?" Тотъ удивился и сказалъ ему: „гдѣ владыко?" Игуменъ продолжалъ: „когда ты утромъ вошелъ въ садъ, что ты тамъ дѣлалъ?" Братъ, удивленный этимъ, отвѣчалъ ему опять: „владыко, я сегодня и не видѣлъ сада, и даже не былъ утромъ здѣсь, въ киновіи, но теперь только возвратился изъ пути, ибо тотчасъ по окончаніи (всенощнаго) бдѣнія экономъ послалъ меня на такое-то послушаніе." А мѣсто того послушанія, о которомъ онъ говорилъ, было очень далеко, и братъ съ трудомъ поспѣлъ къ самому времени литургіи. Игуменъ призвалъ эконома и спросилъ его: „куда ты посылалъ этого брата?" Экономъ отвѣчалъ то же, что и братъ сказалъ, т. е. что онъ посылалъ его въ такое-то село. Игуменъ спросилъ: „почему же ты не привелъ его принять (отъ меня) благословеніе?" Тотъ, поклонившись, отвѣчалъ: „прости меня, владыко, ты отдыхалъ послѣ бдѣнія, и потому я не при-

велъ его принять отъ тебя благословеніе.“ Когда Игуменъ такимъ образомъ удостовѣрился, то онъ отпустилъ сего брата идти причаститься, и призвавъ того, который вѣрилъ своимъ подозрѣніямъ, наложивъ на него епитимію и отлучилъ его отъ Святаго Причащенія. И мало того, но, созвавъ всю братію, по окончаніи литургіи, со слезами разсказалъ имъ о случившемся и обличилъ брата предъ всѣми, (желая) достигнуть симъ троякой пользы: (во первыхъ) посрамить діавола и обличить сѣющаго такія подозрѣнія; во вторыхъ, чтобы черезъ сіе посрамленіе былъ прощенъ грѣхъ брата и чтобы онъ получилъ отъ Бога помощь на будущее время, и въ третьихъ, чтобы утвердить братію — никогда не вѣрить своимъ мнѣніямъ. И много поучивъ о семъ и насъ и брата, онъ сказалъ, что нѣтъ ничего вреднѣе подозрительности, и доказывалъ это случившимся примѣромъ. И много подобнаго сказали отцы, предохраняя насъ отъ вреда вѣрить своимъ подозрѣніямъ. И такъ постараемся же, братія, никогда не вѣрить своимъ самомышленіямъ. Ибо по истинѣ ничто такъ не удаляетъ человѣка отъ Бога и отъ вниманія къ своимъ грѣхамъ и не побуждаетъ его всегда любопытствовать о неполезномъ ему, какъ сія страсть: отъ сего не бываетъ ничего добраго, а множество смущеній; отъ сего человѣкъ никогда не находитъ возможности пріобрѣсти страхъ Божій. Если же по причинѣ порочности нашей посѣваются въ насъ лукавыя помышленія, то тотчасъ должно обращать ихъ въ добрыя, и онѣ не повредятъ намъ: ибо если вѣрить своимъ догадкамъ, то имъ и конца не будетъ, и онѣ никогда не попустятъ душѣ быть мирною. Вотъ это ложь мыслію.

А словомъ лжетъ тотъ, кто, напримѣръ, отъ унынія полѣнившись встать на бдѣніе, не говоритъ: „прости меня, что я полѣнился встать;“ но говоритъ: „у меня былъ жаръ, я до крайности утомился работою, не въ силахъ былъ встать, былъ нездоровъ,“ и говоритъ десять лживыхъ словъ для того, чтобы не сдѣлать одного поклона и не смириться. И если онъ въ (подобномъ случаѣ) не укоритъ себя *), то безпрестанно измѣняетъ слова свои и споритъ, чтобы не понести укоризны. Также когда случится ему имѣть какой-нибудь споръ съ братомъ своимъ, то онъ не перестаетъ оправдываться и говоритъ: „но ты сказалъ, но ты сдѣлалъ, но я не говорилъ, но такой-то сказалъ,“ и то, и другое, чтобы только не смириться. Опять, если онъ пожелаетъ чего-нибудь, то не хочетъ сказать: „я этого желаю,“ но все извращаетъ слова свои, говоря: „у меня какая-то болѣзнь, и это мнѣ нужно: это мнѣ приказано,“ и лжетъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ своему желанію. И какъ всякій грѣхъ происходитъ или отъ сластолюбія, или отъ сребролюбія, или отъ славолюбія, такъ и ложь бываетъ отъ сихъ трехъ причинъ. Человѣкъ лжетъ или для того, чтобы не укорить себя и не смириться, или для того, чтобы исполнить желаніе свое, или ради пріобрѣтенія, и не перестаетъ дѣлать извороты и ухищряться въ словахъ до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ желанія своего. Такому человѣку никогда не вѣрятъ, но хотя онъ и правду скажетъ, никто не можетъ дать ему вѣры, и самая правда его оказывается невѣроятною. Иногда случается такое дѣло, что бываетъ крайность

*) Въ греч. если кто-либо укоритъ его въ какомъ-нибудь дѣлѣ.

скрыть мало, и если кто не скроетъ мало, то дѣло приноситъ большое смущеніе и скорбь. Когда встрѣтится такая крайность, и видитъ кто-либо себя въ такой нуждѣ, то можетъ посему измѣнить слово для того, чтобы не вышло, какъ я сказалъ, большаго смущенія и скорби, или обиды. Но когда случится такая великая необходимость уклониться отъ слова правды, то и тогда человѣкъ не долженъ оставаться безпечальнымъ, а каяться и плакать передъ Богомъ, и считать такой случай временемъ искушенія. И на такое уклоненіе рѣшаться не часто, а развѣ однажды изъ многихъ случаевъ. Ибо какъ бываетъ съ теріякомъ и слабительнымъ, если кто часто ихъ принимаетъ, то они вредятъ; если же кто приметъ однажды въ годъ по великой нуждѣ, то они приносятъ ему пользу: такъ должно поступать и въ этомъ дѣлѣ: кто хочетъ, по необходимости измѣнить слово, то онъ долженъ дѣлать это не часто, но развѣ въ исключительномъ случаѣ, однажды во много лѣтъ, когда видитъ, какъ я сказалъ, великую необходимость, и это самое, допускаемое весьма рѣдко, пусть дѣлаетъ со страхомъ и трепетомъ, показывая Богу и произволеніе свое, и необходимость, и тогда онъ будетъ прощенъ, но вредъ онъ все-таки получаетъ. Вотъ мы сказали, что значитъ лгать мыслію, и что—лгать словомъ. Теперь хотимъ сказать, что значитъ лгать и самою жизнію своею.

Жизнію своею лжетъ тотъ, кто, будучи блудникомъ, притворяется воздержнымъ; или, будучи корыстолюбивъ, говоритъ о милостыни и хвалитъ милосердіе; или, будучи надмененъ, дивится смиренномудрію. И не потому удивляется добродѣтели, что желаетъ по-

хвалить ее, ибо еслибы онъ говорилъ съ сею мыслію, то онъ сперва со смиреніемъ сознался бы въ своей немощи, говоря: „горе мнѣ окаянному, я сдѣлался чуждымъ всякаго блага,“ и тогда уже, по сознаніи своей немощи, сталъ бы онъ хвалить добродѣтель и удивляться ей. И опять онъ не съ тою цѣлію хвалитъ добродѣтель, чтобы не соблазнять другаго, ибо онъ долженъ бы былъ (въ семъ случаѣ) думать такъ: „по истинѣ я окаяненъ и страстенъ, но зачѣмъ мнѣ соблазнять другихъ? Зачѣмъ наносить вредъ душѣ иного и налагать на себя и другую тяжесть?“ И тогда, хотя бы онъ въ томъ (вышеупомянутомъ) и согрѣшилъ, однако же коснулся бы и добра: ибо осуждать себя есть дѣло смиренія, а щадить ближняго есть дѣло милосердія. Но лжецъ не по какой-либо изъ упомянутыхъ причинъ удивляется, какъ я сказалъ, добродѣтели: но или для того похищаетъ имя добродѣтели, чтобы покрыть свой стыдъ, и говоритъ о ней, какъ будто и самъ онъ совершенно таковъ, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его. Ибо ни одна злоба, ни одна ересь, ни самъ діаволъ не можетъ никого обольстить (иначе), какъ только подъ видомъ добродѣтели. Апостолъ говоритъ, что самъ діаволъ преобразуется въ ангела свѣтла, потому неудивительно, что и слуги его преобразуются въ служителей правды (2 Кор. 11, 14, 15). Такъ и лживый человѣкъ, или боясь стыда,—чтобы не смириться, или, какъ мы сказали, желая обольстить кого-нибудь и повредить ему, говоритъ о добродѣтеляхъ и хвалитъ ихъ, и удивляется имъ, какъ будто самъ поступалъ такъ и знаетъ ихъ по опыту: таковый лжетъ самою жизнію своею; это

не простой человѣкъ, но двойственный, ибо иной онъ внутри, и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава. Вотъ мы сказали о лжи, что она отъ лукаваго, сказали и объ истинѣ, что истина есть Богъ. И такъ, братія, будемъ избѣгать лжи, чтобы избавиться отъ части лукаваго и постараемся усвоить себѣ истину, чтобы имѣть единеніе съ Богомъ, сказавшимъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6). Господь Богъ да сподобитъ насъ истины Своей; ибо Ему подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

о томъ, что должно проходить путь Божій разумно и внимательно.

Позаботимся о себѣ, братія, будемъ внимательны. Кто намъ дастъ время сіе, если мы понапрасну потеряемъ его? По истинѣ мы будемъ искать сихъ дней и не найдемъ ихъ. Авва Арсеній всегда говорилъ себѣ: „Арсеній, для чего ты вышелъ (изъ міра)?“ А мы находимся въ такой гибельной лѣности, что не знаемъ даже, чего мы тогда желали, и потому не только не преуспѣваемъ, но и скорбимъ всегда. Это происходитъ съ нами отъ того, что не имѣемъ вниманія въ сердцѣ нашемъ. И подлинно, если бы мы хотѣли немного подвизаться, то мы не скорбѣли бы много и не испытывали бы трудностей; ибо если кто въ началѣ понуждаетъ себя, то, продолжая подвизаться, онъ мало по малу преуспѣваетъ и потомъ съ покоемъ совершаетъ добродѣтели; поелику Богъ, видя, что онъ понуждаетъ себя, подаетъ ему помощь. И такъ, будемъ и мы понуждать себя, положимъ доброе начало, усердно пожелаемъ добраго; ибо хотя мы еще не достигли совершенства, но самое сіе желаніе есть уже начало нашего спасенія; отъ этого желанія мы начнемъ съ помощію Божіею и подвизаться, а черезъ подвигъ получаемъ помощь къ стяжанію добродѣтелей. Посему-то нѣкто изъ отцевъ сказалъ: „дай кровь и пріими духъ,“ т. е. подвизайся, и получишь навыкъ въ добродѣтели.

Когда я обучался свѣтскимъ наукамъ, мнѣ казалось это сначала весьма тягостнымъ, и когда я приходилъ взять книгу, я былъ въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ идущій прикоснуться къ звѣрю; когда же я продолжалъ понуждать себя, Богъ помогъ мнѣ, и прилежаніе обратилось мнѣ въ такой навыкъ, что отъ усердія къ чтенію я не замѣчалъ, что я ѣлъ, или что пилъ, или какъ спалъ. И никогда не позволялъ завлечь себя на обѣдъ съ кѣмъ-нибудь изъ друзей моихъ, и даже не вступалъ съ ними въ бесѣду во время чтенія, хотя и былъ общителенъ и любилъ своихъ товарищей. Когда же учитель отпускалъ насъ, я омывался водою, ибо изсыхалъ отъ безмѣрнаго чтенія, и имѣлъ нужду каждый день освѣжаться водою; приходя же домой, я не зналъ, что буду ѣсть; ибо не могъ найти свободнаго времени для распоряженій касательно самой пищи моей, но у меня былъ вѣрный человѣкъ, который готовилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ. А я ѣлъ, что находилъ приготовленнымъ, имѣя книгу подлѣ себя на постели, и часто углублялся въ нее. Также и во время сна она была подлѣ меня на столѣ моемъ, и уснувъ немного, я тотчасъ вскакивалъ для того, чтобы про-

должать чтеніе. Опять вечеромъ, когда я возвращался (домой) послѣ вечерни, я зажигалъ свѣтильникъ и продолжалъ чтеніе до полуночи, и (вообще) былъ въ такомъ состояніи, что отъ чтенія вовсе не зналъ сладости покоя.

И такъ, когда я вступилъ въ монастырь, то говорилъ самъ себѣ: „если при обученіи внѣшнему любомудрію родилось во мнѣ такое желаніе и такая горячность отъ того, что я упражнялся въ чтеніи, и оно обратилось мнѣ въ навыкъ, то тѣмъ болѣе (будетъ такъ) при обученіи добродѣтели," и изъ этого примѣра я почерпалъ много силы и усердія. Такъ если кто хочетъ пріобрѣсти добродѣтель, то онъ не долженъ быть нерадивымъ и разсѣяннымъ. Ибо какъ желающій обучиться плотничеству не занимается инымъ ремесломъ, такъ и тѣ, которые хотятъ научиться дѣланію духовному, не должны заботиться ни о чемъ другомъ, но день и ночь поучаться въ томъ, какъ бы пріобрѣсти оное. А иначе приступающіе къ сему дѣлу не только не преуспѣваютъ, но и сокрушаются, неразумно утруждая себя. Ибо кто не внимаетъ себѣ и не подвизается, тотъ легко уклоняется отъ добродѣтели: потому что добродѣтели суть средина, тотъ царскій путь, о которомъ одинъ святый старецъ *) сказалъ: „ходите путемъ царскимъ, и считайте поприща (версты)." И такъ добродѣтели, какъ я сказалъ, суть средина между излишествомъ и недостаткомъ. Поэтому и сказано въ Писаніи: *да не уклонишися ни на десно, ни на лѣво, но путемъ царскимъ ходи* (Второз. 5, 32, 17, 11).

*) Авва Веніаминъ. См. достопам. сказанія о подвижничествѣ св. и блаж. отцевъ, изд. 1845, стр. 55.

И Святый Василій говоритъ: „правъ сердцемъ тотъ, чей помыслъ не уклоняется ни въ излишество, ни въ недостатокъ, но направляется только къ срединѣ добродѣтели." Зло само по себѣ есть ничто, ибо оно не есть какое-либо существо и не имѣетъ никакого состава. Нѣтъ, но душа, уклонившись отъ добродѣтели, дѣлается страстною и рождаетъ грѣхъ, потому и томится имъ, не находя въ немъ (для себя) естественнаго успокоенія. И дерево развѣ имѣетъ по естеству червей внутри себя? Но заводится въ немъ малая гнилость: отъ этой гнилости рождается червь, и сей самый червь съѣдаетъ дерево. Также и мѣдь сама производитъ ржавчину, и сама опять поѣдается ржавчиною. И одежды сами производятъ моль, и эта же моль, отъ нихъ произшедшая, ихъ съѣдаетъ и портитъ. Такъ и душа сама производитъ зло, которое прежде вовсе не существовало, и не имѣетъ, какъ я сказалъ, никакого состава, и опять сама мучится отъ зла; и хорошо сказалъ Святый Григорій: „огонь есть порожденіе вещества, и поѣдаетъ вещество, какъ и злыхъ зло." Тоже самое видимъ и въ тѣлесной болѣзни: когда кто живетъ безпорядочно и не бережетъ здоровья, то происходитъ избытокъ или недостатокъ (чего-нибудь въ тѣлѣ), и потомъ человѣкъ дѣлается отъ сего больнымъ; а прежде этого вовсе не существовало болѣзни и она не была когда-либо чѣмъ-нибудь (самобытнымъ), и опять, по исцѣленіи тѣла, болѣзнь уже вовсе не существуетъ. Такъ точно и зло есть недугъ души, лишившейся свойственнаго ей и по естеству ей принадлежащаго здравія, которое есть добродѣтель. Потому мы и сказали, что добродѣтели суть средина: такъ мужество находится посреди страха и наглости;

смиренномудріе посреди гордости и человѣкоугодія; также и благоговѣніе—посреди стыда и безстыдства, подобно сему и прочія добродѣтели. И такъ когда человѣкъ удостоился пріобрѣсти сіи добродѣтели, то онъ бываетъ благоугоденъ предъ Богомъ, и хотя (всѣ) видятъ, что онъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, какъ и прочіе люди, но таковый благоугоденъ (Богу) за добродѣтели, которыя имѣетъ. А кто не внимаетъ себѣ и не охраняетъ себя, то легко уклоняется отъ сего пути, или направо или налѣво, т.-е. или въ излишество или въ недостатокъ, и производитъ въ себѣ недугъ, который составляетъ зло. Вотъ это царскій путь, коимъ шествовали всѣ Святые.

Поприща же (версты) суть различныя устроенія, которыя каждый всегда долженъ считать и замѣчать непрестанно, гдѣ онъ, до какой версты достигъ, и въ какомъ устроеніи находится? Именно мы подобны людямъ, которые, имѣя намѣреніе итти во святый градъ (Іерусалимъ), и выйдя изъ одного города, нѣкоторые прошли пять верстъ и остановились, другіе прошли десять, иные совершили и половину пути, а иные ни мало не прошли по немъ, но, выйдя изъ города, пребываютъ внѣ воротъ, въ смрадномъ предмѣстьи его. Изъ тѣхъ же, которые находятся на пути, случается, что нѣкоторые пройдутъ двѣ версты, и заблудившись, возвращаются, или, прошедши двѣ версты впередъ, отходятъ пять назадъ; другіе же дошли до самаго города, но остались внѣ его, и не вошли внутрь города. То же бываетъ съ нами; ибо нѣкоторые изъ насъ оставили міръ и вступили въ монастырь съ намѣреніемъ стяжать добродѣтели: и одни сдѣлали немногое, и остановились; иные больше, а другіе совершили половину дѣла, и остановились: иные вовсе ничего не сдѣлали, но думая, что вышли изъ міра, остались въ мірскихъ страстяхъ и въ злосмрадіи ихъ: иные совершаютъ немного добраго, и опять разоряютъ это; а нѣкоторые разоряютъ и болѣе того, что совершили. Другіе же хотя и совершили добродѣтели, но имѣли гордость и уничижали ближняго, а потому не вошли во градъ, но пребываютъ внѣ его. Слѣдовательно, и эти не достигли своей цѣли, ибо хотя они дошли до самыхъ воротъ града, но остались внѣ его, а потому и сіи не исполнили своего намѣренія. И такъ, каждый изъ насъ долженъ замѣчать, гдѣ онъ находится: вышелъ ли онъ изъ своего города, но остановился внѣ воротъ въ смрадномъ предмѣстіи его; или прошелъ мало, или много; или достигъ до половины пути; или идетъ двѣ версты впередъ и двѣ назадъ; или дошелъ до града и взошелъ въ Іерусалимъ; или хотя и достигъ до града, но не могъ войти въ него. Каждый пусть разсматриваетъ свое состояніе, гдѣ онъ находится.

Есть три устроенія (души) въ человѣкѣ: онъ или дѣйствуетъ по страсти, или сопротивляется ей, или искореняетъ ее. Дѣйствуетъ по страсти тотъ, кто приводитъ ее въ исполненіе, удовлетворяетъ ей. Сопротивляется ей тотъ, кто не дѣйствуетъ по ней и не отсѣкаетъ ея, но любомудрствуя, *) какъ-бы минуетъ страсть, однако имѣетъ ее въ себѣ. А искореняетъ страсть тотъ, кто подвизается и дѣлаетъ противное страсти. Но эти три устроенія имѣютъ великую обширность. Напримѣръ, назовите, какую угод-

*) Въ греч. боряся.

но, страсть, и мы разберемъ ее. Хотите ли, скажемъ о гордости? Хотите ли, скажемъ о блудѣ, или хотите лучше, что-бы мы поговорили о тщеславіи? Ибо мы весьма побѣждаемся имъ. По тщеславію (человѣкъ) не можетъ слышать слово отъ брата своего. Иной, когда услышитъ одно слово, смущается или отвѣчаетъ пять словъ или десять на одно слово, и враждуетъ и огорчается. И когда споръ прекратится, онъ продолжаетъ имѣть помыслы на сказавшаго ему оное слово, и помнитъ зло, и жалѣетъ, что онъ не сказалъ болѣе того, что сказалъ и готовитъ въ себѣ еще худшія слова, чтобы сказать ему. И постоянно говоритъ: „зачѣмъ я не сказалъ ему того-то, зачѣмъ онъ мнѣ это сказалъ, и я ему то-то скажу,“ и постоянно гнѣвается. Вотъ одно устроеніе. Это значитъ, что зло обратилось въ навыкъ. Богъ да избавитъ насъ отъ такого устроенія, ибо оно непремѣнно подлежитъ мукѣ; потому что всякій грѣхъ, исполняемый на дѣлѣ, подлежитъ аду, и хотя бы таковый (человѣкъ) захотѣлъ покаяться, онъ не можетъ одинъ преодолѣть страсти, если не получитъ помощи отъ нѣкоторыхъ Святыхъ, какъ сказали и отцы. Посему-то я всегда говорю вамъ; старайтесь отсѣкать страсти, прежде нежели онѣ обратятся вамъ въ навыкъ. Другой, когда услышитъ слово, хотя и смущается и также отвѣчаетъ пять словъ, или десять на одно, и жалѣетъ, что не сказалъ и другихъ трехъ худшихъ, и скорбитъ и помнитъ зло, но по истеченіи нѣсколькихъ дней, измѣняется; другой проводитъ недѣлю въ такомъ состояніи и перемѣняется; а иной измѣняется и черезъ день. Другой же оскорбляетъ, ссорится, смущаетъ, и тотчасъ обращается. Видите, сколько различныхъ устроеній!

Однако всѣ сіи люди, пока они исполняютъ страсть, подлежатъ аду.

Скажемъ и о тѣхъ, которые сопротивляются страсти. Иной, когда услышитъ слово, печалится, но не о томъ, что его оскорбили, а о томъ, что онъ не перенесъ (сей обиды): таковый находится въ состояніи подвизающихся и сопротивляющихся страсти. Другой подвизается и трудится, но наконецъ побѣждается понужденіемъ страсти. Иной не хочетъ отвѣчать оскорбительно, но увлекается привычкою. Другой старается не сказать отнюдь ничего обиднаго, но скорбитъ о томъ, что ему досадили, однако осуждаетъ себя за то, что скорбитъ, и раскаивается въ семъ. Иной не огорчается оскорбленіемъ, но и не радуется (о немъ). Вотъ эти всѣ сопротивляются страсти. Но два изъ нихъ имѣютъ отличіе отъ прочихъ. Кто побѣждается въ подвигѣ, и кто увлекается привычкою, тѣмъ угрожаетъ опасность подвергнуться бѣдѣ дѣйствующихъ по страсти *). Сказалъ же я о нихъ, что и они въ числѣ сопротивляющихся страсти, ибо произволеніемъ своимъ остановили страсть, и не хотятъ по ней дѣйствовать, но и скорбятъ и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дѣло, котораго душа не хочетъ, бываетъ маловременно. Но таковые должны испытать себя, не исполняютъ ли они, если не самую страсть, то что-либо изъ побуждающаго къ страсти, и потому побѣждаются или увлекаются ею? Находятся и такіе, которые стараются остановить

*) Это мѣсто исправлено по греческой рукописи (12-го вѣка) поученій Аввы Дороѳея, хранящейся въ Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) библіотекѣ, № 270, листъ 18-й на оборотѣ.

страсть, но по внушенію другой страсти: одинъ молчитъ по тщеславію, другой по человѣкоугодію, или по иной какой-либо страсти: сіи злымъ хотятъ исцѣлить злое. Но авва Пименъ сказалъ, что зло никакъ не истребляетъ зла. Таковые принадлежатъ къ дѣйствующимъ по страсти, хотя и сами себя обольщаютъ.

Наконецъ желаемъ сказать и о тѣхъ, которые искореняютъ страсть. Иной радуется, когда его оскорбляютъ, но потому, что имѣетъ въ виду награду. Сей принадлежитъ къ искореняющимъ страсть, но неразумно. Другой радуется, получая оскорбленіе, и думаетъ, что онъ долженъ былъ претерпѣть оскорбленіе, потому что самъ онъ подалъ поводъ къ тому: сей разумно искореняетъ страсть. Ибо принимать оскорбленіе, возлагать вину на себя и почитать (все) находящее на насъ за наше собственное—есть дѣло разума, потому что каждый молящійся Богу: „Господи, дай мнѣ смиреніе,“ долженъ знать, что онъ проситъ Бога, дабы онъ послалъ ему кого-нибудь оскорбить его. И такъ, когда кто-либо оскорбляетъ его, то онъ и самъ долженъ досадить себѣ и уничижить себя мысленно, чтобы въ то время, когда другой смиряетъ его извнѣ, онъ самъ смирялъ себя внутренно. Другой не только радуется, когда его оскорбляютъ, и почитаетъ виновнымъ самого себя, но и сожалѣетъ о смущеніи оскорбившаго его. Богъ да введетъ насъ въ таковое устроеніе.

Видите ли, сколь обширны сіи три устроенія? И такъ каждый изъ насъ пусть разсматриваетъ, какъ я сказалъ, въ какомъ онъ находится устроеніи. Добровольно ли онъ дѣйствуетъ по страсти и удовлетворяетъ ей? Или, не желая дѣйствовать по ней, побѣждается

сею? или дѣйствуетъ по страсти, увлекаясь привычкою, и, сдѣлавъ это, скорбитъ и кается, что такъ поступилъ? или подвизается разумно остановить страсть? или подвизается противъ одной страсти ради другой, какъ мы сказали, что иной молчитъ по тщеславію, или по человѣкоугодію, или вообще по какому-нибудь человѣческому помыслу? или онъ началъ искоренять страсть, и разумно ли искореняетъ ее, и дѣлаетъ противное страсти? Каждый пусть узнаетъ, гдѣ онъ находится, на какомъ поприщѣ. Ибо мы должны испытывать себя не только каждый день, но и каждый годъ, и всякій мѣсяцъ, и каждую недѣлю, и говорить: прошлую недѣлю меня такъ безпокоила сія страсть, а теперь каковъ я! Такъ же и каждый годъ спрашивать себя: прошлаго года я такъ побѣждался сею страстію, а нынѣ каковъ? Такъ и всегда должны испытывать себя, успѣли ли мы сколько нибудь, или находимся въ томъ же устроеніи (въ какомъ были прежде), или впали въ худшее. Богъ да дастъ намъ силу, чтобы мы, еслибъ и не успѣли искоренить страсть, то по крайней мѣрѣ не дѣйствовали по ней и сопротивлялись оной. Ибо поистинѣ тяжкое дѣло — дѣйствовать по страсти и не сопротивляться ей. Скажу вамъ примѣръ, кому подобенъ тотъ, кто дѣйствуетъ по страсти и удовлетворяетъ ей. Онъ подобенъ человѣку, который, будучи поражаемъ отъ врага своего стрѣлами, беретъ ихъ и собственными руками вонзаетъ въ свое сердце. Сопротивляющійся страсти, подобенъ осыпаему стрѣлами врага своего, но облеченному въ броню и потому не получающему ранъ. А искореняющій страсть подобенъ тому, кто, будучи осыпаемъ стрѣлами врага своего, сокрушаетъ ихъ,

или возвращаетъ въ сердца враговъ, какъ сказано въ Псалмѣ: *оружіе ихъ да внидетъ въ сердца ихъ, и луцы ихъ да сокрушатся* (Пс. 36, 15).

И такъ постараемся и мы, братія, если не можемъ возвращать оружіе ихъ въ сердца ихъ, то по крайней мѣрѣ не принимать стрѣлъ и не вонзать ихъ въ сердца наши; но и облечемся въ броню, чтобы не быть уязвленными отъ нихъ. Благій Богъ да покроетъ насъ отъ нихъ, да подастъ намъ вниманіе и да наставитъ насъ на путь Свой, ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ

о томъ, что должно стараться скорѣе отсѣкать страсти, прежде нежели онѣ обратятся въ злой навыкъ души.

Вникайте умомъ вашимъ, братія, въ свойство вещей, и берегитесь, чтобы не вознерадѣть, ибо и малое нерадѣніе подвергаетъ насъ великимъ опасностямъ. Пошелъ я недавно къ одному брату, и найдя его изнемогшимъ отъ болѣзни, бесѣдовалъ съ нимъ и узналъ, что онъ только семь дней пробылъ въ горячкѣ, и вотъ прошли другіе сорокъ дней, а онъ еще не находитъ въ себѣ крѣпости. Видите ли, братія, какъ страдаетъ тотъ, кто впадаетъ въ несвойственное ему состояніе. Иной никогда не заботится о малыхъ разстройствахъ своего тѣла, и не знаетъ, что если случится тѣлу хотя немного пострадать, и особенно, если онъ немощенъ, то нужно очень много труда и времени, пока онъ совершенно поправится. Семь дней былъ болѣнъ сей смиренный, и вотъ сколько прошло дней, а онъ еще не находитъ покоя и не можетъ укрѣпиться. Такъ бываетъ и съ душою: иной согрѣшаетъ немного, а сколько времени проводитъ онъ потомъ, проливая кровь свою, пока исправитъ себя. Но въ тѣлесныхъ болѣзняхъ находимъ мы различныя причины: или что врачъ неискусенъ и даетъ одно лѣкарство вмѣсто другаго; или что больной ведетъ себя безпорядочно и не исполняетъ предписаній врача. Въ отношеніи же души бываетъ иначе. Мы не можемъ сказать, что врачъ, будучи неискусенъ, не далъ надлежащаго лѣкарства. Ибо врачъ душъ есть Христосъ, Который все знаетъ и противъ каждой страсти подаетъ приличное врачевство: такъ противъ тщеславія далъ Онъ заповѣди о смиренномудріи, противъ сластолюбія —заповѣди о воздержаніи, противъ сребролюбія —заповѣди о милостынѣ, и однимъ словомъ, каждая страсть имѣетъ врачевствомъ соотвѣтствующую ей заповѣдь. И такъ, нельзя сказать, что врачъ неискусенъ; а также и что лѣкарства стары и потому не дѣйствуютъ: ибо заповѣди Христовы никогда не ветшаютъ, но чѣмъ болѣе ихъ исполняютъ, тѣмъ болѣе онѣ обновляются. Поэтому ничто не препятствуетъ здравію душевному, кромѣ безчинія души.

И такъ будемъ внимать себѣ, братія, будемъ подвизаться, пока имѣемъ время. Что мы не заботимся о себѣ? Сдѣлаемъ хотя что-нибудь доброе, дабы найти помощь во время искушенія! Что мы губимъ жизнь нашу? Мы столько слышимъ, и не заботимся (о себѣ),

и всѣмъ пренебрегаемъ. Видимъ, какъ братія наши похищаются изъ среды нашей, и не внимаемъ себѣ, тогда какъ знаемъ, что и мы мало по малу приближаемся къ смерти. Вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы сѣли бесѣдовать, до сего времени мы прожили два или три часа нашего вѣка и приблизились къ смерти, и видя, что теряемъ время, не боимся. Какъ мы не помнимъ слова онаго старца, сказавшаго, что если кто потеряетъ золото или серебро, то онъ вмѣсто его можетъ найти другое; если же потеряемъ время, живя въ праздности и лѣни, то не возможемъ найти другаго въ замѣнъ потеряннаго; но истинѣ мы будемъ искать хотя одного часа сего времени, и не найдемъ его. Сколько людей желаютъ услышать слово Божіе и не получаютъ желаемаго, а мы столько слышимъ и пренебрегаемъ (симъ) и не возбуждаемся! Богъ знаетъ, удивляюсь нечувствію душъ нашихъ, что мы можемъ спастись, и не хотимъ: ибо пока страсти наши еще молоды, мы можемъ отсѣкать ихъ, но не заботимся (объ этомъ) и позволяемъ имъ укрѣпиться противъ насъ, чтобы придти къ худшему концу. Ибо иное дѣло, какъ я много разъ говорилъ вамъ, вырвать съ корнемъ малую былинку, потому что она легко исторгается, и иное — искоренить большое дерево.

Одинъ великій Старецъ прохаживался съ учениками своими на нѣкоторомъ мѣстѣ, гдѣ были различные кипарисы, большіе и малые. Старецъ сказалъ одному изъ учениковъ своихъ: вырви этотъ кипарисъ. Кипарисъ же тотъ былъ малъ, и братъ тотчасъ одною рукою вырвалъ его. Потомъ Старецъ показалъ ему на другой, большій перваго, и сказалъ: вырви и этотъ;

братъ раскачалъ его обѣими руками и выдернулъ. Опять показалъ ему Старецъ другой еще большій, онъ съ великимъ трудомъ вырвалъ и тотъ. Потомъ указалъ ему на иной еще большій: братъ же съ величайшимъ трудомъ, сперва много раскачивалъ его, трудился и потѣлъ, и наконецъ вырвалъ и сей. Потомъ показалъ ему Старецъ и еще большій, но братъ, хотя и много трудился и потѣлъ надъ нимъ, однако не могъ его вырвать. Когда же Старецъ увидѣлъ, что онъ не въ силахъ сдѣлать этого, то велѣлъ другому брату встать и помочь ему; и такъ они оба вмѣстѣ едва успѣли вырвать его. Тогда Старецъ сказалъ братіямъ: „вотъ такъ и страсти, братія: пока онѣ малы, то, если пожелаемъ, легко можетъ исторгнуть ихъ; если же вознерадимъ о нихъ, какъ о малыхъ, то онѣ укрѣпляются, и чѣмъ болѣе укрѣпляются, тѣмъ большаго требуютъ отъ насъ труда; а когда очень укрѣпятся въ насъ, тогда даже и съ трудомъ мы не можемъ одни исторгнуть ихъ изъ себя, ежели не получимъ помощи отъ нѣкоторыхъ Святыхъ, помогающихъ намъ по Богѣ.“

Видите ли, какъ многозначительны слова Святыхъ Старцевъ? И Пророкъ также учитъ насъ сему, говоря въ Псалмѣ: „*дщи Вавилоня окаянная, блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ; блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 8. 9). Прослѣдимъ сказанное по порядку. Вавилономъ называетъ онъ смѣшеніе или смущеніе, ибо такъ изъясняютъ сіе (слово), производя оное отъ слова *вавель*; тоже значитъ и Сихемъ. Дщерію же Вавилона называетъ вражду: ибо душа сперва возмущается, а потомъ рождаетъ грѣхъ. Окаянною

онъ ее называетъ потому, что, какъ я прежде сказалъ вамъ, злоба не имѣетъ никакой существенности, ни состава, но получаетъ бытіе отъ нашего нерадѣнія и опять истребляется и уничтожается нашимъ тщаніемъ (о добродѣтели). Потомъ Святый Давидъ говоритъ какъ-бы къ ней: *блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ.* Посмотримъ же, что мы дали, что восприняли, и что хотимъ воздать? Мы дали волю нашу и восприняли грѣхъ: изреченіе же это называетъ блаженными воздавшихъ ей, а *воздавать* здѣсь значитъ: болѣе не творить грѣха. Потомъ прибавляетъ: *блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень:* блаженъ, кто съ самаго начала вовсе не принимаетъ порождаемаго тобою, т.-е. лукавыхъ помышленій, и не даетъ имъ мѣста возрастать въ себѣ и приводить зло въ дѣйствіе; но вскорѣ, пока они еще малы, и прежде чѣмъ они укрѣпятся и возстанутъ на него, возметъ и сокрушитъ ихъ о камень, *Иже есть Христосъ* (1 Кор. 10, 4), и истребитъ ихъ, прибѣгнувъ ко Христу. Вотъ какъ и Старцы, и Святое Писаніе, всѣ согласны (между собою) и ублажаютъ подвизающихся отсѣкать свои страсти, пока онѣ еще молоды, прежде чѣмъ испытаемъ отъ нихъ бѣдствія и горести.

И такъ постараемся, братія, получить помилованіе, потрудимся немного, и найдемъ великій покой. Отцы сказали, какимъ образомъ человѣкъ долженъ постепенно очищать себя: каждый вечеръ онъ долженъ испытывать себя, какъ онъ провелъ день, и опять утромъ, какъ провелъ ночь, и каяться предъ Богомъ, въ чемъ ему случилось согрѣшить. Намъ же по истинѣ, такъ какъ мы много согрѣшаемъ, нужно, по забывчивости нашей, и по истеченіи шести часовъ, испытывать себя, какъ провели мы время и въ чемъ согрѣшили. И каждый изъ насъ долженъ говорить себѣ: не сказалъ ли я чего нибудь такого, что прогнѣвало брата моего? Когда видѣлъ его занятымъ какимъ-нибудь дѣломъ, не осудилъ ли я его? не уничижилъ ли его и не злословилъ ли его? Не просилъ ли я чего-нибудь у келаря, и когда онъ не далъ мнѣ, не осудилъ ли я его и не пороптапъ ли я на него? Если пища была не хороша, не сказалъ ли я чего-нибудь? или, будучи въ огорченіи, не пороптапъ ли на самого себя? Ибо если кто и на себя поропщетъ, это грѣхъ *). Должно также говорить себѣ: не сказалъ ли мнѣ канонархъ или другой кто изъ братіи (непріятнаго) слова, и я не перенесъ сего, но противорѣчилъ ему? Такъ должны мы ежедневно испытывать самихъ себя, какъ провели мы день. Такимъ же образомъ каждый долженъ испытывать себя, какъ провелъ онъ и ночь: съ усердіемъ ли всталъ на бдѣніе? или пороптапъ на разбудившаго его? или помалодушествовалъ противъ него? Мы должны знать, что тотъ, кто будитъ насъ на бдѣніе, оказываетъ намъ великое благодѣяніе и бываетъ для насъ виновникомъ великихъ благъ, ибо онъ пробуждаетъ насъ для того, чтобы бесѣдовать съ Богомъ, молиться о грѣхахъ своихъ, просвѣтиться и получить (душевную) пользу. Какъ же не должны мы благодарить такого (благодѣтеля)? По истинѣ должно его почитать такъ, какъ-бы чрезъ него получали мы спасеніе.

---

*) Въ греч.: или оно показалось мнѣ не хорошимъ, и я пороптапъ въ себѣ, ибо, если кто въ умѣ поропщетъ, то это грѣхъ.

Разскажу вамъ о семъ нѣчто чудесное, слышанное мною о великомъ и прозорливомъ Старцѣ. Стоя въ церкви, онъ видѣлъ, что, когда братія начинали псалмопѣніе, нѣкто свѣтоносный выходилъ изъ алтаря; держа какъ-бы ковчежецъ съ муромъ и кисть, онъ обмакивалъ кисть въ ковчежецъ и обходилъ всю братію, полагая знаменіе на каждомъ изъ нихъ и на мѣстахъ нѣкоторыхъ отсутствовавшихъ, а мѣста другихъ отсутствующихъ проходилъ мимо. Передъ окончаніемъ (богослуженія) Старецъ опять видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ алтаря и дѣлалъ тоже самое. Однажды Старецъ остановилъ его и повергся къ его ногамъ, моля объяснить ему, что онъ дѣлаетъ, и кто онъ такой? Свѣтоносный оный мужъ отвѣчалъ ему: „я Ангелъ Божій, и мнѣ повелѣно было напечатлѣвать сіе знаменіе на тѣхъ, которые приходятъ въ церковь въ началѣ псалмопѣнія и остаются до конца онаго, за ихъ усердіе, стараніе и доброе произволеніе.“ Старецъ спросилъ его: „почему же ты полагаешь знаменіе на мѣста нѣкоторыхъ отсутствующихъ (братій)?“ Въ отвѣтъ на сіе Святый Ангелъ сказалъ ему: „тѣ изъ братій, которые ревностны и имѣютъ доброе произволеніе, но вышли (изъ церкви) или по нѣкоторому крайнему изнеможенію, съ благословенія отцевъ, или также по какой-либо заповѣди, заняты своимъ послушаніемъ и потому (здѣсь) не находятся сіи, хотя и не бываютъ въ церкви, но получаютъ свое знаменіе, потому что они произволеніемъ своимъ присутствуютъ вмѣстѣ съ поющими. Однимъ лишь тѣмъ, которые могутъ быть (въ церкви) и не приходятъ въ нее по лѣности, повелѣно мнѣ не давать знаменія, поелику такіе сами себя дѣлаютъ недостойными онаго.“ Видите ли, какихъ даровъ виновникомъ бываетъ для брата своего тотъ, кто возбуждаетъ его на церковное правило. Постарайтесь же, братія, никогда не лишаться знаменія Святаго Ангела; если же случится когда облѣниться кому-либо изъ васъ и другой напомнитъ ему о семъ, то онъ не долженъ негодовать, но, имѣя въ виду пользу сего напоминанія, долженъ благодарить напомнившаго ему, кто бы онъ ни былъ.

Когда я былъ въ общежитіи, Игуменъ съ совѣтомъ Старцевъ сдѣлалъ меня страннопріимцемъ; а у меня незадолго передъ тѣмъ была сильная болѣзнь. И такъ, бывало, вечеромъ приходили странники, и я проводилъ вечеръ съ ними, потомъ приходили еще погонщики верблюдовъ, и я служилъ имъ. Часто и послѣ того, какъ я уходилъ спать, опять встрѣчалась другая надобность и меня будили, а между тѣмъ наставалъ и часъ бдѣнія. И едва только я засыпалъ, какъ канонархъ уже будилъ меня, но отъ труда или отъ болѣзни я былъ въ изнеможеніи, и сонъ опять овладѣвалъ мною, такъ что, разслабленный отъ жара, я не помнилъ самъ себя и отвѣчалъ ему сквозь сонъ: „хорошо, господине, Богъ да помянетъ любовь твою и да наградитъ тебя; ты приказалъ, я приду, господине.“ Потомъ, когда онъ уходилъ, я опять засыпалъ, и очень скорбѣлъ, что опаздывалъ идти въ церковь. И такъ, какъ канонарху нельзя было ждать меня, то я упросилъ двухъ братій, одного, чтобы онъ будилъ меня, другаго, чтобы онъ не давалъ мнѣ дремать на бдѣніи; и повѣрьте мнѣ, братія, я такъ почиталъ ихъ, какъ бы чрезъ нихъ совершалось мое спасеніе, и питалъ къ нимъ великое благоговѣніе. Такъ и вы должны поступать съ возбуждающими васъ на правило церков-

ное и на всякое благое дѣло. Посему каждый, какъ мы сказали, долженъ испытывать себя, какъ онъ провелъ день и ночь: со вниманіемъ ли стоялъ на псалмопѣніи и молитвѣ, или увлекался страстными помышленіями? Прилежно ли слушалъ Божественное чтеніе, или, оставивъ псалмопѣніе, вышелъ изъ церкви въ разсѣяніи? Если кто постоянно *) испытываетъ себя такимъ образомъ, раскаивается, въ чемъ согрѣшилъ, и старается исправиться; то онъ начинаетъ уменьшать въ себѣ зло, и если дѣлалъ девять (проступковъ), будетъ дѣлать восемь, и такъ, преуспѣвая постепенно, съ помощію Божіею, не допускаетъ укрѣпиться въ себѣ страстямъ. Ибо великое бѣдствіе впасть кому-либо въ навыкъ страсти, потому что, какъ мы сказали, хотя бы даже такой и захотѣлъ покаяться, то онъ не можетъ одинъ преодолѣть страсть, если не имѣетъ помощи отъ нѣкоторыхъ Святыхъ.

Хотите ли, я разскажу вамъ объ одномъ братѣ, которому страсть обратилась въ навыкъ? Вы услышите дѣло, достойное многаго плача. Когда я былъ въ общежитіи, братія по простотѣ своей, думаю, исповѣдывали мнѣ помышленія свои, и Игуменъ, съ совѣтомъ Старцевъ, велѣлъ мнѣ взять на себя эту заботу. Однажды пришелъ ко мнѣ нѣкто изъ братіи и сказалъ мнѣ: „прости меня, Отче, и помолись о мнѣ: я краду, и ѣмъ.“ Я спросилъ его: „зачѣмъ же? развѣ ты голоденъ?“ Онъ отвѣчалъ: „да, я не насыщаюсь за братской трапезой, и не могу просить.“ Я сказалъ ему: „отъ чего же ты не пойдешь и не скажешь Игумену.“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „стыжусь.“ Говорю ему:„ хочешь

*) Въ греч.: ежедневно.

ли, чтобъ я пошелъ и сказалъ ему? Онъ говоритъ: „какъ тебѣ угодно, господине.“ И такъ я пошелъ и объявилъ о семъ Игумену. Онъ сказалъ мнѣ: „окажи любовь и позаботься о немъ, какъ знаешь.“ Тогда я взялъ его и сказалъ келарю при немъ: „окажи любовь, и когда придетъ къ тебѣ сей братъ, давай ему, сколько онъ хочетъ, и ни въ чемъ не отказывай ему.“ Услышавъ это, келарь отвѣчалъ мнѣ: „какъ ты приказалъ, такъ и исполню.“ Проведя такимъ образомъ нѣсколько дней, братъ этотъ опять приходитъ и говоритъ мнѣ: „прости меня, Отче, я снова началъ красть.“ Говорю ему: „зачѣмъ же? развѣ келарь не даетъ тебѣ, чего ты хочешь?“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „да, прости меня, онъ даетъ мнѣ, чего я желаю, но я стыжусь его.“ Говорю ему: „что же ты и меня стыдишься?“ Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ.“ Тогда я сказалъ ему: „и такъ, когда хочешь, приходи и бери у меня, но не крадь“; ибо у меня тогда была должность въ больницѣ, и онъ приходилъ и бралъ, что хотѣлъ. Но черезъ нѣсколько дней, онъ опять началъ красть, и пришелъ со скорбію и сказалъ мнѣ: „вотъ я опять краду.“ Я спросилъ его: „зачѣмъ, братъ мой? развѣ я не даю тебѣ, чего ты хочешь?“ Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, (даешь).“ Говорю ему: „что же, ты стыдишься брать у меня?“ Онъ говоритъ: „нѣтъ.“ Я сказалъ ему: „такъ зачѣмъ же ты крадешь?“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „прости меня, самъ не знаю, зачѣмъ; но такъ просто краду.“ Тогда я сказалъ ему: „скажи мнѣ по крайней мѣрѣ по правдѣ, что ты дѣлаешь съ тѣмъ, что крадешь?“ Онъ отвѣчалъ: „я отдаю это ослу.“ И дѣйствительно оказалось, что этотъ братъ кралъ куски хлѣба, финики, смоквы, лукъ, и вообще все, что онъ ни находилъ,

и пряталъ это, одно подъ свою постель, другое на иномъ мѣстѣ, и наконецъ не зная, куда это употребить, и видя, что оно портится, онъ выносилъ это вонъ и выбрасывалъ, или отдавалъ безсловеснымъ животнымъ.

Вотъ видите ли, что значитъ обратить страсть въ навыкъ? Видите ли, какого это достойно сожалѣнія, какое это страданіе? Онъ зналъ, что сіе есть зло; онъ зналъ, что худо дѣлаетъ и скорбѣлъ, плакалъ; однако увлекался, несчастный, дурнымъ навыкомъ, который образовался въ немъ отъ прежняго нерадѣнія. И хорошо сказалъ авва Пистерой: „если кто увлекается страстію, то онъ будетъ рабомъ страсти." Благій Богъ да избавитъ насъ отъ злаго навыка, чтобы и намъ не было сказано: *кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе* (Пс. 29, 10). А какимъ образомъ кто-либо впадаетъ въ навыкъ, о семъ я уже неоднократно говорилъ вамъ. Ибо не тотъ, кто однажды разгнѣвался, называется уже гнѣвливымъ; и не тотъ, кто однажды впалъ въ блудъ, называется уже блудникомъ; и не тотъ, кто однажды оказалъ милость (ближнему), называется милостивымъ; но какъ въ добродѣтели, такъ и въ порокѣ, отъ частаго въ оныхъ упражненія, душа получаетъ нѣкоторый навыкъ, и потомъ этотъ навыкъ или мучитъ, или покоитъ ее. А о томъ, какъ добродѣтель покоитъ душу, и какъ мучитъ ее порокъ, мы говорили неоднократно, то есть, что добродѣтель естественна, она въ насъ, ибо сѣмена добродѣтелей не уничтожаются. И такъ я сказалъ, что чѣмъ болѣе мы дѣлаемъ добраго, большій пріобрѣтаемъ навыкъ въ добродѣтели, т.-е. возвращаемъ себѣ свое

природное свойство и восходимъ къ прежнему своему здравію, какъ отъ бѣльма къ своему прежнему зрѣнію, или отъ иной какой-либо болѣзни къ своему прежнему, природному здоровью. Въ отношеніи же порока бываетъ не такъ: но чрезъ упражненіе въ ономъ мы принимаемъ нѣкоторый чуждый и противный естеству навыкъ, т.-е. приходимъ въ навыкъ нѣкоего губительнаго недуга, такъ что если даже пожелаемъ, не можемъ исцѣлиться безъ многой помощи, безъ многихъ молитвъ и многихъ слезъ, которыя могли бы преклонить къ намъ милосердіе Христово. Подобное мы видимъ и въ тѣлесномъ: ибо есть нѣкоторые роды пищи, по свойству своему производящіе черную желчь, какъ напримѣръ капуста, чечевица и нѣкоторыя другія подобныя симъ; но не отъ того, что кто-нибудь одинъ разъ или два раза поѣстъ капусты или чечевицы, или чего-нибудь подобнаго, онъ становится черножелчнымъ, а отъ частаго употребленія оныхъ; и если потомъ въ немъ усилится черная желчь, то образуется горячка, которая мучитъ одержимаго ею и влечетъ за собою и другія безчисленныя болѣзни. Тоже бываетъ и съ душею: если кто закоснѣваетъ во грѣхѣ, то въ душѣ образуется злой навыкъ, который и мучитъ ее. Однако вы должны знать и то, что душа имѣетъ иногда влеченіе къ какой-либо страсти, если только одинъ разъ впадетъ въ дѣйствіе сей страсти, тотчасъ находится въ опасности впасть и въ навыкъ. Тоже случается и въ тѣлесномъ: иной человѣкъ имѣетъ расположеніе къ черной желчи отъ какого-либо прежняго нерадѣнія, такъ что и одинъ изъ вышеупомянутыхъ родовъ пищи можетъ въ немъ тотчасъ возбудить черную желчь

и причинить лихорадку. И такъ нужно большое вниманіе, и стараніе, и страхъ, чтобы кто-либо не впалъ въ злой навыкъ.

Повѣрьте, братія, что если у кого-нибудь хотя одна страсть обратилась въ навыкъ, то онъ подлежитъ мукѣ, и случается, что иной совершаетъ десять добрыхъ дѣлъ и имѣетъ одинъ злой навыкъ, и это одно, происходящее отъ злаго навыка, превозмогаетъ десять добрыхъ (дѣлъ). Орелъ если весь будетъ внѣ сѣти, но запутается въ ней однимъ когтемъ, то чрезъ эту малость низлагается вся сила его; ибо не въ сѣти ли онъ уже, хотя и весь находится внѣ ея, когда удерживается въ ней однимъ когтемъ? Не можетъ ли ловецъ схватить его, лишь только захочетъ? Такъ и душа: если хотя одну только страсть обратитъ себѣ въ навыкъ, то врагъ, когда ни вздумаетъ, низлагаетъ ее, ибо она находится въ его рукахъ, по причинѣ той страсти. Посему-то я и говорю вамъ всегда: не допускайте, чтобы какая-либо страсть обратилась вамъ въ навыкъ, но подвизайтесь и молитесь Богу день и ночь, чтобы не впасть въ искушеніе. Если же мы и будемъ побѣждены, какъ человѣки, и впадемъ въ согрѣшеніе, то постараемся тотчасъ возстать, покаемся въ немъ, восплачемся предъ благостію Божіею, будемъ бодрствовать и подвизаться. И Богъ, видя наше доброе произволеніе, смиреніе и сокрушеніе наше, подастъ намъ руку помощи, и сотворитъ съ нами милость. Ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

о страхѣ будущаго мученія и о томъ, что желающій спастись никогда не долженъ быть безпеченъ о своемъ спасеніи.

Когда я былъ боленъ ногами и страдалъ отъ нихъ, нѣкоторые изъ братіи, пришедши посѣтить меня, просили, чтобы я сказалъ имъ причину болѣзни, имѣя, какъ я думаю, двоякую цѣль: чтобы нѣсколько утѣшить меня и отвлечь мысли мои отъ болѣзни, и чтобы дать мнѣ случай побесѣдовать съ ними что-нибудь о полезномъ. Но такъ какъ болѣзнь не позволила мнѣ сказать имъ тогда, что они хотѣли: то нужно вамъ нынѣ послушать о семъ: ибо пріятенъ разсказъ о скорби, по миновані скорби. Такъ и на морѣ, когда поднимается буря, то всѣ, находящіеся на кораблѣ, сѣтуютъ; когда же буря пройдетъ, то всѣ съ радостію весело разсказываютъ другъ другу о случившемся. Хорошо, братія, какъ я всегда говорю вамъ, каждое дѣло возлагать на Бога и говорить: ничего не бываетъ безъ воли Божіей: но конечно Богъ зналъ, что это хорошо и полезно, и потому такъ сдѣлалъ, хотя-бы сіе дѣло и имѣло какую-нибудь внѣшнюю причину. Напримѣръ, я могъ бы сказать, что поелику я вкушалъ пищу со странниками и нѣсколько понудилъ себя для того, чтобы ихъ угостить, то желудокъ мой отяготился про-

изошелъ отекъ на ногѣ моей и отъ того я сдѣлался боленъ; (могъ бы я привести) и другія различныя причины, ибо ищущему (ихъ) въ нихъ нѣтъ недостатка; но самое достовѣрное и полезное есть то, чтобы сказать: по истинѣ Богъ зналъ, что это будетъ полезнѣе душѣ моей, и потому оно такъ и случилось. Ибо изъ всего, что творитъ Богъ, нѣтъ ничего такого, чтобы не было благо, но *вся добра и добра зѣло* (Быт. 1, 31). И такъ никому не должно скорбѣть о случающемся, но все, какъ я сказалъ, возлагать на промыслъ Божій, и успокоиваться. Есть нѣкоторые люди, до того изнемогающіе при случающихся скорбяхъ, что они отказываются и отъ самой жизни, и считаютъ сладкою смерть, лишь бы только избавиться отъ скорбей; но это происходитъ отъ малодушія и многаго неразумія, ибо таковые не знаютъ той страшной нужды, которая встрѣчаетъ насъ по исходѣ души изъ тѣла.

Это великое человѣколюбіе Божіе, братія, что мы наказываемся, находясь въ семъ мірѣ; но мы, не зная, что совершается тамъ, почитаемъ тяжкимъ здѣшнее. Однако это несправедливо. Не знаете ли, что повѣствуется въ Отечникѣ? Одинъ весьма ревностный братъ спросилъ нѣкоего Старца: „отъ чего душа моя желаетъ смерти?“ Старецъ отвѣчалъ ему: „отъ того, что ты избѣгаешь скорби, и не знаешь, что грядущая скорбь гораздо тяжелѣе здѣшней. И другой также спросилъ Старца: „отъ чего я впадаю въ безпечность, пребывая въ келіи моей? „Старецъ сказалъ ему: отъ того, что ты не узналъ еще ни ожидаемаго покоя, ни будущаго мученія. Ибо если бы ты достовѣрно зналъ это, то хотя бы келлія твоя была полна червей, такъ

что ты стоялъ бы въ нихъ по самую шею, ты терпѣлъ бы сіе, не разслабѣвая“. Но мы, спя, хотимъ спастись, и потому изнемогаемъ въ скорбяхъ; тогда какъ мы должны бы были благодарить Бога и считать себя блаженными, что сподобляемся немного поскорбѣть здѣсь, дабы тамъ обрѣсти малый покой. И Евагрій говорилъ: „кто не очистился еще отъ страстей и молится Богу, чтобы скорѣе умереть, тотъ подобенъ человѣку, который проситъ плотника скорѣе изрубить одръ больнаго“. Ибо душа, находясь въ тѣлѣ семъ, хотя и ведетъ борьбу отъ страстей, но имѣетъ и нѣкоторое утѣшеніе отъ того, что человѣкъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, бесѣдуетъ, ходитъ съ любезными друзьями своими. Когда же выйдетъ изъ тѣла, она остается одна со страстьми своими, и потому всегда мучится ими; занятая ими, она опаляется ихъ мятежемъ и терзается ими, такъ что она даже не можетъ вспомнить Бога; ибо самое памятованіе о Богѣ утѣшаетъ душу, какъ и въ Псалмѣ сказано: *помянухъ Бога, и возвеселихся* (Пс. 76, 4), но и сего не позволяютъ ей страсти.

Хотите ли, я объясню вамъ примѣромъ, что говорю вамъ. Пусть кто-нибудь изъ васъ придетъ, и я затворю его въ темную келію, и пускай онъ, хотя только три дня, не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, ни съ кѣмъ не бесѣдуетъ, не поетъ псалмовъ, не молится, и отнюдь не вспоминаетъ о Богѣ: и тогда онъ узнаетъ, что будутъ въ немъ дѣлать страсти; однако онъ еще здѣсь находится: во сколько же болѣе, по выходѣ души изъ тѣла, когда она предается страстямъ и останется одна съ ними, потерпитъ тогда она, несчастная? По здѣшнимъ (скорбямъ) вы можете нѣсколько понять,

какова тамошняя скорбь. Ибо когда у кого-нибудь сдѣлается горячка, то что воспаляетъ его? Какой огонь или какое вещество производитъ сіе жженіе? Если же кто-нибудь имѣетъ тѣло желчное и худосочное, то не самое ли сіе худосочіе воспаляетъ его, всегда безпокоитъ и дѣлаетъ жизнь его прискорбною? Такъ и страстная душа всегда мучится, несчастная, своимъ злымъ навыкомъ, имѣя всегда горькое воспоминаніе и томительное впечатлѣніе отъ страстей, которыя безпрестанно жгутъ и опаляютъ ее. И сверхъ сего, кто можетъ братія, вообразить страшныя оныя мѣста, мучимыя въ оныхъ тѣла, которыя служатъ душамъ только для усиленія страданій, а сами не истлѣваютъ; тотъ страшный огонь и тьму, тѣхъ безжалостныхъ слугъ мучителей и другія безчисленныя томленія, о которыхъ часто говорится въ Божественномъ Писаніи и которыя соразмѣряются злымъ дѣламъ душъ и ихъ злымъ воспоминаніямъ? Ибо какъ праведные, по словамъ Святыхъ, получаютъ нѣкія свѣтлыя мѣста и веселіе ангельское, соразмѣрно благимъ ихъ дѣламъ, такъ и грѣшники получаютъ мѣста темныя и мрачныя, полныя страха и ужаса. Ибо что страшнѣе и бѣдственнѣе тѣхъ мѣстъ, въ которыя посылаются демоны? И что ужаснѣе муки, на которую они будутъ осуждены? Однако и грѣшники будутъ мучимы съ этими самыми демонами, какъ говоритъ Христосъ: *идите во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мат. 24, 41). А еще страшнѣе то, о чемъ говоритъ святый Іоаннъ Златоустъ: „если бы и не текла рѣка огненная и не предстояли страшные аггелы, но только призывались бы всѣ человѣки (на судъ), и одни, получа похвалу, прославлялись бы, другіе же отсылались бы

съ безчестіемъ, чтобы не видѣть имъ славы Божіей: то наказаніе оным стыдомъ и безчестіемъ и скорбь объ отпаденіи отъ толикихъ благъ не была ли бы ужаснѣе всякой геенны? Тогда и самое обличеніе совѣсти, и самое воспоминаніе о сдѣланномъ, какъ мы сказали выше, (будутъ) нестерпимѣе безчисленныхъ и неизреченныхъ томленій. Ибо души помнятъ все, что было здѣсь, какъ говорятъ Отцы, и слова, и дѣла, и помышленія, и ничего изъ этого не могутъ забыть тогда. А сказанное въ Псалмѣ: *въ той день погибнутъ вся помышленія ихъ* (Псал. 145. 4), говорится о помышленіяхъ, вѣка сего, т.-е. о строеніи, имуществѣ, родителяхъ, дѣтяхъ и всякомъ дяніи и полученіи. Все сіе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ душа выходитъ изъ тѣла, погибаетъ (для нея), и изъ всего этого она тогда ни о чемъ не вспоминаетъ и не заботится. А что она сдѣлала относительно добродѣтели или страсти, все то помнитъ и ничто изъ этого для нея не погибаетъ: но если человѣкъ принесъ кому-нибудь пользу, или самъ получилъ ее отъ кого-либо, то онъ всегда памятуетъ получившаго отъ него пользу и оказавшаго ему оную. Также и если получилъ отъ кого-либо вредъ, или самъ сдѣлалъ кому-нибудь вредъ, то всегда помнитъ и сдѣлавшаго ему вредъ и потерпѣвшаго вредъ отъ него. И ничего, какъ я сказалъ, не забываетъ душа изъ того, что она сдѣлала въ семъ мірѣ, но все помнитъ, по выходѣ изъ тѣла, и притомъ еще лучше и яснѣе, какъ освободившаяся отъ земнаго сего тѣла.

Нѣкогда говорили мы о семъ съ однимъ великимъ Старцемъ, и Старецъ сказалъ, что душа, по выходѣ изъ тѣла, помнитъ страсти и грѣхи, которые она не-

полнила, и лица, съ коими совершала ихъ. А я говорилъ ему: можетъ быть это и не такъ: но, конечно, она будетъ имѣть злой навыкъ, полученный ею, ко грѣху, и будетъ вспоминать о немъ. Мы долго спорили объ этомъ предметѣ, желая уяснить его; но Старецъ не соглашался со мною, говоря, что душа помнитъ и самый видъ грѣха, и самое мѣсто, и то самое лице, съ которымъ согрѣшила. И, по истинѣ, когда это такъ, то намъ предстоитъ еще гораздо тягчайшій конецъ, если не будемъ внимать себѣ. Потому я и говорю вамъ всегда: старайтесь воздѣлывать добрыя помышленія, чтобы найти ихъ тамъ, ибо что человѣкъ имѣетъ здѣсь, то исходитъ съ нимъ (отсюда), и тоже будетъ онъ имѣть и тамъ.

Позаботимся, братія, чтобы намъ избавиться отъ такого бѣдствія, постараемся о семъ, и Богъ сотворитъ съ нами милость: ибо Онъ есть *упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече* (Пс. 64, 6). Сущіи въ концахъ земли суть тѣ, которые находятся въ конечной злобѣ; а сущіи въ морѣ далече—тѣ, которые пребываютъ въ крайнемъ неразуміи; однако Христосъ есть упованіе и таковыхъ. Потребенъ малый трудъ, потрудимся же, чтобы быть помилованными. Если кто имѣетъ поле и оставитъ его въ небреженіи, то оно заростетъ; и не тѣмъ ли болѣе наполнится оно терніемъ и волчцами, чѣмъ болѣе онъ небрежетъ о немъ? Когда же онъ придетъ очистить поле, то не тѣмъ ли болѣе должны будутъ окровавиться руки его, чѣмъ болѣе оно заросло: когда онъ захочетъ исторгнуть ту худую траву, которой далъ взойти во время своего нерадѣнія. Ибо невозможно человѣку не пожать того, что онъ посѣялъ. А кто желаетъ очисть поле свое,

тотъ долженъ сперва совершенно искоренить всю дурную траву; ибо если онъ не исторгнетъ совершенно всѣхъ корней ея, но только сверху срѣжетъ ее, то она опять выростетъ; и такъ ему должно, какъ я сказалъ, исторгнуть самые корни, и когда онъ хорошо очиститъ поле отъ травы, тернія и тому подобнаго, то долженъ его вспахать, взборонить и такимъ образомъ воздѣлать; а когда оно уже будетъ хорошо воздѣлано, тогда должно посѣять доброе сѣмя. Ибо ежели онъ, послѣ такого очищенія, оставитъ поле празднымъ, то опять взойдетъ трава, и, найдя землю мягкую и удобренную отъ очищенія, пуститъ корни въ глубину и болѣе укрѣпится и умножится на полѣ. Такъ бываетъ и съ душею: сперва должно отсѣчь всякое ветхое пристрастіе и злые навыки, которые она имѣетъ: ибо нѣтъ ничего хуже злаго навыка. И Святый Василій говоритъ: „не малый подвигъ преодолѣть свой навыкъ, ибо навыкъ, укрѣпившись долгимъ временемъ, часто получаетъ силу естества.“

И такъ должно подвизаться, какъ я сказалъ, противъ злыхъ навыковъ и страстей, и не только противъ страстей, но и противъ причинъ ихъ, которыя суть корни; ибо когда не исторгнуты корни, то терніе необходимо опять выростетъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя страсти ничего не могутъ сдѣлать, если человѣкъ отсѣчетъ причины ихъ. Такъ зависть сама по-себѣ ничто, но имѣетъ нѣкоторыя причины, въ числѣ которыхъ есть и славолюбіе; ибо кто хочетъ прославиться, тотъ завидуетъ прославленному или предпочтенному. Также гнѣвъ происходитъ отъ различныхъ причинъ, и особенно отъ сластолюбія. О семъ упоминаетъ и Евагрій, повѣствуя, что нѣкоторый Святый

говорилъ: „для того и отвергаю наслажденія, чтобы отсѣчь причины раздражительности." И всѣ Отцы говорятъ, что каждая страсть рождается отъ сихъ трехъ: отъ славолюбія, сребролюбія и сластолюбія, какъ я часто говорилъ вамъ. И такъ должно не только отсѣчь страсти, но и причины ихъ, потомъ хорошо удобрить нравы свои покаяніемъ и плачемъ, и тогда уже начать сѣять доброе сѣмя, которое суть добрыя дѣла; ибо какъ мы сказали о полѣ, что если, по очищеніи и обработкѣ онаго, не посѣютъ (на немъ) добраго сѣмени, то всходитъ трава и, найдя землю рыхлою и мягкою отъ очищенія, глубже укореняется въ ней: такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Если онъ, исправивъ нравы свои и покаявшись въ прежнихъ своихъ дѣлахъ, не станетъ заботиться объ исполненіи добрыхъ дѣлъ и пріобрѣтеніи добродѣтелей, то на немъ сбывается сказанное въ Евангеліи: *егда нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка, преходитъ сквозѣ безводная мѣста, ища покоя, и не обрѣтаетъ. Тогда речетъ: возвращуся въ домъ мой, отнюдуже изыдохъ, и пришедъ, обрящетъ и празденъ*,—очевидно, что отъ всякой добродѣтели— *пометенъ и украшенъ. Тогда идетъ и поиметъ съ собою ины седмь духовъ, лютѣйшихъ себе, и вшедше живутъ ту: и будутъ послѣдняя человѣку горша первыхъ* (Мат. 12, 44). Ибо невозможно душѣ пребывать въ одномъ и томъ же состояніи, но она всегда преуспѣваетъ или въ лучшемъ или въ худшемъ. Посему каждый желающій спастись долженъ не только не дѣлать зла, но обязанъ дѣлать и добро, какъ сказано въ Псалмѣ: *уклонися отъ зла, и сотвори благо;* не сказано только: *уклонися отъ зла*, но и: *сотвори благо*. Напримѣръ, если кто-нибудь привыкъ обижать,

то онъ долженъ не только не обижать, но и поступать по правдѣ: если онъ былъ блудникъ, то онъ долженъ не только не предаваться блуду, но и быть воздержнымъ: если былъ гнѣвливъ, долженъ не только не гнѣваться, но и пріобрѣсти кротость; если кто гордился, то онъ долженъ не только не гордиться, но и смиряться. И сіе-то значитъ: *уклонися отъ зла, и сотвори благо*. Ибо каждая страсть имѣетъ противоположную ей добродѣтель: гордость—смиренномудріе, сребролюбіе—милосердіе, блудъ—воздержаніе, малодушіе—терпѣніе, гнѣвъ—кротость, ненависть—любовь и, однимъ словомъ, каждая страсть, какъ я сказалъ, имѣетъ противоположную ей добродѣтель.

О семъ говорилъ я вамъ много разъ. И какъ мы изгнали добродѣтели и восприняли вмѣсто нихъ страсти, такъ должны мы потрудиться не только изгнать страсти, но и воспринять добродѣтели, и водворить ихъ на своемъ мѣстѣ: потому что мы естественно имѣемъ добродѣтели, данныя намъ отъ Бога. Ибо когда Богъ сотворилъ человѣка, Онъ всѣялъ въ него добродѣтели, какъ и сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 2, 26). Сказано: *по образу*, поелику Богъ сотворилъ душу безсмертною и самовластною, а *по подобію*—относится къ добродѣтели. Ибо Господь говоритъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть* (Лук. 6, 36), и въ другомъ мѣстѣ: *святи будите, якоже Азъ святъ есмь* (1 Петр. 1, 16). Также и Апостолъ говоритъ: *бывайте другъ ко другу благи* (Еф. 4, 32). И въ Псалмѣ сказано: *благъ Господь всяческимъ* (Пс. 144), и тому подобное; вотъ что значитъ *по подобію*. Слѣдовательно по естеству Богъ далъ намъ добродѣтели.

Страсти же не принадлежатъ намъ по естеству, ибо онѣ даже не имѣютъ никакой сущности или состава, *) но какъ тьма по существу своему не имѣетъ состава, а есть состояніе воздуха, какъ говоритъ Святый Василій, бывающее отъ оскудѣнія свѣта; такъ и страсти (не естественны намъ): но душа, по сластолюбію уклонившись отъ добродѣтелей, водворяетъ въ себѣ страсти и укрѣпляетъ ихъ противъ себя. Потому намъ и нужно, какъ сказано о полѣ, совершенно окончивъ очищеніе, тотчасъ посѣять доброе сѣмя, чтобы оно и принесло добрый плодъ.

Также засѣвающій свое поле, бросивъ сѣмя, долженъ скрыть и углубить его въ землю, ибо иначе прилетятъ птицы, похитятъ его, и оно погибнетъ; а скрывъ его, (сѣятель) долженъ ожидать милости Божіей, пока Богъ пошлетъ дождь, и сѣмя взойдетъ. Хотя бы земледѣлецъ и безмѣрно трудился надъ очищеніемъ, обработываніемъ и посѣвомъ, но если Богъ не пошлетъ дождя на его сѣяніе, то весь трудъ его бываетъ напрасенъ. Такъ и мы, если и сдѣлаемъ что-либо доброе, должны покрыть это смиренномудріемъ и возложить на Бога немощь нашу, молясь ему, чтобы Онъ призрѣлъ на трудъ нашъ: ибо иначе онъ будетъ тщетенъ. Иногда опять и послѣ дождя, когда сѣмя уже взошло, если дождь не будетъ по временамъ орошать его, произрастеніе засыхаетъ и погибаетъ; ибо и сѣмени нуженъ дождь, и произрастенію также по временамъ, пока оно укрѣпится; но и тогда нельзя не имѣть заботъ. Иногда и послѣ того, какъ оно выростетъ и образуется колосъ, случается, что гусе-

*) οὔτε φύσιν, οὔτε ὑπόστασιν.

ницы, или градъ, или что-нибудь подобное истребляютъ плодъ. Такъ бываетъ и съ душею: когда кто потрудится, очистить ее отъ всѣхъ упомянутыхъ нами страстей и постарается (пріобрѣсти) всѣ добродѣтели, то онъ долженъ всегда прибѣгать къ милости Божіей и къ покрову Божію, чтобы не быть ему оставленнымъ и не погибнуть. Ибо какъ мы сказали о сѣмени, что и послѣ того, какъ оно взойдетъ, выростетъ и принесетъ плодъ, если по временамъ не будетъ орошать его дождь, оно засыхаетъ и погибаетъ; такъ бываетъ и съ человѣкомъ: и по совершеніи столь многаго, если Богъ хотя на малое время отъиметъ отъ него покровъ Свой и оставитъ его, то онъ погибаетъ. А Богъ оставляетъ человѣка тогда, когда онъ сдѣлаетъ что-либо противъ своего устроенія, напримѣръ, если кто былъ благоговѣинъ, и уклонится въ безчинную жизнь; или былъ смиренъ, и сдѣлается наглымъ. И не столько оставляетъ Богъ проводящаго порочную жизнь, когда онъ живетъ безчинно, или наглаго, когда онъ гордится, сколько Онъ оставляетъ благоговѣйнаго, когда этотъ дѣлаетъ безчиніе, и смиреннаго, когда онъ возгордится: это и значитъ грѣшитъ противъ своего устроенія, и отъ сего происходитъ оставленіе. Потому Святый Василій иначе судитъ грѣхъ благоговѣйнаго, и иначе грѣшника. Когда же кто сохранитъ себя и отъ этого, то долженъ замѣчать, чтобы, дѣлая хотя малое добро, не дѣлать сего со тщеславіемъ, или изъ человѣкоугодія, или по какому-нибудь человѣческому побужденію, дабы сіе малое не погубило всего, что онъ сдѣлалъ, какъ мы сказали о гусеницахъ, градѣ и тому подобномъ. Опять когда и на полѣ плодъ не потерпитъ никако-

го вреда, но сохранится до самой жатвы; даже и тогда земледѣлецъ не можетъ быть безъ заботъ. Ибо случается, что и послѣ того, какъ кто-либо пожнетъ свое поле и окончитъ весь трудъ свой, приходитъ злой человѣкъ, и по ненависти, подкладываетъ огонь подъ оный плодъ и уничтожаетъ весь плодъ и трудъ его. Посему пока земледѣлецъ не видитъ, что онъ хорошо очистилъ плодъ свой и всыпалъ его въ житницу, онъ не можетъ быть безъ заботы. Также и человѣкъ, когда онъ успѣетъ избавиться отъ всего того, о чемъ мы сказали, даже и тогда не долженъ быть безъ заботы. Ибо случается, что, послѣ всего этого, діаволъ находитъ случай обольстить его или самооправданіемъ или возношеніемъ, или вложивъ въ него помыслы невѣрія, или злой ереси *), и не только погубляетъ всѣ труды его, но и удаляетъ его отъ Бога; и чего не могъ достигнуть чрезъ дѣла, то производитъ чрезъ одинъ помыслъ: ибо бываетъ, что и одинъ помыслъ можетъ удалить человѣка отъ Бога, какъ скоро человѣкъ приметъ его и подчинится ему. Поэтому истинно желающій спастись не долженъ быть безпечнымъ до послѣдняго издыханія. И такъ нужны многій трудъ и попеченіе, и постоянная молитва къ Богу, чтобы Онъ покрылъ и спасъ насъ Своею благодатію, во славу святаго имени Своего. Аминь.

---

*) Въ греч. κακῆς προαιρέσεως, т. е. помыслы злаго произволенія.

ПОУЧЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ

о томъ, что должно переносить искушеніе съ благодарностію и безъ смущенія.

Хорошо сказалъ Авва Пименъ, что преуспѣяніе монаха обнаруживается въ искушеніяхъ: ибо монахъ, который истинно приступаетъ *работать Господеви*, долженъ, какъ говоритъ Премудрый, *уготовати душу свою во искушеніе* (Сир. 2, 1), чтобы никогда не удивляться и не смущаться ничѣмъ, случающимся съ нимъ, вѣруя, что ничего не бываетъ безъ промысла Божія. А въ чемъ Божій промыселъ, то вполнѣ хорошо, и служитъ къ пользѣ души, ибо все, что дѣлаетъ съ нами Богъ, дѣлаетъ Онъ для нашей пользы, любя и милуя насъ. И мы должны, какъ сказалъ Апостолъ, *о всемъ благодарити* (Еф. 5, 20; 1 Сол. 5, 18) благость Его, и никогда не печалиться, и не малодушествовать о случающемся съ нами, но все, что съ нами бываетъ, принимать безъ смущенія со смиренномудріемъ и съ надеждою на Бога, вѣруя, какъ я сказалъ, что все, что ни дѣлаетъ съ нами Богъ, Онъ дѣлаетъ по благости Своей, любя насъ, и дѣлаетъ хорошо, и что это не можетъ быть иначе хорошо, какъ только такимъ образомъ. Богъ да помилуетъ насъ.

Если кто имѣетъ друга и увѣренъ, что онъ любитъ его, то, когда и потерпитъ отъ него что-нибудь, даже и тяжелое, думаетъ, что тотъ сдѣлалъ это любя, и никогда не повѣритъ о своемъ другѣ, чтобы онъ хотѣлъ ему повредить: тѣмъ болѣе должны мы думать о Богѣ, Который создалъ насъ и привелъ насъ изъ небытія въ бытіе, вочеловѣчился насъ ради и умеръ за насъ, что Онъ дѣлаетъ съ нами все по благости Своей, и любя насъ. О другѣ иной можетъ подумать: онъ это дѣлаетъ, любя и жалѣя меня, но у него нѣтъ столько благоразумія, чтобы онъ могъ хорошо устроить касающееся до меня, и по этому случается, что онъ нехотя вредитъ мнѣ. О Богѣ же мы не можемъ сего сказать, ибо Онъ есть источникъ премудрости, знаетъ все, что намъ полезно, и сообразно съ симъ устрояетъ все, касающееся до насъ, даже и самое маловажное. Опять о другѣ можно сказать, что хотя онъ любитъ и жалѣетъ насъ, и (довольно) разуменъ, чтобы устроить относящееся къ намъ, но не въ силахъ помочь намъ въ томъ, въ чемъ онъ думаетъ принести намъ пользу. Но о Богѣ нельзя сказать и сего, ибо Ему все возможно, и для Него нѣтъ ничего невозможнаго. Итакъ мы знаемъ о Богѣ, что Онъ любитъ и щадитъ свое созданіе, что Онъ есть источникъ премудрости и знаетъ, какъ устроить все касающееся до насъ, и что ему нѣтъ ничего невозможнаго, но все служитъ волѣ Его. Мы должны также знать, что все, что Онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для нашей пользы, и должны принимать это, согласно сказанному выше, съ благодарностію, какъ отъ Благодѣтеля и благаго Владыки, хотя бы то было и скорбное. Ибо все бываетъ по праведному суду, и Богъ, Который столько

милостивъ, не презираетъ ни малѣйшей нашей скорби. Но часто случается, что иной недоумѣваетъ, говоря внутренно: „если кто въ искушеніяхъ согрѣшитъ отъ скорби, то какъ можетъ онъ думать, что онѣ служатъ къ его пользѣ?“ Мы потому только согрѣшаемъ въ искушеніяхъ, что мы нетерпѣливы и не хотимъ перенести малой скорби или потерпѣть что-нибудь противъ нашей воли, тогда какъ Богъ ничего не попускаетъ на насъ, выше силы нашей, какъ сказалъ Апостолъ: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ насъ искуситися паче, еже можемъ* (1 Кор. 10, 13). Но мы не имѣемъ терпѣнія, не хотимъ перенести и немногаго, не стараемся принять что-либо со смиреніемъ, и потому отягощаемся, и чѣмъ болѣе стараемся избѣжать напастей, тѣмъ болѣе мучимся отъ нихъ, изнемогаемъ и не можемъ отъ нихъ освободиться. Тѣ, которые по какой нибудь надобности плаваютъ въ морѣ, если они знаютъ искусство плаванія, то когда находитъ на нихъ волна, они склоняются подъ нее, пока она пройдетъ, и такимъ образомъ безвредно продолжаютъ свое плаваніе; если же захотятъ сопротивляться волнѣ, то она ихъ отбрасываетъ и уноситъ на далекое разстояніе. И когда они опять продолжаютъ плыть, находитъ на нихъ другая волна, и если они и ей противятся, то она также отталкиваетъ и отбрасываетъ ихъ прочь, и они только утомляются безъ всякой пользы. Если же, какъ я сказалъ, они склоняются подъ волну и опустятся подъ нее, то она проходитъ мимо, безъ всякаго для нихъ вреда, и они продолжаютъ плавать, сколько хотятъ, и дѣлаютъ свое дѣло. Такъ бываетъ и при искушеніяхъ: если кто перенесетъ искушеніе съ терпѣніемъ и смиреніемъ, оно

пройдетъ безъ вреда для него; если же онъ будетъ малодушествовать, смущаться, обвинять каждаго, то онъ только отягощаетъ самого себя, навлекая на себя искушенія, и не получаетъ совершенно никакой пользы, но лишь вредитъ себѣ; тогда какъ искушенія приносятъ большую пользу тому, кто переноситъ ихъ безъ смущенія. Если даже и страсть тревожитъ насъ, то мы не должны этимъ смущаться: ибо смущаться (въ то время), когда тревожитъ насъ страсть, есть дѣло неразумія и гордости, и происходитъ отъ того, что мы не знаемъ своего душевнаго устроенія и избѣгаемъ труда, какъ сказали Отцы. Потому мы и непреуспѣваемъ, что не знаемъ мѣры нашей и не имѣемъ терпѣнія въ начинаемыхъ нами дѣлахъ, но безъ труда хотимъ пріобрѣсти добродѣтель. Ибо чему удивляется страстный, когда его тревожитъ страсть? Зачѣмъ смущается? Ты образовалъ ее, имѣешь ее въ себѣ, и смущаешься? Принялъ залоги ея, и говоришь: зачѣмъ она тревожитъ меня? Лучше терпи, подвизайся и моли Бога, ибо невозможно, чтобы тотъ, кто исполнялъ страсти, не имѣлъ отъ нихъ скорби. Сосуды *) ихъ, какъ сказалъ Авва Сисой, находятся внутри тебя; отдай имъ залогъ ихъ, онѣ отойдутъ отъ тебя. Сосудами онъ назвалъ причины страстей: такъ какъ мы ихъ возлюбили и привели въ дѣйствіе, то и невозможно намъ не плѣняться страстными помышленіями, принуждающими насъ, и противъ воли нашей, исполнять страсти, потому что мы добровольно предали себя въ руки ихъ. Сіе значитъ сказанное Пророкомъ о Ефремѣ (Осія 5, 11), который *сводолѣвши соперника своего*, т. е. свою совѣсть, и *поправши судъ*, обратился къ Египту, и насильственно взятъ былъ Ассиріянами. Египтомъ Отцы называютъ волю плотскую, приклоняющую насъ къ тѣлесному покою и научающую обращать умъ къ плотскимъ страстямъ. А Ассиріянами называютъ страстныя помышленія, которыя возмущаютъ и волнуютъ умъ и наполняютъ его нечистыми идолами, и силою, противъ воли, увлекаютъ его къ совершенію грѣха. И такъ, если кто добровольно предаетъ себя плотскому наслажденію, то онъ и противъ воли принужденъ бываетъ идти въ Ассирію и работать Навуходоносору. Зная сіе, Пророкъ съ соболѣзнованіемъ говоритъ имъ: не входите во Египетъ. Что вы дѣлаете, несчастные? смиритесь (хотя) мало, склоните *рамена ваша, служите царю Вавилонскому, и сидите на земли отцевъ вашихъ* (Іер. 42, 19. 27, 12). Потомъ утѣшаетъ ихъ, говоря: *не убойтеся отъ лица его, яко Богъ съ нами есть, еже избавляти насъ отъ руки его* (Іер. 42, 11). Далѣе предсказываетъ и скорбь, которая ихъ постигнетъ, если они не покорятся Богу. *Аще бо внидете*, говоритъ онъ: *во Египетъ, будете въ непроходимая и подручни въ клятву, и въ укоризну* (15. 18). Но они отвѣчали ему: *не сядемъ на земли сей, но въ землю Египетску внидемъ, и не узримъ рати, и гласа трубнаго не услышимъ, и о хлѣбахъ не взалчемъ* (13. 14). И такъ они пошли и добровольно служили Фараону, а потомъ насильно уведены были въ Ассирію и служили Ассиріянамъ уже неволею.

Вникните умомъ, что я говорю: прежде чѣмъ кто-либо станетъ дѣйствовать по страсти, хотя бы и воз-

*) Достоп. сказанія стр. 297. Нерѣдко говорится, что страсти *гнѣздятся* въ человѣкѣ.

ставали противъ него помыслы, онъ еще въ своемъ городѣ, онъ свободенъ, и имѣетъ себѣ помощника въ Богѣ; и такъ если онъ смирится предъ Богомъ, понесетъ иго скорби и искушенія съ благодарностію и немного поборется, то помощь Божія освободитъ его. Если же онъ будетъ убѣгать труда и предастся плотскому наслажденію *), тогда насильственно и принужденно уведенъ будетъ въ землю Ассиріянъ, и по неволѣ будетъ служить имъ. Тогда уже Пророкъ говоритъ имъ: молитеся за житіе Навуходоносора, ибо въ жизни его заключается ваше спасеніе (Варуха 1, 11. 12). Молиться о жизни Навуходоносора значитъ, что человѣкъ не долженъ малодушествовать въ печали, происшедшей отъ случившагося съ нимъ искушенія, и не уклоняться отъ него, но переносить его со смиреніемъ, считая, что онъ долженъ былъ потерпѣть это. Пусть онъ признаетъ себя недостойнымъ освободиться отъ тяготы, но болѣе (достойнымъ) того, чтобы искушеніе продолжалось и укрѣпилось противъ него. И сознаетъ ли онъ въ себѣ вину, или въ настоящее время не сознаетъ, онъ долженъ вѣровать, что у Бога ничего не бываетъ безъ суда или неправедно, какъ говорилъ одинъ братъ, скорбя и плача о томъ, что Богъ взялъ отъ него искушеніе: „Господи, ужели я недостоинъ и мало поскорбѣть?"

Повѣствуется также, что ученика великаго Старца постигла плотская брань, и Старецъ, видя труды его, сказалъ ему: „хочешь ли, я помолюсь Богу, чтобы Онъ облегчилъ тебѣ сію брань?" Но ученикъ отвѣчалъ: „хотя я и тружусь, Отче, но вижу въ себѣ плодъ

*) Въ греч.: упокоенію.

отъ труда: и такъ лучше моли Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ терпѣніе." Таковы суть истинно хотящіе спастись: вотъ что значитъ носить со смиренномудріемъ иго искушенія и молиться о жизни Навуходоносора. Посему Пророкъ и говоритъ: „въ жизни его заключается ваше спасеніе." Сказанное братомъ, „вижу въ себѣ плодъ отъ труда," подобно изреченію: „въ жизни его заключается ваше спасеніе," что подтверждаетъ и Старецъ, сказавъ: „теперь я позналъ, что ты преуспѣваешь и превосходишь меня." Ибо когда человѣкъ будетъ подвизаться съ усиліемъ противъ грѣха и начнетъ бороться и противу страстныхъ помышленій (возникающихъ) въ душѣ, то онъ смиряется, сокрушается, подвизается и, очищаясь мало по малу скорбями подвиговъ, приходитъ въ свое естественное (состояніе). И такъ, какъ мы уже сказали, если искушаемый страстію смущается, (то сіе происходитъ) отъ неразумія и гордости, но онъ долженъ лучше со смиреніемъ познать свою мѣру, и терпѣливо пребывать въ молитвѣ, пока Богъ сотворитъ съ нимъ милость. Ибо, если кто не подвергнется искушеніямъ и не испытаетъ скорби отъ страстей, тотъ и не подвизается о томъ, какъ-бы отъ нихъ очиститься. О семъ говоритъ и Псалмопѣвецъ: *внегда прозябоша грѣшницы яко трава, и проникоша вси дѣлающіи беззаконіе, яко да потребятся въ вѣкъ вѣка* (Пс. 91, 8). Грѣшники, прозябающіе яко трава, суть страстныя помышленія, ибо трава слаба и не имѣетъ силы. И такъ когда прозябаютъ въ душѣ страстныя помышленія, тогда *проникаютъ*, т. е. познаются *вси дѣлающіе беззаконіе*, т. е. страсти. *яко да потребятся въ вѣкъ вѣка:* ибо когда страсти сдѣлаются явными для подвизающихся, тогда

онѣ истребляются ими. Вникните въ послѣдовательность рѣчи: сперва прозябаютъ страстныя помышленія, потомъ возникаютъ страсти, и тогда уже истребляются. Все сіе относится къ подвизающимся: мы же, согрѣшающіе самымъ дѣломъ и всегда исполняющіе страсти, даже и не знаемъ, когда прозябаютъ страстныя помышленія, когда возникаютъ страсти, чтобы начать подвизаться противъ нихъ, но мы повержены долу, еще находимся въ Египтѣ, (занятые) унизительнымъ плиноѳотвореніемъ *) Фараоновымъ: но кто поможетъ намъ придти по крайней мѣрѣ къ сознанію горькаго рабства нашего, чтобы мы смирились и стали искать помилованія?

Когда сыны Израилевы были въ Египтѣ, въ рабствѣ у Фараона, тогда они дѣлали кирпичи, а дѣлающіе кирпичи всегда преклонены долу и смотрятъ въ землю: такъ и душа, если ею овладѣетъ діаволъ, и она совершаетъ грѣхъ на самомъ дѣлѣ, то попираетъ свой разумъ и не мудрствуетъ ни о чемъ духовномъ, но всегда мудрствуетъ о земномъ и дѣлаетъ земное. Потомъ (Израильтянѣ) изъ кирпичей, ими сдѣланныхъ, построили Фараону три крепкіе города: Пиѳонъ, Рамессинъ и Онъ или Иліополь, т. е. солнечный градъ. Это суть: сластолюбіе, славолюбіе и сребролюбіе, отъ которыхъ происходитъ всякій грѣхъ.

Когда же Богъ послалъ Моусея извести ихъ изъ Египта и рабства Фараонова, то Фараонъ еще болѣе обременилъ ихъ работою и говорилъ имъ: *праздни есте, сего ради глаголете: да идемъ и пожремъ Господу Богу нашему* (Исх. 5. 17), Также и діаволъ, ког-

*) Дѣланіемъ кирпичей.

да видитъ, что Богъ умилосердился надъ душею, готовъ ее помиловать и облегчить ее отъ бремени страстей словомъ Своимъ, или чрезъ кого-либо изъ рабовъ Своихъ, тогда и діаволъ болѣе отягощаетъ ее страстями и сильнѣе боретъ ее. Но Отцы, зная сіе, укрѣпляютъ человѣка своимъ ученіемъ и недопускаютъ его предаваться боязни. Одинъ говоритъ: „ты палъ? возстань, и если опять палъ, опять возстань“ и проч. Другой также говоритъ: „крѣпость желающихъ стяжать добродѣтели состоитъ въ томъ, чтобы не малодушествовать, если падутъ, и не приходить въ отчаяніе, но опять бороться“. Однимъ словомъ, каждый изъ нихъ различнымъ образомъ, одинъ такъ, другой иначе подаютъ руку подвизающимся и оскорбляемымъ отъ врага. Ибо и они приняли сіе отъ Божественнаго Писанія, которое говоритъ: *еда падаяй не востанетъ? или отвращаяйся не обратится* (Іер. 8, 5) *Вдзвратитеся* ко Мнѣ, *сынове, и исцѣлю сокрушенія ваша, глаголетъ Господь*, и тому под. (Іерем. 3, 22).

Когда же рука Божія отяготѣла надъ Фараономъ и надъ слугами его, и онъ рѣшился отпустить сыновъ Израилевыхъ, то сказалъ Моусею: *идите послужите Господу Богу вашему: токмо овцы и волы оставите* (Исх. 10, 24), чѣмъ означаются умственныя помышленія, которыми Фараонъ хотѣлъ обладать, надѣясь чрезъ нихъ опять привлечь къ себѣ сыновъ Израилевыхъ. Моусей отвѣчалъ ему: *ни, но и ты намъ даси жертвы и всесожженія, яже сотворимъ Господу Богу нашему; и скотъ нашъ пойдетъ съ нами, и не оставимъ и копыта* (25, 26). Когда же Моусей извелъ сыновъ Израилевыхъ изъ земли Египетской, и провелъ ихъ черезъ Черное море; то Богъ, хотя привести ихъ

туда, гдѣ было семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ и двѣнадцать источниковъ воды, сперва привелъ ихъ въ Мерру, гдѣ народъ скорбѣлъ, не находя, что пить, ибо та вода была горька, и уже черезъ Мерру привелъ ихъ на мѣсто семидесяти финиковыхъ деревьевъ и двѣнадцати источниковъ воды. Такъ и душа, когда перестанетъ исполнять грѣхи на самомъ дѣлѣ и перейдетъ мысленное море, сперва должна потрудиться въ подвигахъ и многихъ скорбяхъ, и такъ черезъ скорби войти въ святый покой: ибо *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). Скорби привлекаютъ къ душѣ милость Божію, подобно тому какъ вѣтры наносятъ дождь. И какъ продолжительный дождь, дѣйствуя на нѣжное растеніе, производитъ въ немъ гніеніе и портитъ плодъ его, а вѣтры постепенно осушаютъ и укрѣпляютъ оное: такъ бываетъ и съ душею: нерадѣніе, безпечность и покой разслабляютъ и разсѣиваютъ ее, искушенія же напротивъ скрѣпляютъ и соединяютъ съ Богомъ, какъ говоритъ Пророкъ: *Господи, въ скорби помянухомъ Тя* (Исаія 33, 2). Посему-то, какъ мы сказали, намъ не должно ни смущаться, ни унывать въ искушеніяхъ, но надобно терпѣть и благодарить въ скорбяхъ, и всегда молиться Богу со смиреніемъ, чтобы Онъ сотворилъ милость съ немощію нашею и покрылъ насъ отъ всякаго искушенія во славу Его. Ибо Ему подобаетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

о созиданіи и совершеніи душевнаго дома добродѣтелей.

Писаніе упоминаетъ о повивальныхъ бабкахъ, которыя оставляли въ живыхъ дѣтей Израильскихъ мужескаго пола, что, *понеже бояхуся бабы Бога, сотвориша себѣ жилища* (Исх. 1, 21). О чувственныхъ ли жилищахъ говорится здѣсь? И какой имѣетъ смыслъ: созидать себѣ домы по страху Божію? Мы (дѣлаемъ) противное: насъ учатъ оставлять ради страха Божія иногда и тѣ дома, которые имѣемъ. Писаніе говоритъ (здѣсь) не о чувственныхъ жилищахъ, но о домѣ душевномъ, который созидаетъ себѣ человѣкъ соблюденіемъ заповѣдей Божіихъ. Писаніе научаетъ симъ, что страхъ Божій побуждаетъ душу къ храненію заповѣдей, и посредствомъ заповѣдей созидается домъ душевный. Будемъ и мы, братія, внимательны къ самимъ себѣ, убоимся и мы Бога, и созиждемъ себѣ домы, чтобы найти защиту во время зимы, во время дождей, молній и громовъ, потому что великое бѣдствіе терпитъ зимою неимѣющій дома. Какъ же созидается домъ душевный? Изъ постройки чувственнаго дома можемъ въ точности научиться сему дѣлу. Ибо кто хочетъ построить такой домъ, тотъ долженъ отвсюду укрѣпить его и съ четырехъ

сторонъ возводить стѣну, а не объ одной только сторонѣ заботиться, другія же оставить въ небреженіи: потому что иначе онъ не получитъ никакой пользы, но понапрасну утратитъ все: намѣреніе и издержки и трудъ. Такъ бываетъ и относительно души: ибо человѣкъ, желающій создать душевный домъ, не долженъ нерадѣть ни объ одной сторонѣ своего зданія, но ровно и согласно возводить оное. Сіе-то значитъ сказанное Аввою Іоанномъ: „я хочу, чтобы человѣкъ каждый день пріобрѣталъ понемногу отъ всякой добродѣтели", а не такъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, кои, держась одной добродѣтели и пребывая въ ней, только ее одну и исполняютъ, а о прочихъ не заботятся. Можетъ быть, что они и по навыку имѣютъ сію добродѣтель, или по естественному свойству *), потому и не тревожитъ ихъ противоположная страсть: а сверхъ того они незамѣтно увлекаются другими страстями и бываютъ тревожимы ими, но не заботятся о нихъ, а напротивъ думаютъ, что обладаютъ чѣмъ-то великимъ. Таковые подобны человѣку, который строитъ одну только стѣну, и возводитъ ее сколь возможно выше и, взирая лишь на высоту этой стѣны, думаетъ, что онъ совершилъ нѣчто великое, а не знаетъ того, что если хотя однажды подуетъ вѣтеръ, то онъ повалитъ ее, ибо она стоитъ одна и не имѣетъ связи съ другими стѣнами. Притомъ же никто не можетъ себѣ устроить защиты изъ одной стѣны, потому что со всѣхъ другихъ сторонъ она открыта. Но поступать такъ неразумно; а напротивъ желающій построить себѣ домъ и сдѣлать себѣ защиту долженъ строить его со всѣхъ четырехъ сторонъ и утверждать отвсюду. И объясню вамъ, какимъ это образомъ.

*) Въ слав. негли же и первенство нѣкое имутъ въ сей добродѣтели.

Сперва должно быть положено основаніе, то есть вѣра: ибо *безъ вѣры*, какъ говоритъ Апостолъ, *не возможно угодити* Богу (Евр. 11, 6), и потомъ на семъ основаніи человѣкъ долженъ строить зданіе равномѣрно: случилось ли послушаніе, онъ долженъ положить одинъ камень послушанія; встрѣтилось ли огорченіе отъ брата, долженъ положить одинъ камень долготерпѣнія; представился ли случай къ воздержанію, долженъ положить одинъ камень воздержанія. Такъ отъ всякой добродѣтели, для которой представляется случай, должно полагать въ зданіе по одному камню и такимъ образомъ возводить оное со всѣхъ сторонъ, (полагая) то камень сострадапія, то камень отсѣченія своей воли, то камень кротости и т.-п. И при всемъ томъ должно позаботиться о терпѣніи и мужествѣ: ибо онѣ суть краеугольные камни, ими связывается зданіе и соединяется стѣна со стѣною, почему онѣ и не наклоняются, и не отдѣляются одна отъ другой. Безъ терпѣнія и мужества никто не можетъ совершить ни одной добродѣтели. Ибо если кто не имѣетъ мужества въ душѣ, тотъ не будетъ имѣть и терпѣнія; а у кого нѣтъ терпѣнія, тотъ рѣшительно ничего не можетъ совершить. Поэтому и сказано: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19).

Строющій долженъ также на каждый камень класть известь: ибо если онъ положитъ камень на камень безъ извести, то камни выпадутъ и домъ обрушится. Известь есть смиреніе, потому что она берется изъ земли и находится у всѣхъ подъ ногами. А всякая добродѣтель, совершаемая безъ смиренія, не есть до-

бродѣтель. О семъ сказано и въ Отечникѣ: „какъ корабль нельзя построить безъ гвоздей, такъ и спастись нельзя безъ смиренномудрія". И такъ, каждый долженъ все, что онъ ни дѣлаетъ добраго, дѣлать со смиреніемъ, чтобы смиреніемъ сохранить сдѣланное. Домъ долженъ имѣть и такъ называемыя связи, кои суть разсужденіе: оно утверждаетъ строеніе, соединяетъ камень съ камнемъ и связываетъ стѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ дому и большую красоту. Кровля же есть любовь, которая составляетъ совершенство добродѣтелей, такъ же какъ и кровля—верхъ дома. Потомъ послѣ кровли перила кругомъ ея. Что же значатъ перила кругомъ кровли? Въ Законѣ написано о семъ: если построите домъ и сдѣлаете на немъ кровлю, то сдѣлайте около кровли перила, чтобы дѣти ваши не падали съ кровли (Второз. 22, 8). Перила*) суть смиреніе, потому что оно ограждаетъ и охраняетъ всѣ добродѣтели; и какъ каждая добродѣтель должна быть соединена со смиреніемъ, подобно тому, какъ мы сказали, что надъ каждымъ камнемъ полагается известь, такъ и для совершенства добродѣтели нужно смиреніе; ибо и Святые, преуспѣвая, естественно приходятъ въ смиреніе, какъ я всегда говорю вамъ, что чѣмъ болѣе кто приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ. Что же суть дѣти, о которыхъ сказалъ Законъ, чтобы онѣ не падали съ кровли? Дѣти суть помышленія, бывающія въ душѣ, которыя должно хранить смиреніемъ же, чтобы они не упали съ кровли зданія.

---

*) Такія перила устраиваются на Востокѣ, гдѣ крыши дѣлаются въ родѣ террасы.

Вотъ домъ оконченъ, имѣетъ связи, имѣетъ кровлю, о которой мы сказали, что она есть совершенство добродѣтелей, вотъ и окружающія ее перила, и однимъ словомъ: домъ готовъ. Но ненужно ли ему еще что-нибудь? Да, мы не упомянули еще объ одномъ. Что же это такое? Чтобы зодчій былъ искусенъ, ибо если онъ неискусенъ, то онъ покривитъ немного стѣну, и домъ когда-нибудь обрушится. Искусенъ тотъ, кто разумно совершаетъ (добродѣтели); ибо случается, что иной и подъемлетъ трудъ добродѣтели, но отъ того, что неразумно совершаетъ трудъ сей, онъ самъ губитъ его, или постоянно портитъ дѣло и не можетъ окончить его; но строитъ и разрушаетъ, и кладетъ одинъ камень, и снимаетъ его, иногда же полагаетъ одинъ и снимаетъ два. Напримѣръ, вотъ пришелъ одинъ братъ и сказалъ тебѣ слово, оскорбляющее или огорчающее тебя; если ты смолчишь и поклонишься ему, то ты положилъ одинъ камень. Потомъ ты идешь и говоришь другому брату: „такой-то мнѣ досадилъ и сказалъ мнѣ то-то и то-то, а я не только смолчалъ, но и поклонился ему". Вотъ ты одинъ камень положилъ, и два камня снялъ. Опять иной поклонится, желая тѣмъ заслужить похвалу, и (въ немъ) оказывается смиреніе, смѣшанное съ тщеславіемъ: сіе значитъ положить камень и снять его. А кто разумно дѣлаетъ поклонъ, тотъ твердо увѣренъ, что онъ согрѣшилъ, и вполнѣ убѣжденъ, что онъ самъ виноватъ: вотъ что значитъ разумно сдѣлать поклонъ. Другой хранитъ молчаніе, но не разумно, ибо онъ думаетъ, что совершаетъ добродѣтель, между тѣмъ какъ вовсе не совершаетъ ее. А разумно молчащій думаетъ, что онъ недостоинъ говорить, какъ сказали Отцы, и

это есть разумное молчаніе. Опять иной не считаетъ себя (лучше другихъ) и думаетъ, что онъ дѣлаетъ нѣчто великое и что онъ смиряется; но не знаетъ, что онъ ничего не имѣетъ, потому что неразумно дѣйствуетъ, а кто разумно не считаетъ себя (лучше другихъ), тотъ думаетъ, что онъ ничто и что онъ недостоинъ быть въ числѣ людей, какъ говорилъ о себѣ и авва Моусей *): „чернокожій! ты не человѣкъ, зачѣмъ же ты являешься между людьми?“

Опять иной служитъ больному, но служитъ для того, чтобы имѣть награду; это также неразумно. И потому если съ нимъ случится что-либо скорбное, то это легко удаляетъ его отъ сего добраго дѣла, и онъ не достигаетъ конца его, потому что дѣлаетъ оное неразумно. А разумно служащій служитъ для того, чтобы пріобрѣсти милостивое сердце, чтобы пріобрѣсти чувство состраданія: ибо кто имѣетъ такую цѣль, тотъ, что бы ни случилось съ нимъ, скорбь ли извнѣ, или самъ больной помалодушествуетъ противъ него, онъ безъ смущенія переноситъ все это, взирая на свою цѣль и зная, что болѣе больной благотворитъ ему, нежели онъ больному. Повѣрьте, что кто разумно служитъ больнымъ, тотъ освобождается и отъ страстей, и отъ браней. Я знаю брата, который терпѣлъ брань отъ нечистыхъ помысловъ, и освободился отъ нея тѣмъ, что разумно служилъ больному, страдавшему водяною болѣзнью. И Евагрій говоритъ о нѣкоемъ великомъ Старцѣ, что онъ одного изъ братій, смущаемаго ночными мечтаніями, освободилъ отъ таковыхъ

*) См. Дост. Сказ. о подвижнич. св. и блаж. Отцевъ, изд. 1845, стр. 157.

мечтаній, повелѣвъ ему поститься и служить больнымъ; и вопрошаемый о семъ говорилъ, что сіи страсти ничѣмъ такъ не погашаются, какъ состраданіемъ.

Также, если кто постится или по тщеславію, или думая въ себѣ, что онъ совершаетъ добродѣтель, таковый постится неразумно, и потому начинаетъ послѣ укорять брата своего, почитая себя чѣмъ-то великимъ; и оказывается, что онъ не только положилъ одинъ камень и снялъ два, но и находится въ опасности разрушить всю стѣну чрезъ осужденіе ближняго. А кто разумно постится, тотъ не думаетъ, что онъ совершаетъ добродѣтель, и не хочетъ, чтобы его хвалили, какъ постника, но думаетъ, что чрезъ воздержаніе пріобрѣтетъ цѣломудріе, а посредствомъ сего придетъ въ смиреніе, какъ говорятъ Отцы: „путь къ смиренію суть труды тѣлесные, совершаемые разумно“ и проч. И, однимъ словомъ, каждую добродѣтель человѣкъ долженъ совершать такъ разумно, чтобы усвоить ее себѣ и обратить въ навыкъ, и (таковый) оказывается, какъ мы сказали, искуснымъ художникомъ, зодчимъ, могущимъ прочно строить свой домъ.

И такъ желающій, съ помощію Божіею, достигнуть такого благаго устроенія не долженъ говорить, что добродѣтели велики, и онъ не можетъ достигнуть ихъ, ибо кто такъ говоритъ, тотъ или не уповаетъ на помощь Божію, или лѣнится посвятить себя чему-либо доброму. Назовите какую хотите добродѣтель; мы разсмотримъ ее, и вы увидите, что отъ насъ зависитъ исполнить ее, если хотимъ. Такъ Писаніе говоритъ: *возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе* (Левит. 19, 18. Мат. 5, 43). Не обращай вниманія на то, какъ

далеко ты отстоишь отъ сей добродѣтели, чтобы не начать ужасаться и говорить: какъ могу я возлюбить ближняго, какъ самого себя? Могу ли заботиться о его скорбяхъ, какъ о своихъ собственныхъ, и особенно о сокрытыхъ въ сердцѣ его, которыхъ не вижу и не знаю, подобно своимъ? Не увлекайся такими размышленіями и не думай, чтобы добродѣтель превышала твои силы и была неудобоисполнима, но положи только начало съ вѣрою въ Бога, покажи Ему твое произволеніе и стараніе, и увидишь помощь, которую Онъ подастъ тебѣ для совершенія добродѣтели. Представь себѣ двѣ лѣстницы: одна возводитъ въ верхъ на небо, другая низводитъ въ адъ, а ты стоишь на землѣ посреди обѣихъ лѣстницъ. Не думай же и не говори: какъ могу я возлетѣть отъ земли и очутиться вдругъ на высотѣ неба, т.-е. на верху лѣстницы. Это невозможно, да и Богъ не требуетъ сего отъ тебя; но берегись по крайней мѣрѣ, чтобы не сойти внизъ. Не дѣлай зла ближнему, не огорчай его, не клевещи, не злословь, не уничижай, не укоряй, и такимъ образомъ начнешь послѣ, мало по малу, и добро дѣлать брату своему, утѣшая его словами, сострадая ему, или давая ему то, въ чемъ онъ нуждается: и такъ, поднимаясь съ одной ступени на другую, достигнешь съ помощію Божіею и верха лѣстницы. Ибо, мало по малу, помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, какъ своей собственной, и его успѣха, какъ своего собственнаго. Сіе и значитъ возлюбить ближняго своего, какъ самого себя.

Если будемъ искать, то найдемъ, и если будемъ просить Бога, то Онъ просвѣтитъ насъ: ибо въ свя-

томъ Евангеліи сказано: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ* (Матѳ. 7, 7). Сказано: *просите*, для того, чтобы мы призывали Его въ молитвѣ; а *ищите* значитъ, чтобы мы испытывали, какимъ образомъ приходитъ самая добродѣтель, что ее приноситъ, что мы должны дѣлать для пріобрѣтенія ея; такъ всегда *) испытывать и значитъ: *ищите и обрящете*. А *толцыте* значитъ исполнять заповѣди, ибо каждый, кто толкаетъ, толкаетъ руками, а руки означаютъ дѣятельность. И такъ, мы должны не только просить, но искать и дѣйствовать, стараясь, какъ сказалъ Апостолъ, *быть готовыми на всякое благое дѣло* (2 Кор. 9, 8. 2 Тим. 3, 17). Что значитъ быть готовымъ? Когда кто хочетъ построить корабль, то онъ сперва готовитъ все нужное для корабля, даже до малѣйшихъ гвоздей, смолы и пакли. Также если женщина хочетъ ткать полотно, то она сперва готовитъ все до малой нитки; это и называется быть готовымъ, т.-е. имѣть въ готовности все нужное для дѣла. Будемъ и мы такимъ образомъ *уготованы на всякое дѣло благое*, имѣя полную готовность разумно исполнять волю Божію, какъ Онъ хочетъ и какъ Ему угодно. Что значитъ сказанное Апостоломъ: *воля Божія и благая, и угодная, и совершенная?* (Рим. 12, 2). Все бывающее бываетъ или по благоволенію Божію, или попустительно, какъ сказано у Пророка: *Азъ Господь, устроивый свѣтъ и сотворивый тьму* (Ис. 45, 7). И еще: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори* (Ам. 3, 6). Зломъ здѣсь названо все, что отягощаетъ насъ, т.-е. все скорбное, бывающе къ нака-

*) Въ греч.: ежедневно.

занію нашему, за порочность нашу, какъ-то голодъ моръ, землетрясеніе, бездождіе, болѣзни, брани, все сіе бываетъ не по благоволенію Божію, но попустительно, когда Богъ попускаетъ этому находить на насъ для нашей пользы. Но Богъ не хочетъ, чтобы мы сего желали или сему содѣйствовали. Напримѣръ, какъ я сказалъ, бываетъ попустительная воля Божія на то, чтобы городъ былъ разоренъ, но Богъ не хочетъ, чтобы мы, - поелику есть Его воля на разореніе города, - сами положили огонь и подожгли оный, или чтобы мы взяли топоры и стали разрушать его. Также Богъ попускаетъ, чтобы кто-нибудь находился въ печали или въ болѣзни, но хотя воля Божія и такова, чтобы онъ печалился, но Богъ не хочетъ, чтобы и мы опечаливали его, или чтобы сказали: такъ какъ есть воля Божія на то, чтобы онъ былъ боленъ, то не будемъ жалѣть его. Этого Богъ не хочетъ; не хочетъ, чтобы мы служили таковой Его волѣ. Онъ желаетъ напротивъ видѣть насъ столь благими, чтобы мы не хотѣли того, что Онъ дѣлаетъ попустительно. Но чего Онъ хочетъ? Хочетъ, чтобы мы желали воли Его благой, бывающей, какъ я сказалъ, по благоволенію, то есть всего того, что дѣлается по Его заповѣди: чтобы любить другъ друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное: вотъ воля Божія *благая*. Что же значитъ *и благоугодная?* Не всякій дѣлающій что-либо благое дѣлаетъ это благоугодно Богу. И скажу вамъ, какъ (это бываетъ). Случается что кто-нибудь находитъ сироту убогую и красивую собою; она нравится ему по красотѣ своей, и онъ беретъ ее и воспитываетъ, какъ сироту убогую, но вмѣстѣ какъ и красивую собою. Вотъ это и воля Бо-

жія, *благая*, но не *благоугодная*. А *благоугодная* та, когда кто дѣлаетъ милостыню, не по какому-нибудь побужденію человѣческому, но ради самаго добра, изъ одного состраданія: сіе благоугодно Богу. Совершенная же (воля Божія) есть та, когда кто творитъ милостыню, не со скупостію, не съ лѣностію, не съ понужденіемъ, но всею силою и всѣмъ произволеніемъ, подавая такъ, какъ будто бы принималъ самъ, и такъ благодѣтельствуя, какъ будто бы самъ принималъ благодѣянія: тогда исполняется *совершенная* (воля Божія). Такъ исполняетъ человѣкъ волю Божію, какъ говоритъ Апостолъ, *благую и благоугодную и совершенную*. Это значитъ разумно исполнять ее. Но должно знать и самое благо милостыни, самую благодать ея, - она столь велика, что можетъ прощать и грѣхи, какъ говоритъ Пророкъ: *избавленіе мужу свое ему богатство* (Притч. 13, 8). И опять въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *грѣхи твои милостынями искупи* (Дан. 4, 24). И самъ Господь сказалъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть* (Лук. 6, 36). Не сказалъ: поститесь, какъ и Отецъ вашъ небесный постится. Не сказалъ: будьте нестяжательны, какъ Отецъ вашъ небесный нестяжателенъ. Но что говоритъ? *Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть*, ибо сія добродѣтель особенно подражаетъ Богу и уподобляетъ Ему человѣка. И такъ всегда должно, какъ мы сказали, взирать на эту цѣль и разумно дѣлать добро: ибо и въ цѣли милостыни есть великое различіе. Иной подаетъ милостыню для того, чтобы благословилось поле его, и Богъ благословляетъ его поле и онъ достигаетъ своей цѣли. Другой подаетъ милостыню для того, чтобы спасся его корабль, и

и Богъ спасаетъ корабль его. Иной подаетъ ее за дѣтей своихъ и Богъ спасаетъ и хранитъ дѣтей его. Другой подаетъ ее для того, чтобы прославиться, и Богъ прославляетъ его. Ибо Богъ не отвергаетъ никого, но каждому подаетъ то, чего онъ желаетъ, если только это не вредитъ душѣ его. Но всѣ сіи уже получили награду свою, и Богъ ничего не долженъ имъ, потому что они ничего не искали себѣ у Него, и цѣль, которая была у нихъ въ виду, не имѣла отношенія къ ихъ душевной пользѣ. Ты сдѣлалъ это для того, чтобы благословилось поле твое, и Богъ благословилъ твое поле; ты сдѣлалъ сіе за дѣтей своихъ, и Богъ сохранилъ дѣтей твоихъ. Ты сдѣлалъ это, чтобы прославиться, и Богъ прославилъ тебя. И такъ что же долженъ тебѣ Богъ? Онъ отдалъ тебѣ плату, за которую ты дѣлалъ.

Иной подаетъ милостыню для того, чтобы избавиться отъ будущаго мученія: этотъ подаетъ ее для (пользы) души своей: этотъ подаетъ ради Бога, однакоже и онъ не таковъ, какъ хочетъ Богъ, ибо онъ еще находится въ состояніи раба, а рабъ не добровольно исполняетъ волю господина своего, но боясь быть наказаннымъ: также и сей подаетъ милостыню для того, чтобы избавиться отъ мученія, и Богъ избавляетъ его отъ онаго. Другой подаетъ милостыню для того, чтобы получить награду: сей выше перваго, но и этотъ не таковъ, какъ хочетъ Богъ: ибо онъ еще не находится въ состояніи сына, но, какъ наемникъ, исполняетъ волю господина своего, чтобы получить отъ него плату и прибыль: также и сей подаетъ (милостыню) для того, чтобы пріобрѣсти и получить награду отъ Бога. Ибо тремя образами, какъ говоритъ Ва-

силій Великій, можемъ мы дѣлать доброе, какъ я и прежде упоминалъ вамъ: или дѣлаемъ доброе, боясь мученій, и тогда мы находимся въ степени раба; или для того, чтобы получить награду, и тогда мы находимся въ степени наемника, или дѣлаемъ доброе ради самаго добра, и тогда находимся на степени сына: ибо сынъ исполняетъ волю отца не изъ страха и не потому, что хочетъ получить отъ него награду, но желая угодить ему, почтить и успокоить его. Такъ и мы должны подавать милостыню ради самаго добра, сострадая другъ другу, какъ своимъ членамъ, и такъ угождать другимъ, какъ бы мы сами принимали отъ нихъ услуги; подавать такъ, какъ будто бы мы сами получаемъ; и вотъ сіе-то есть разумная милостыня; такъ приходимъ мы въ степень сына, какъ мы выше сказали. Никто не можетъ сказать: „я нищъ, и мнѣ не изъ чего подавать милостыню:“ ибо если ты не можешь дать столько, сколько оные богачи, влагавшіе дары свои въ сокровищницу, то дай двѣ лепты, подобно оной убогой вдовицѣ, и Богъ приметъ это отъ тебя лучше, чѣмъ дары оныхъ богатыхъ (Марк. 12, 42. Лук. 21, 2). Если и того не имѣешь, имѣешь силу и можешь служеніемъ оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Можешь словомъ утѣшить брата своего; и такъ окажи ему милосердіе словомъ, и услышь сказанное: *слово благо паче даянія* (Сир. 18, 17). Если же и словомъ не можешь помочь ему, то можешь, когда огорчится на тебя братъ твой, оказать ему милость и потерпѣть ему во время его смущенія, видя его искушаемымъ отъ общаго врага, и вмѣсто того, чтобы сказать ему одно слово, и тѣмъ болѣе смутить его, (ты можешь) промолчать: симъ окажешь

ему милость, избавляя душу его отъ врага. Можешь также, когда согрѣшитъ передъ тобою братъ твой, помиловать его и простить ему грѣхъ его, чтобы и ты получилъ прощеніе отъ Бога; ибо сказано: *отпущайте и отпустится вамъ* (Лук. 6, 37): и такъ ты окажешь милость душѣ брата своего, прощая его, въ чемъ онъ согрѣшилъ противъ тебя, ибо Богъ далъ намъ власть, если хотимъ, прощать другъ другу согрѣшенія, между нами случающіяся. И такимъ образомъ, не имѣя, чѣмъ оказать милосердіе къ тѣлу, милуешь душу его. А какая милость болѣе той, чтобы помиловать душу? И какъ душа драгоцѣннѣе тѣла, такъ и милость, оказанная душѣ, больше оказанной тѣлу.

И потому никто не можетъ сказать: „я не могу оказать милости,“ ибо каждый, по силѣ своей и по душевному устроенію, можетъ оказывать милость: пусть только каждый постарается то доброе, которое онъ дѣлаетъ, дѣлать разумно, какъ мы упоминали выше, относительно каждой добродѣтели. Ибо мы сказали, что кто оныя совершаетъ разумно, тотъ искусный художникъ, прочно созидающій домъ свой. О семъ и Евангеліе говоритъ (Мат. 7, 24), что мудрый созидаетъ храмину свою на камнѣ, и никакое противодѣйствіе не можетъ поколебать ея. Богъ человѣколюбецъ да подастъ намъ слышать и исполнять то, что слышимъ, чтобы слова сіи не послужили намъ на осужденіе въ день суда. Ибо Ему подобаетъ слава во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

о святой четыредесятницѣ.

Въ Законѣ написано, что Богъ повелѣлъ сынамъ Израилевымъ каждый годъ давать десятину изъ всего, что они пріобрѣтали и, дѣлая такъ, они имѣли благословеніе во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Зная сіе, святые Апостолы установили и предали на помощь намъ, и какъ благодѣяніе душамъ нашимъ, еще нѣчто большее и высочайшее, чтобы мы отдѣляли десятину отъ самыхъ дней жизни нашей и посвящали ее Богу: дабы и мы такимъ образомъ получили благословеніе на всѣ дѣла наши, и ежегодно очищали грѣхи, сдѣланные нами въ теченіе цѣлаго года. Разсудивъ такъ, они освятили намъ изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти дней года сіи семь недѣль святой Четыредесятницы. Такимъ образомъ отдѣлили они сіи семь недѣль; но со временемъ Отцы заблагоразсудили прибавить къ нимъ и еще одну недѣлю: во первыхъ для того, чтобы желающіе вступить въ подвигъ поста въ теченіи сей недѣли пріучались и какъ бы пріуготовлялись къ оному; во вторыхъ для того, чтобы почтить число дней поста Четыредесятницы, которую постился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Ибо отнявъ

отъ осьми недѣль субботы и воскресенья, получаемъ сорокъ дней, а постъ святой субботы почитается особеннымъ, потому что она есть священнѣйшая и единственная постная изъ всѣхъ субботъ года. А семь недѣль безъ субботъ и воскресныхъ дней составляютъ тридцать пять дней; потомъ приложивъ постъ святой Великой субботы и половину Свѣтлой и свѣтоносной ночи, получаемъ тридцать шесть дней съ половиною, что и составляетъ во всей точности десятую часть трехъ сотъ шестидесяти пяти дней года. Ибо десятая доля трехъ сотъ есть тридцать, десятая доля шестидесяти есть шесть, а десятую долю пяти составляетъ половина (Свѣтлаго дня). Вотъ, какъ мы сказали, тридцать шесть дней съ половиною; вотъ, такъ сказать, десятина всего лѣта, которую, какъ я сказалъ, освятили намъ святые Апостолы, для покаянія и очищенія грѣховъ всего года.

И такъ блаженъ, братія, кто хорошо и какъ должно сохранитъ себя въ сіи святые дни. Ибо хотя и случится ему, какъ человѣку, согрѣшить по немощи, или по нерадѣнію, но вотъ, Богъ далъ сіи святые дни для того, чтобы, если кто постарается со вниманіемъ и смиренномудріемъ позаботиться о себѣ и покаяться во грѣхахъ своихъ, онъ очистится отъ грѣховъ, которые сдѣлалъ въ продолженіе всего года. Тогда душа его освободится отъ тяготы, и такимъ образомъ онъ очищеннымъ достигнетъ святаго дня Воскресенія, и неосужденно причастится святыхъ Таинъ, сдѣлавшись чрезъ покаяніе въ сей святый постъ новымъ человѣкомъ. Таковый въ радости и веселіи духовномъ, при помощи Божіей, будетъ праздновать всю святую Пятидесятницу: ибо Пятдесятница,

какъ говорятъ Отцы, есть покой и воскресеніе души; сіе и означается тѣмъ, что мы во всю святую Пятидесятницу не преклоняемъ колѣнъ.

И такъ каждый, желающій въ сіи дни очиститься отъ грѣховъ, сдѣланныхъ имъ въ теченіи цѣлаго года, прежде всего долженъ удерживаться отъ множества яствъ, ибо безмѣріе пищи, какъ говорятъ Отцы, рождаетъ для человѣка всякое зло. Потомъ онъ долженъ также остерегаться, чтобы не нарушать поста безъ великой нужды, чтобы не искать вкусной пищи и чтобы не отягощать себя множествомъ пищи или питія. Ибо есть два вида чревоугодія. Первый, когда человѣкъ ищетъ пріятности пищи, и не всегда хочетъ ѣсть много, но желаетъ вкуснаго; и случается, что таковый, когда вкушаетъ яства, которыя ему нравятся, до того побѣждается ихъ пріятнымъ вкусомъ, что удерживаетъ снѣдь во рту, долго жуетъ ее и, по причинѣ пріятнаго вкуса, не рѣшается проглотить ее. Это называется по Гречески лемаргія—гортанобѣсіе. Иного опять боретъ многоядевіе, и онъ не желаетъ хорошихъ снѣдей, и не заботится о вкусѣ ихъ; но хороши ли онѣ, или нѣтъ, онъ хочетъ только ѣсть, и не разбираетъ, каковы онѣ; онъ заботится только о томъ, чтобы наполнить чрево свое: это называется гастримаргія, т. е. чревобѣсіе. Скажу вамъ и происхожденіе сихъ названій. Маргенинъ (μαργαίνειν)—бѣсноваться говорится Еллинскими учеными о бѣснующемся, а маргосъ (μάργος) называется бѣснующійся. И такъ, когда у кого-нибудь бываетъ сей недугъ, т. е. бѣснованіе о наполненіи чрева, тогда это называется гастримаргія, отъ словъ: μαργαίνειν—бѣситься, и γαστήρ—чрево, т. е. бѣсноваться о чревѣ. Когда же

бѣснованіе бываетъ только объ услажденіи гортани, то это называется лемаргія отъ λαιμὸς — гортань и μαργαίνειν — бѣситься. И такъ кто желаетъ очиститься отъ грѣховъ своихъ, тотъ долженъ съ большимъ вниманіемъ остерегаться и избѣгать сихъ (видовъ чревоугодія); ибо ими удовлетворяется не потребность тѣла, но страсть, и если кто предается имъ, то это вмѣняется ему въ грѣхъ. Какъ въ законномъ бракѣ и блудодѣяніи дѣйствіе бываетъ одно и тоже, но цѣль составляетъ различіе дѣла: ибо одинъ совокупляется для рожденія дѣтей, а другой для удовлетворенія своего сладострастія; тоже можно найти и въ отношеніи пищи: ѣсть по потребности и ѣсть для услажденія вкуса, дѣло одинаковое, а грѣхъ заключается въ намѣреніи. Ѣсть по потребности значитъ, когда кто-нибудь опредѣлитъ себѣ, сколько принимать пищи въ день: и если видитъ, что это опредѣленное имъ количество пищи отяготило его и нужно оное нѣсколько уменьшить, то онъ и уменьшаетъ его. Или, если оно не отяготило его, но и недостаточно для тѣла, такъ что надобно прибавить немного, онъ прибавляетъ нѣсколько. И такимъ образомъ, хорошо испытавъ свою потребность, слѣдуетъ потомъ опредѣленной (мѣрѣ) и вкушаетъ пищу, не для услажденія (вкуса), но желая поддержать силу своего тѣла. Однако и то немногое, употребляемое кѣмъ-либо въ пищу, должно принимать съ молитвою и осуждать себя въ помыслѣ своемъ, какъ недостойнаго никакой пищи и утѣшенія. Не должно также обращать вниманія на то, что другіе, по какой либо случающейся потребности или нуждѣ, бываютъ успокоены, чтобы и самому не пожелать покоя, и вообще не должно

думать, что успокоеніе (тѣла) легко для души. Однажды, когда я былъ еще въ общежитіи, пошелъ я посѣтить одного изъ Старцевъ, ибо тамъ было много великихъ Старцевъ, и нашелъ, что служащій ему братъ вмѣстѣ съ нимъ вкушалъ пищу. Увидѣвъ это, я сказалъ ему наединѣ: „развѣ ты не знаешь, братъ, что сіи Старцы, которые, какъ ты видишь, вкушаютъ пищу и дѣлаютъ себѣ по необходимости нѣкоторое снисхожденіе, подобны людямъ, кои пріобрѣли влагалище и, долго работая, клали (заработанное) въ то влагалище, пока не наполнили оное. Когда же наполнили и запечатали его, то опять стали работать себѣ на расходъ, и собрали еще по тысячѣ золотыхъ (монетъ), чтобы имѣть, откуда брать во время нужды, и сохранить то, что положено во влагалище. Такъ и сіи Старцы, долго работая, собрали себѣ сокровища въ юности своей и, запечатавъ оныя, выработали еще немного, чтобы имѣть это во время старости или немощи и брать изъ сего, а собранное прежде хранить сокровеннымъ. А мы не пріобрѣли еще и самаго влагалища. Изъ чего же станемъ мы тратить?“ Потому мы и должны, какъ я сказалъ, принимая пищу по тѣлесной потребности, осуждать самихъ себя и почитать себя недостойными всякаго утѣшенія и даже самой монашеской жизни, и не безъ воздержанія принимать (пищу): такимъ образомъ она не послужитъ намъ въ осужденіе. Сіе сказали мы о воздержаніи чрева. Но мы не въ пищѣ только должны соблюдать мѣру, но удерживаться и отъ всякаго другаго грѣха, чтобы, какъ постимся чревомъ, поститься намъ и языкомъ, удерживаясь отъ клеветы, отъ лжи, отъ празднословія, отъ уничтоженія, отъ гнѣва и однимъ

словомъ, отъ всякаго грѣха, совершаемаго языкомъ. Также (должно) поститься и глазами, т. е. не смотрѣть на суетныя (вещи), не давать глазамъ свободы, ни на кого не смотрѣть безстыдно и безъ страха. Также и руки, и ноги должно удерживать отъ всякаго злаго дѣла. Постясь такимъ образомъ, какъ говоритъ Василій Великій, постомъ благопріятнымъ, удаляясь отъ всякаго грѣха, совершаемаго всѣми нашими чувствами, мы достигнемъ святаго дня Воскресенія, сдѣлавшись, какъ мы сказали, новыми, чистыми и достойными причащенія Святыхъ Таинъ. Но сперва изыдемъ въ срѣтеніе Господу нашему Іисусу Христу, грядущему пострадать, и съ масличными и пальмовыми вѣтвями пріимемъ Его, сѣдящаго на жребяти осленъ и входящаго въ святый градъ Іерусалимъ.

Для чего (Господь) возсѣлъ на жребя? Онъ возсѣлъ на жребя для того, чтобы душу нашу, уподобившуюся, какъ говоритъ Пророкъ, скотамъ безсловеснымъ и несмысленнымъ, — яко слово Божіе, — обратить и покорить Своему Божеству. Что означаетъ, что Его срѣтаютъ съ пальмовыми и масличными вѣтвями? Когда кто пойдетъ на брань со врагомъ своимъ и возвратится побѣдителемъ, то всѣ (подданные) встрѣчаютъ его, какъ побѣдителя, съ пальмовыми вѣтвями: ибо пальмовыя вѣтви суть символъ побѣды. Также когда кто терпитъ обиды отъ другаго и хочетъ обратиться къ человѣку, который можетъ защитить его, то онъ приноситъ ему вѣтви масличныя, взывая и умоляя о помилованіи и поданіи помощи: ибо масличныя вѣтви суть символъ милости. Поэтому и мы встрѣчаемъ Владыку нашего Христа съ пальмовыми

вѣтвями, какъ побѣдителя, ибо Онъ побѣдилъ нашего врага; а съ вѣтвями масличными, прося отъ Него милости, умоляя, чтобы, какъ Онъ побѣдилъ за насъ, такъ и мы побѣдили чрезъ Него; да явимся носящими (знаменія) побѣды не только ради той побѣды, которую Онъ одержалъ за насъ, но и ради той, которую мы одержали через Него, молитвами всѣхъ Святыхъ. Ибо ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

къ нѣкоторымъ келліотамъ *), вопросившимъ преподобнаго авву Дороѳея о посѣщеніи братіи.

Отцы говорятъ, что, въ духовной жизни, пребывать въ келліи есть половина, и посѣщать Старцевъ также половина. Сіе изреченіе значитъ, что и въ келліи, и внѣ келліи намъ равно нужно вниманіе, и нужно знать, для чего должны мы безмолвствовать у себя (въ келліи), и для чего должны ходить къ Отцамъ и братіямъ; ибо кто не упускаетъ изъ виду этой цѣли, тотъ и старается поступать такъ, какъ учатъ Отцы. А именно: когда онъ пребываетъ въ келліи, онъ

*) Подъ именемъ келліотовъ разумѣются здѣсь монахи, живущіе не въ общежитіи, но въ отдѣльно построенныхъ келліяхъ, хотя и не всегда въ строгомъ отшельничествѣ. См. Письма святогорца о св. горѣ Аѳонской. ч. 1 стр. 189, 268, изд. 1850 г.

молится, поучается (въ св. Писаніи), занимается немного рукодѣліемъ и, по силѣ своей, печется о помыслахъ своихъ. Когда же идетъ куда-нибудь, онъ замѣчаетъ (за собою) и разсматриваетъ свое устроеніе: получаетъ ли онъ пользу отъ встрѣчи съ братіями, или нѣтъ? и можетъ ли безъ вреда возвратиться въ свою келлію? и если видитъ, что онъ въ чемъ-либо потерпѣлъ вредъ, то познаетъ изъ сего свою немощь; видитъ что еще ничего не пріобрѣлъ отъ безмолвія, и, смирившись, возвращается въ свою келлію, каясь, плача и молясь Богу о немощи своей, и такимъ образомъ снова пребываетъ (въ келліи), и внимаетъ себѣ.

Потомъ опять идетъ къ людямъ и наблюдаетъ за собою, побѣждается ли онъ тѣмъ, чѣмъ побѣждался прежде, или другимъ чѣмъ-либо. И такъ, снова возвращается въ келлію свою и дѣлаетъ опять тоже самое: плачетъ, кается и молитъ Бога о своей немощи; ибо келлія высить, а люди искушаютъ. Посему хорошо сказали Отцы, что пребывать въ келліи есть половина, а посѣщать Старцевъ другая половина. Такъ и вы, братія, когда ходите другъ къ другу, должны знать, для чего вы выходите изъ келліи, и не выходить куда-либо неразсудно безъ цѣли, ибо кто безъ цѣли предпринимаетъ путь, тотъ, по словамъ Отцевъ, напрасно будетъ трудиться.

И такъ, каждый дѣлающій что-нибудь долженъ непремѣнно имѣть цѣль, и знать, для чего онъ это дѣлаетъ. Какую же цѣль должны мы имѣть (въ виду), когда посѣщаемъ другъ друга? Вопервыхъ, мы должны посѣщать другъ друга по любви: ибо сказано: „видѣвъ брата твоего, ты видѣлъ Господа Бога твоего. Вовторыхъ, для того, чтобы услышать слово

Божіе, потому что во множествѣ (братіи) всегда больше повѣдается слово Божіе, ибо часто, чего не знаетъ одинъ, то знаетъ другой, и первый, спрашивая его, также узнаетъ это. Наконецъ для того, чтобы узнать, какъ я сказалъ прежде, свое душевное устроеніе. Напримѣръ, если кто идетъ, какъ иногда случается, вкушать пищу съ другими: то онъ долженъ замѣчать за собою и смотрѣть какъ скоро будетъ предложена хорошая пища, которая ему нравится, можетъ ли онъ удержаться и не взять отъ нея? Старается ли онъ также не обидѣть брата своего и не взять больше его, или, когда предложено будетъ что-нибудь (разрѣзанное) на части, то не старается ли онъ взять большую часть, а другому оставить меньшую? Ибо случается, что иной не стыдится даже протянуть руку и положить меньшую часть брату, а большую взять себѣ. Какая можетъ быть разница между большею частію и меньшею? Велика ли она? И за такую маловажную вещь иной обижаетъ брата своего и согрѣшаетъ.

Онъ долженъ также замѣчать, можетъ ли онъ удержаться отъ многихъ снѣдей и, находя ихъ, не предаваться многоядѣнію, какъ это иногда случается. Замѣчать также, удерживается ли онъ отъ дерзости, и не огорчается ли, когда видитъ, что другаго брата предпочитаютъ ему и болѣе его успокоиваютъ. Если видитъ, что кто-нибудь слишкомъ свободно обращается съ другими, или много говоритъ, или дѣлаетъ что-либо неприличное, то не замѣчаетъ ли онъ за нимъ и не осуждаетъ ли его; или онъ не заботится о семъ и не обращаетъ на это вниманія, но болѣе смотритъ на благоговѣйныхъ и усердныхъ? И старается ли онъ

поступать такъ, какъ говорятъ объ аввѣ Антоніѣ, который, когда приходилъ къ кому-нибудь, то замѣчалъ только то, что имѣлъ каждый хорошаго, заимствовалъ сіе отъ него, и усвоивалъ себѣ. Отъ одного заимствовалъ кротость *), отъ другаго смиреніе, отъ иного безмолвіе, и такимъ образомъ совмѣщалъ въ себѣ добродѣтели каждаго изъ нихъ. Такъ должны поступать и мы, и для этого посѣщать (другихъ), а когда возвращаемся въ келліи наши, должны испытывать себя и узнавать, отъ чего мы получили пользу, или отъ чего вредъ. И за то, въ чемъ мы были сохранены, (должны) возблагодарить Бога, сохранившаго насъ отъ вреда; а въ чемъ согрѣшили, покаемся, будемъ плакать и рыдать о устроеніи души нашей. Ибо каждый получаетъ вредъ или пользу отъ своего (душевнаго) устроенія, и никто другой не можетъ повредить ему; но если мы и получаемъ вредъ, то вредъ сей происходитъ, какъ я сказалъ, отъ устроенія души нашей: ибо мы можемъ отъ всякаго дѣла, какъ я всегда говорю вамъ, если захотимъ, получить и пользу, и вредъ. И скажу вамъ примѣръ, дабы вы узнали, что это дѣйствительно такъ. Положимъ, что кому-нибудь случилось стоять ночью на нѣкоторомъ мѣстѣ, — не говорю, чтобы то былъ монахъ, но кто-нибудь изъ городскихъ жителей. И (вотъ) мимо его идутъ три человѣка. Одинъ думаетъ о немъ, что онъ ждетъ кого-нибудь, дабы пойти и содѣлать блудъ; другой думаетъ, что онъ воръ; а третій думаетъ, что онъ позвалъ изъ ближняго дому нѣкоего друга своего

*) Въ Слав. вещь, въ Греч.: τὸ πρᾶον (что Славянскій переводчикъ, вѣроятно, смѣшалъ съ τὸ πρᾶγμα, вещь).

и дожидается, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пойти куда-нибудь въ церковь помолиться. Вотъ трое видѣли одного и того же человѣка, на одномъ и томъ же мѣстѣ, однако не составили о немъ сіи трое одного и того же помысла; но одинъ подумалъ одно, другой другое, третій еще иное, и очевидно, что каждый сообразно съ своимъ устроеніемъ. Ибо какъ тѣла черножелчныя и худосочныя каждую пищу, которую принимаютъ, претворяютъ въ худые соки, хотя бы пища была и полезная, но причина сего заключается не въ пищѣ, а въ худосочіи, какъ я сказалъ, самаго тѣла, которое по необходимости такъ дѣйствуетъ и измѣняетъ пищу, сообразно съ своею недоброкачественностію: такъ и душа, имѣющая худой навыкъ, получаетъ вредъ отъ каждой вещи, и хотя бы вещь сія была полезная, душа получаетъ вредъ. Представь себѣ сосудъ съ медомъ: если кто-нибудь вольетъ въ него немного полыни, то неиспортитъ ли эта малость всего меда въ сосудѣ, и не сдѣлаетъ ли всего меда горькимъ? Такъ поступаемъ и мы: примѣшиваемъ немного собственной нашей горечи и уничтожаемъ доброе ближняго, смотря на оное, сообразно съ нашимъ душевнымъ устроеніемъ, и извращая оное по нашему собственному злонравію. А имѣющій добрый нравъ подобенъ тому, кто имѣетъ тѣло добросочное; если онъ ѣстъ что-нибудь даже вредное, то оно сообразно съ расположеніемъ его тѣла, обращается для него въ хорошіе соки, и дурная пища сія не вредитъ ему, потому что, какъ я сказалъ, тѣло его добросочно и, сообразно съ своею доброкачественностью, перерабатываетъ пищу. И какъ мы сказали о первомъ, что тотъ сообразно съ дурнымъ расположеніемъ

своимъ и хорошую пищу претворяетъ въ дурные соки, такъ и этотъ, по хорошему качеству своего тѣла, и дурную пищу претворяетъ въ хорошіе соки. Скажу вамъ примѣръ для того, чтобы вы поняли это. Вепрь имѣетъ тѣло, весьма добросочное, а пищу его составляютъ: шелуха, финиковыя кости, желуди и тина; и однакожъ, какъ тѣло его добросочно, то оно и такую пищу превращаетъ въ хорошіе соки. Такъ и мы, если имѣемъ добрый нравъ, и находимся въ хорошемъ (душевномъ) устроеніи: то можемъ, какъ я сказалъ прежде, отъ каждой вещи получить пользу, хотя бы вещь сія и не совсѣмъ была полезна. И хорошо говоритъ Премудрый: *видяй право, помилованъ будетъ* (Притч. 28, 13), и въ другомъ мѣстѣ: *вся противна суть мужу безумну* (Притч. 14, 8).

Слышалъ я о нѣкоемъ братѣ, что когда онъ приходилъ къ кому-либо изъ братій и видѣлъ келлію его невыметенною и неприбранною, то говорилъ въ себѣ: блаженъ сей братъ, что отложилъ заботу обо всемъ, или даже обо всемъ земномъ, и такъ весь свой умъ устремилъ горѣ, что не находитъ времени и келлію свою привести въ порядокъ. Также если приходилъ къ другому и видѣлъ келлію его убранною, выметенною и чистою, то опять говорилъ себѣ: какъ чиста душа сего брата, такъ и келлія его чиста, и состояніе келліи согласно съ состояніемъ души его. И никогда онъ не говорилъ ни о комъ: сей (братъ) нерадивъ, или сей тщеславенъ, но, по своему доброму устроенію получалъ пользу отъ каждаго. Благій Богъ да подастъ намъ благое устроеніе, чтобы и мы могли получать пользу отъ каждаго и никогда не замѣчать пороковъ ближняго. Если же мы, по соб-

ственной нашей грѣховности, и замѣчаемъ или предполагаемъ ихъ; то тотчасъ обратимъ помыслъ нашъ въ добрыя мысли. Ибо если человѣкъ не будетъ замѣчать пороковъ ближняго, то, съ помощію Божіею, рождается въ немъ благость, которою благоугождается Богъ. Ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ

къ наставникамъ въ монастыряхъ, и къ ученикамъ, какъ должно наставлять братію, и какъ повиноваться наставникамъ

Если ты настоятель братіи, пекись о нихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ *) и снисходительнымъ милосердіемъ, наставляя и обучая ихъ добродѣтелямъ дѣломъ и словомъ, а болѣе дѣломъ, потому что примѣры дѣйствительнѣе словъ. Если можешь, будь имъ примѣромъ и въ тѣлесныхъ (трудахъ); если же ты немощенъ, то въ добромъ устроеніи душевномъ и въ исчисленныхъ Апостоломъ плодахъ Духа: въ любви, радости, мирѣ, долготерпѣніи, благости, милосердіи, вѣрѣ, кротости и воздержаніи отъ всѣхъ страстей (Гал. 5, 22. 23). За случающіеся же проступки не слишкомъ негодуй, но безъ смущенія показывай вредъ, происходящій отъ проступка. Если нужно сдѣлать выговоръ, то обращай вниманіе на

*) Въ греч.: съ строгостію сердца.

лице и выбирай удобное время. Не взыскивай строго за малые проступки, какъ будто самъ ты совершенно праведенъ, и не часто обличай, ибо это тягостно и привычка къ обличеніямъ приводитъ въ безчувствіе и небреженіе. Не приказывай властительски, но со смиреніемъ, какъ бы совѣтуя брату, ибо такое слово бываетъ удобопріемлемо, и сильнѣе убѣждаетъ, и успокоиваетъ ближняго.

Во время же смущенія, когда братъ тебѣ сопротивляется, удержи языкъ твой, чтобы отнюдь ничего не сказать съ гнѣвомъ, и не позволяй сердцу твоему возвыситься надъ нимъ; но вспомни, что онъ братъ твой, и членъ о Христѣ, и образъ Божій, искушаемый отъ общаго врага нашего. Сжалься надъ нимъ, чтобы діаволъ, уязвивъ его раздражительностію, не плѣнилъ его и не умертвилъ злопамятностію, и чтобы отъ нашего невниманія не погибла душа, за которую Христосъ умеръ. Вспомни, что и ты побѣждаешься страстію гнѣва *), и судя по своей собственной немощи, имѣй состраданіе къ брату твоему, благодари, что нашелъ случай простить другаго, чтобы и тебѣ получить отъ Бога прощеніе въ большихъ и болѣе многочисленныхъ (согрѣшеніяхъ); ибо сказано: *отпущайте, и отпустится вамъ* (Лук. 6, 37). Не думаешь ли ты, что братъ твой получаетъ вредъ отъ твоего долготерпѣнія? Но Апостолъ заповѣдуетъ побѣждать благимъ злое, а не злымъ благое (Рим. 12, 21). И Отцы говорятъ: если ты, дѣлая выговоръ другому, увлекаешься гнѣвомъ, то ты исполнишь лишь свою собственную страсть, а никакой разумный человѣкъ не

---

*) Въ слав.: подлежиши томужде суду гнѣва.

разрушаетъ своего дома для того, чтобы построить домъ ближняго. Когда же смущеніе будетъ продолжаться, то понудь свое сердце и помолись, говоря такъ: „Боже милосердый и человѣколюбивый! по неизреченной Твоей благости сотворивший насъ изъ ничего, для наслажденія Твоими благами, и кровію единороднаго Сына Твоего, Спасителя нашего, призвавшій насъ, отступившихъ отъ Твоихъ заповѣдей! Пріиди и нынѣ, помоги немощи нашей, и какъ Ты нѣкогда запретилъ волнующемуся морю, такъ и нынѣ запрети возмущенію сердецъ нашихъ, чтобы Ты въ одинъ часъ не лишился насъ обоихъ, чадъ своихъ, умерщвленныхъ грѣхомъ, и дабы не сказалъ намъ: *кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе* (Пс. 29, 10), и: *аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ* (Мат. 25, 12); потому что свѣтильники наши погасли отъ недостатка елея." И послѣ сей молитвы, когда сердце твое укротится, тогда уже можешь разумно и со смиреніемъ сердца, по Апостольской заповѣди, обличать, угрожать, увѣщевать и съ состраданіемъ врачевать и исправлять (брата), какъ немощный членъ (Гал. 6, 12. Тим. 4, 2). Ибо тогда и братъ, уразумѣвъ свое ожесточеніе, приметъ наставленіе твое съ вѣрою и ты твоимъ (собственнымъ) миромъ умиротворишь и его сердце. И такъ ничто да не разлучитъ тебя отъ святой заповѣди Христовой: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. 11, 29), ибо прежде всего должно заботиться о мирномъ устроеніи такъ, чтобы даже подъ справедливыми предлогами, или ради заповѣди отнюдь не смущать сердца, въ той увѣренности, что мы всѣ заповѣди стараемся исполнять именно ради любви и чистоты сердеч-

ной. Наставляя такимъ образомъ брата, услышишь и ты оный гласъ; *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Іер. 15, 19).

Если же ты бываешь въ послушаніи, то никогда не вѣрь своему сердцу, ибо оно ослѣпляетъ пристрастіями ветхаго человѣка. Ни въ чемъ не слѣдуй своему осужденію, и самъ ничего не назначай себѣ безъ вопрошенія и совѣта. Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнѣе твоего наставника, и не изслѣдывай дѣлъ его, иначе ты часто можешь обмануться и впасть въ искушеніе: ибо сіе есть обольщеніе лукаваго, который желаетъ воспрепятствовать совершенному по вѣрѣ послушанію и лишить насъ твердаго спасенія, отъ него происходящаго. Поступая такъ, ты будешь повиноваться спокойно и безопасно, не заблуждаясь, идти путемъ отцевъ нашихъ. Понуждай себя, и отсѣкай свою волю во всемъ, и благодатію Христовою, чрезъ обученіе, войдешь въ навыкъ отсѣченія (своей воли), и потомъ будешь дѣлать это безъ принужденія и скорби; и окажется, что все будетъ происходить такъ, какъ ты хочешь: не желай, чтобы все дѣлалось такъ, какъ ты хочешь; но желай, чтобы оно было такъ, какъ будетъ, и такимъ образомъ будешь миренъ со всѣми. Впрочемъ это (относится) къ тому, въ чемъ нѣтъ преступленія заповѣди Божіей или Отеческой. Подвизайся во всемъ укорять самого себя, и разумно исполняй (заповѣдь) считать себя за ничто. И вѣруй, что все случающееся съ нами, до самаго малѣйшаго, бываетъ по промыслу Божію, и тогда ты безъ смущенія будешь переносить все находящее на тебя.

Вѣруй, что безчестія и укоризны суть лѣкарства,

врачующія гордость души твоей, и молись объ укоряющихъ тебя, какъ объ истинныхъ врачахъ (души твоей), будучи увѣренъ, что тотъ, кто ненавидитъ безчестіе, ненавидитъ смиреніе, и кто избѣгаетъ огорчающихъ его, тотъ убѣгаетъ кротости. Не желай знать пороковъ ближняго твоего, и не принимай на него подозрѣній, внушаемыхъ тебѣ, врагомъ; если же онѣ и возникаютъ въ тебѣ, по грѣховности нашей, то старайся обращать ихъ въ добрыя помышленія. Благодари за все, и стяжи благость и святую любовь. Прежде всего будемъ всѣ хранить совѣсть нашу во всемъ, въ отношеніи къ Богу, ближнему и къ вещамъ, и прежде нежели скажемъ или сдѣлаемъ что-нибудь, испытаемъ, согласно ли это съ волею Божіею; и тогда, помолившись, скажемъ или сдѣлаемъ сіе и повергнемъ немощь нашу предъ Богомъ, и благость Его поможетъ намъ во всемъ, ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ

къ брату, проходящему келарскую службу.

Если не хочешь впадать въ раздражительность и злопамятность, то отнюдь не имѣй пристрастія къ вещамъ и не заботься о нихъ черезчуръ; но и не пренебрегай ими, какъ маловажными и ничтожными: но когда, кто проситъ ихъ у тебя, давай; если же онъ случайно, или по небреженію разобьетъ или потеряетъ что, не скорби. (Впрочемъ) ты долженъ такъ поступать не по

нерадѣнію о монастырскихъ вещахъ, ибо ты обязанъ всею силою и со всякимъ стараніемъ заботиться о нихъ, но изъ желанія охранять себя отъ смущенія и споровъ, постоянно являя предъ Богомъ посильное твое стараніе. Достигнуть же сего ты можешь только тогда, когда будешь распоряжаться (монастырскими вещами), не какъ своими собственными, но какъ вещами принесенными Богу и только ввѣренными твоему попеченію. Ибо первое располагаетъ насъ къ тому, чтобы не имѣть пристрастія (къ вещамъ), а второе къ тому, чтобы не пренебрегать ими. Если же ты не имѣешь въ виду сей цѣли, то будь увѣренъ, что не перестанешь подвергаться смущенію и смущать себя и другихъ.

Вопросъ. Мысль моя радуется симъ словамъ и желаетъ, чтобы это было такъ; но почему же я оказываюсь неготовымъ во время надобности?

Отвѣтъ. Потому что не всегда въ этомъ поучаешься. Если хочешь имѣть эти мысли въ (нужное) время, то поучайся въ нихъ всегда, постоянно слѣдуй имъ и вѣруй Богу, что ты преуспѣешь. Молитву растворяй поученіемъ въ Божественномъ Писаніи. Больнымъ угождай, главное, для того, чтобы чрезъ это пріобрѣсти милосердіе, какъ я часто говорилъ; притомъ же, когда и ты заболѣешь, то Богъ воздвигнетъ человѣка, который послужитъ тебѣ: ибо Онъ сказалъ: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мат. 7, 2). Если же постараешься исполнить дѣло, по силѣ твоей и по совѣсти, то ты долженъ знать и удостовѣрить себя, что ты еще не уразумѣлъ истиннаго пути; а потому и обязанъ безъ смущенія и безъ скорби, но съ радостью принимать, когда услышишь, что ты согрѣшилъ въ томъ, что, по твоему мнѣнію, сдѣлалъ ты по совѣсти: ибо сужденіемъ тѣхъ, которые разумнѣе тебя, все недостаточное исправляется, а хорошо исполняемое становится тверже. Постарайся преуспѣть, чтобы, когда случится скорбь, или тѣлесная, или духовная, ты могъ бы перенести ее безъ печали, безъ отягощенія и съ терпѣніемъ. Когда услышишь, будто ты сдѣлалъ то, чего ты не дѣлалъ, то не удивляйся сему и не огорчайся, но тотчасъ со смиреніемъ поклонись сказавшему тебѣ сіе, говоря ему: „прости меня и помолись о мнѣ“, и потомъ молчи, какъ заповѣдали Отцы. А когда онъ тебя спроситъ, правда ли это, или нѣтъ: тогда поклонись со смиреніемъ, и скажи по истинѣ, какъ было дѣло, а сказавъ, опять поклонись со смиреніемъ, говоря: „прости меня, и помолись за меня“.

Вопросъ. Что мнѣ дѣлать? я не всегда бываю въ одномъ и томъ же расположеніи при встрѣчѣ съ братіями.

Отвѣтъ. Ты еще не можешь быть въ одномъ и томъ же расположеніи при встрѣчѣ съ братіями; однако старайся не соблазниться въ чемъ-либо, никого не судить, не порицать, не замѣчать за словами, дѣлами или движеніями брата, которыя не приносятъ тебѣ пользы, но лучше старайся изъ всего извлекать себѣ назиданіе. Не желай тщеславно выказать себя, ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ. Пріобрѣти умѣренность въ пищѣ и въ словахъ твоихъ даже до малости. Знай, что кто бываетъ боримъ какимъ нибудь страстнымъ помысломъ или скорбитъ отъ онаго, и не исповѣдуетъ его, тотъ самъ укрѣпляетъ его противъ себя, т.-е. подаетъ помыслу силу болѣе бороть и мучить его. Если же онъ

станетъ бороться и сопротивляться помыслу своему, и сдѣлаетъ противное ему: то, какъ мы часто говорили, страсть ослабѣваетъ и не имѣетъ силъ бороть его и наносить ему печали; и такимъ образомъ, мало по малу, подвизаясь и получая помощь отъ Бога, онъ преодолѣетъ и самую страсть. Богъ да покроетъ насъ молитвами всѣхъ Святыхъ. Аминь.

Вопросъ. Почему сказалъ Авва Пименъ, что бояться Бога, молиться Богу, и дѣлать добро ближнему, суть три главныя добродѣтели?

Отвѣтъ. О томъ, чтобы бояться Бога, Старецъ сказалъ потому, что страхъ Божій предшествуетъ всякой добродѣтели. ибо *начало премудрости страхъ Господень* (Псал. 110, 10), и безъ страха Божія никто не можетъ совершить ни добродѣтели, ни чего-либо благаго: ибо *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла* (Притч. 15, 27). А что (должно) молиться Богу, онъ сказалъ потому, что человѣкъ (самъ собою) не можетъ ни пріобрѣсти добродѣтели, ни сдѣлать что-нибудь благое, какъ я уже замѣтилъ, хотя бы онъ сталъ стараться о семъ, но страху Божію; но ничто не совершается безъ помощи Божіей: и такъ непремѣнно нужны и наше стараніе, и помощь Божія. Поэтому человѣкъ всегда долженъ молиться Богу и просить Его помочь ему и споспѣшествовать ему во всякомъ дѣлѣ. А благотворить ближнему есть дѣло любви. Такъ какъ боящійся Господа и молящійся Богу приноситъ пользу только себѣ одному, а всякая добродѣтель усовершается любовью къ ближнему; потому Старецъ и сказалъ, что (должно) дѣлать добро ближнему. И такъ кто боится Бога и молится Ему, тотъ долженъ приносить пользу и ближнему и дѣлать ему

добро; ибо сіе, какъ я сказалъ, есть любовь, которая составляетъ совершенство добродѣтелей, какъ говоритъ святый Апостолъ (Рим. 13, 10). Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

различныя, краткія изреченія.

Авва Дороѳей говорилъ, что полагающемуся на свой разумъ или на свое сужденіе *) невозможно повиноваться или послѣдовать доброму дѣлу ближняго.

Говорилъ также: будучи страстными, мы отнюдь не должны вѣровать своему сердцу; ибо кривое правило и прямое кривитъ.

Говорилъ также: кто не презритъ всѣхъ вещей, славы и тѣлеснаго покоя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самооправданія, тотъ не можетъ ни отсѣчь своихъ пожеланій, ни избавиться отъ гнѣва и скорби, ни успокоить ближняго.

Говорилъ также: не великое дѣло не судить того, или сострадать тому, кто находится въ скорби и покоряется тебѣ; но велико—не судить того, кто тебѣ противорѣчитъ, не мстить ему по страсти, не соглашаться съ осуждающимъ его, и радоваться вмѣстѣ съ предпочтеннымъ тебѣ.

Еще сказалъ: не требуй любви отъ ближняго, ибо

*) Въ Греч.: почитающему себя умнымъ, или имѣющему собственный помыселъ.

требующій (ея) смущается, если ея не встрѣтитъ: но лучше ты самъ покажи любовь къ ближнему, и успокоишься, и такимъ образомъ приведешь и ближняго къ любви.

Еще сказалъ: кто совершитъ дѣло, угодное Богу, того непремѣнно постигнетъ искушеніе: ибо всякому доброму дѣлу или предшествуетъ, или послѣдуетъ искушеніе, да и то, что дѣлается ради Бога, не можетъ быть твердымъ, если не будетъ испытано искушеніемъ.

Еще сказалъ: ничто такъ тѣсно не соединяетъ людей между собою, какъ то, когда они сорадуются (другъ другу) въ одномъ и томъ же, и имѣютъ одинаковый образъ мыслей.

Еще сказалъ: не презирать даянія ближняго, есть (дѣло) смиренномудрія: и должно принимать оное (даяніе) съ благодарностію, хотя бы оно и было мало и незначительно.

Еще сказалъ: если мнѣ встрѣтится какое-либо дѣло, то мнѣ пріятнѣе поступить по совѣту ближняго, хотя бы случилось испортить оное, но его совѣту, нежели и хорошо исполнить дѣло, послѣдовавъ своей волѣ.

Еще сказалъ: во всякомъ дѣлѣ хорошо самому заботиться о томъ немногомъ, въ чемъ нуждаешься, ибо не полезно во всему быть успокоеннымъ.

Еще сказалъ: при всякомъ случавшемся со мною дѣлѣ, я никогда не желалъ ограждать себя человѣческою мудростію: но чтобы то ни было, я всегда дѣлаю по силѣ моей, и все предоставляю Богу.

Еще сказалъ: кто не имѣетъ своей воли, тотъ всегда исполняетъ свое (желаніе). Поелику таковый не

имѣетъ своего желанія, то, чтобы ни случилось (съ нимъ), онъ всѣмъ бываетъ доволенъ, и такъ оказывается, что онъ всегда исполняетъ свои желанія; ибо онъ не хочетъ, чтобы дѣла исполнялись такъ, какъ онъ желаетъ, но хочетъ, чтобы они были, какъ будутъ.

Еще сказалъ: неприлично кому-либо исправлять брата въ то самое время, когда онъ согрѣшаетъ противъ тебя; да и въ другое время не должно дѣлать сего для того, чтобы мстить за себя.

Говорилъ также: любовь по Богу сильнѣе естественной любви.

Говорилъ также: не дѣлай зла даже и въ шутку; ибо случается, что иной сначала, шутя, дѣлаетъ злое, а послѣ, и не-хотя, имъ увлекается.

Говорилъ также: не должно желать избавиться отъ страсти для того, чтобы избѣжать происходящей отъ нея скорби, но по совершенной ненависти къ ней, какъ сказано: *совершенною ненавистію возненавидѣхъ я, враги быша ми* (Пс. 138, 22).

Говорилъ также: невозможно кому-либо разгнѣваться на ближняго, если сердце его сперва не вознесется надъ нимъ, если онъ не уничижилъ его, и не сочтетъ себя высшимъ его.

Говорилъ также: признакомъ того, что кто-либо добровольно исполняетъ страсть, служитъ его смущеніе въ то время, когда его обличаютъ или исправляютъ въ ней. А безъ смущенія переносить обличеніе, т. е. вразумленіе, есть признакъ того, что кто-либо былъ побѣжденъ страстію, или исполнилъ ее по невѣдѣнію. Богу же нашему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Изъясненіе нѣкоторыхъ изреченій святаго Григорія, которыя поются съ тропарями на Святую Пасху.

Пріятно мнѣ говорить вамъ, хотя нѣсколько, о пѣснопѣніяхъ, которыя мы поемъ, чтобы вы наслаждались не (одними) звуками, но и самый умъ вашъ равномѣрно воспламенялся силою словъ. И такъ, что мы пѣли нынѣ? „Воскресенія день! да принесемъ самихъ себя (въ жертву).“ Древле сыны Израилевы въ праздники или торжества приносили Богу дары по Закону: т. е. жертвы, всесожженія, начатки и т. п. Потому святый Григорій учитъ и насъ подобно имъ праздновать Господу и возбуждаетъ насъ, говоря: „Воскресенія день“ *), вмѣсто: день святаго праздника! день Божественнаго торжества! день Пасхи Христовой! Что же значитъ „Пасха Христова?“ Пасху совершили сыны Израилевы, когда выходили изъ Египта; нынѣ же Пасху, къ празднованію которой побуждаетъ насъ святый Григорій, совершаетъ душа, исходящая изъ мысленнаго Египта, т. е. грѣха. Ибо когда душа переходитъ отъ грѣха къ добродѣтели, тогда совершаетъ она Фасехъ Господу, какъ сказалъ Евагрій: Пасха Господня есть переходъ отъ зла (къ добру). И такъ нынѣ Пасха Господня, день свѣтлаго праздника, День Воскресенія Христа, распявшаго грѣхъ, за насъ умершаго и воскресшаго. Принесемъ же и мы Господу дары, жертвы, всесожженія не безсловесныхъ животныхъ, которыхъ Христосъ не хощетъ, ибо *жертвы и приношенія* безсловесныхъ *не восхотѣлъ еси*, и о *всесожженіи* тельцевъ и овновъ *не благоволилъ* (Пс. 39, 7), и Исаія говоритъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь*, и проч. (Пс. 1, 11). Но такъ какъ Агнецъ Божій закланъ былъ за насъ, по словамъ Апостола, сказавшаго: *Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. 5, 7), *да возметъ грѣхъ міра, и клятва о насъ бысть* (Гал. 3, 13), какъ написано: *проклятъ всякъ, висяй на древѣ* (Второз. 21, 23), *да искупитъ насъ отъ клятвы законныя, и да всыновленіе воспріимемъ* (Гал. 3, 13. 4, 5); то и мы должны принести Ему нѣкій благоугодный даръ.

Какой же даръ или какую жертву должны мы принести Христу въ день Воскресенія, чтобы это было Ему благоугодно, поелику онъ не хощетъ жертвы безсловесныхъ животныхъ? Тотъ же Святый научаетъ насъ опять и сему, ибо сказавъ: „Воскресенія день“, онъ прибавляетъ: „да принесемъ самихъ себя“. Такъ и Апостолъ говоритъ: *представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше* (Рим. 12, 1). А какъ должны мы принести тѣла свои Богу въ жертву живую и святую? Не исполняя болѣе воли плоти и помысловъ (нашихъ) (Ефес.

*) См. Твор. св. Отцевъ, въ Русскомъ переводѣ 1851. Часть I; слово св. Григорія Богослова на Пасху.

2, 3), но поступая по духу, и похотей плотскихъ не исполняя (Гал. 5, 16); ибо сіе значитъ: *умерщвляйте уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Это и называется жертвою живою, святою и угодною Богу. Почему же сіе называется жертвою живою? Потому, что безсловесное (животное), приводимое на жертву, когда закалается, умираетъ: а Святые, принося себя въ жертву Богу, живые закалаются ежедневно, какъ говоритъ Давидъ: *тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вмѣнихомся, яко овцы заколенія* (Псал. 43, 23). Вотъ что значатъ слова Святаго Григорія: „принесемъ самихъ себя“, т. е. принесемъ въ жертву самихъ себя; будемъ умерщвлять себя *весь день*, какъ и всѣ Святые (умерщвляли себя), ради Христа Бога нашего, умершаго за насъ. Какъ же они умерщвляли себя? *Не любя міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. 2, 15), какъ сказано въ соборныхъ посланіяхъ, но отвергшись похоти плотской и похоти очей и гордости житейской (16 с.), т. е. сластолюбія, сребролюбія и тщеславія, и взявъ крестъ, послѣдовали Христу, и распяли міръ себѣ и себя міру (Гал. 6, 14). О семъ-то (говоритъ) Апостолъ: *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Вотъ какъ умерщвляли себя Святые. Какъ же они приносили себя въ жертву? Живя не для себя, но поработивъ себя заповѣдямъ Божіимъ, и оставивъ свои пожеланія, ради заповѣди и любви къ Богу и ближнему, какъ сказалъ святый Петръ: *се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ* (Мат. 19, 27). Что онъ оставилъ? Развѣ у него были деньги или имѣнія, золото или серебро? У него была сѣть, да и та ветхая, какъ сказалъ святый Іоаннъ Златоустъ. Но онъ оставилъ, какъ упомянуто, все, то есть: всѣ свои пожеланія, всякое пристрастіе къ міру сему; такъ что если бы онъ имѣлъ имѣнія или богатство, то онъ очевидно презрѣлъ бы и ихъ, взявъ крестъ, послѣдовалъ бы Христу, по сказанному: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Вотъ какъ Святые приносили себя въ жертву! Они умерщвляли въ себѣ, какъ мы сказали, всякое пристрастіе и собственную волю, и жили для одного Христа и Его заповѣдей. Такъ и мы принесемъ въ жертву самихъ себя, какъ учитъ святый Григорій; ибо насъ хощетъ (Богъ), мы „стяженіе самое драгоцѣнное предъ Богомъ“. По истинѣ человѣкъ драгоцѣннѣе всѣхъ видимыхъ тварей, ибо Создатель привелъ ихъ (въ бытіе) словомъ (Своимъ), сказавъ: — *да будетъ* сіе, *и бысть;* и опять: *да произраститъ земля* то и то, *и бысть: да изведутъ воды* и т. п. (Быт. 1, 3. 11, 20). Человѣка же Богъ создалъ своими руками, и украсилъ его, а все другое устроилъ для служенія ему и успокоенія его, поставленнаго царемъ на всемъ семъ; и даровалъ ему въ наслажденіе сладость рая, а что еще удивительнѣе, — когда человѣкъ лишился всего этого чрезъ грѣхъ свой, Богъ опять призвалъ его кровію Единороднаго Сына Своего. Человѣкъ есть стяжаніе самое драгоцѣнное, какъ сказалъ святый, и не только самое драгоцѣнное, но и самое свойственное (Богу), ибо Онъ сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу и по подобію Нашему.* И еще: *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его и вдуну въ лице его, дыханіе жизни* (Быт. 1, 26. 27. 2. 7). И самъ Господь нашъ, пришедъ къ намъ, воспріялъ образъ человѣка, тѣло и душу человѣческія, и однимъ словомъ, по всему кромѣ

грѣха, сдѣлался человѣкомъ, такъ сказать, усвоивъ Себѣ этимъ человѣка и сдѣлавъ его Своимъ. И такъ, хорошо и прилично сказалъ Святый, что „человѣкъ есть стяжаніе самое драгоцѣнное“. Потомъ, говоря еще яснѣе, прибавляетъ: „воздадимъ образу сотворенное по образу“. Какъ же это? Научимся сему отъ Апостола, который говоритъ: *Очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1) Содѣлаемъ образъ нашъ чистымъ, какимъ мы и приняли его, омоемъ его отъ скверны грѣха, чтобы обнаружилась красота его, исходящая отъ добродѣтелей. О сей-то красотѣ молился и Давидъ, говоря: *Господи, волею твоею подаждь добротѣ моей силу* (Псал. 29, 8). И такъ, очистимъ въ себѣ образъ (Божій), ибо Богъ требуетъ его отъ насъ такимъ, какимъ даровалъ его, не имѣющимъ ни пятна, ни порока, ничего-либо таковаго (Ефес. 5, 27). Воздадимъ Образу сотворенное по образу, познаемъ свое достоинство; познаемъ, какихъ великихъ благъ мы сподобились; вспомнимъ, по чьему образу мы сотворены, не забудемъ великихъ благъ, дарованныхъ намъ отъ Бога единственно по благости Его, а не по нашему достоинству; уразумѣемъ, что мы сотворены по образу создавшаго насъ Бога. „Почтимъ Первообразъ.“ Не будемъ оскорблять образа Божія, по которому мы созданы. Кто, желая написать изображеніе царя, осмѣлится употребить на оное дурную краску? Не обезчеститъ ли онъ симъ царя и не подвергнется ли наказанію? Напротивъ, онъ употребляетъ для сего дорогія и блестящія краски, достойныя царскаго изображенія; иногда же прилагаетъ и самое золото къ изображенію царя, и старается всѣ одежды царскія, если возможно, представить на изо-

браженіи такъ, чтобы, видя изображеніе, объемлющее всѣ отличительныя черты царя, думали, что смотрятъ на самаго царя, на самый подлинникъ, ибо изображеніе величественно и изящно. Такъ и мы, созданные по образу Божію, не будемъ безчестить своего Первообраза, но сдѣлаемъ образъ свой чистымъ и славнымъ, достойнымъ Первообраза. Ибо, если обезчестившій изображеніе царя, видимаго и подобострастнаго намъ, бываетъ наказанъ; то что должны потерпѣть мы, пренебрегающіе въ себѣ Божественный образъ и возвращающіе, какъ сказалъ Святый, образъ нечистымъ.

„И такъ почтимъ Первообразъ, уразумѣвъ силу таинства и то, за кого Христосъ умеръ.“ Сила таинства смерти Христовой такова: поелику мы грѣхомъ утратили въ себѣ образъ (Божій) и потому чрезъ паденіе и грѣхи содѣлались мертвыми, какъ говоритъ Апостолъ (Ефес. 2, 1), то и Богъ, сотворившій насъ по образу Своему, умилосердившись надъ Своимъ созданіемъ и Своимъ образомъ, насъ ради сдѣлался человѣкомъ и подъялъ смерть за всѣхъ, чтобы насъ умерщвленныхъ возвести къ жизни, которую мы потеряли за свое преслушаніе, ибо Онъ вознесъ на святый крестъ и распялъ грѣхъ, за который мы изгнаны были изъ рая, и *плѣнилъ плѣнъ*, какъ сказано въ Писаніи (Псал. 67, 19, Ефес. 4, 8). Что значитъ: *плѣнилъ плѣнъ?* —То, что по преступленіи Адамовомъ врагъ плѣнилъ насъ, и держалъ въ своей власти, такъ что души человѣческія, исходившія тогда изъ тѣла, отходили въ адъ, ибо рай былъ заключенъ. Когда же Христосъ вознесъ на высоту святаго и животворящаго креста, то Онъ Своею кровію изба-

вилъ насъ изъ плѣна, которымъ плѣнилъ насъ врагъ за преступленіе, т. е. опять похитилъ насъ изъ руки врага и, такъ сказать, обратно плѣнилъ насъ, побѣдивъ и низложивъ плѣнившаго насъ, потому и говорится (въ Писаніи), что Онъ *плѣнилъ плѣнъ*. Такова сила таинства: для того умеръ за насъ Христосъ, чтобы, какъ сказалъ Святый, насъ умерщвленныхъ возвести къ жизни. И такъ, мы избавились отъ ада человѣколюбіемъ Христовымъ, и отъ насъ зависитъ идти въ рай, ибо врагъ уже не насилуетъ насъ, какъ прежде, и не содержитъ насъ въ рабствѣ: только позаботимся (о себѣ), братія, и сохранимъ себя отъ дѣйствительнаго грѣха. Ибо я и прежде много разъ говорилъ вамъ, что всякій грѣхъ, исполненный на дѣлѣ, опять порабощаетъ насъ врагу, поелику мы сами добровольно низлагаемъ себя и порабощаемъ (ему). Не стыдъ ли это, и не великое ли бѣдствіе, если мы послѣ того, какъ Христосъ избавилъ насъ отъ ада Своею кровію, и послѣ того, какъ мы все сіе слышимъ, опять пойдемъ и ввергнемъ себя въ адъ? Не достойны ли мы въ такомъ случаѣ еще сильнѣйшаго и жесточайшаго мученія? Человѣколюбецъ Богъ да помилуетъ насъ и подастъ намъ вниманіе, чтобы мы (могли) разумѣть (все сіе) и помогать самимъ себѣ, дабы обрѣсти намъ хотя малую милость.

ПОУЧЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Толкованіе (нѣкоторыхъ) изреченій святаго Григорія о святыхъ мученикахъ.

Хорошо, братія, пѣть слова святыхъ Богоносцевъ: потому что они всегда и вездѣ стараются научить насъ всему, ведущему къ просвѣщенію душъ нашихъ. Изъ этихъ самыхъ словъ, воспѣваемыхъ (въ празднества), должны мы всегда познавать и самое значеніе совершаемаго воспоминанія. Господскій ли то праздникъ, или святыхъ Мучениковъ, или Отцевъ, или однимъ словомъ, какой бы то ни было святый или достопамятный день. И такъ, мы должны пѣть со вниманіемъ и вникать умомъ въ значеніе словъ Святыхъ (Отцевъ), чтобы пѣли не только уста, какъ сказано въ Отечникѣ, но чтобы и сердце наше пѣло вмѣстѣ съ ними. Изъ перваго пѣснопѣнія мы узнали, по силѣ нашей, нѣчто о святой Пасхѣ; посмотримъ еще, чему хочетъ научить насъ святый Григорій относительно святыхъ Мучениковъ. Въ пѣснопѣніи о нихъ, которое заимствовано изъ его словъ, и которое мы поемъ сегодня, сказано: „Жертвы одушевленныя, всесожженія словесныя“ и проч. Что значитъ: „жертвы одушевленныя?“ Жертвеннымъ называется все, освященное

на жертву Богу, какъ напримѣръ, овца, волъ, и тому подобное. Почему же святые мученики называются жертвами одушевленными?—Потому что овца, приводимая на жертву, сперва закалается и умираетъ, а потомъ уже раздробляется, разсѣкается и приносится Богу: святые же мученики, еще будучи въ живыхъ, были разсѣкаемы на части, строгаемы, томимы, терпѣли разсѣченіе на члены. Иногда же мучители отсѣкали у нихъ и руки, и ноги, и языки, и выкалывали глаза: и до того они бывали строганы по ребрамъ, что видна была и самая внутренность ихъ. И все сіе, о чемъ я говорилъ, Святые терпѣли еще будучи живы, еще имѣя въ себѣ души, потому они и называются жертвами одушевленными. Почему же еще (называются) „всесожженіями словесными?“ Потому что иное жертва, и иное всесожженіе. Иногда приносятъ (въ жертву) не всю овцу, но только начатки ея, какъ сказано въ Законѣ: правое плечо, селезенку и обѣ почки, и тому подобное (Исход. 29, 22). Приносившіе сіе, т. е. начатки, называли это жертвами: отъ чего такое приношеніе и называется вообще жертвою. Всесожженіемъ называется то, когда всю овцу или всего вола или какое-либо иное приношеніе сожигаютъ безъ остатка, какъ сказано въ томъ же Законѣ: голову съ ногами и со внутренностью, иногда же и желудокъ, и пометъ, однимъ словомъ, все до конца сожигаютъ, и сіе называется всесожженіемъ. Такъ сыны Израилевы по Закону приносили жертвы и всесожженія. Жертвы же эти и всесожженія были прообразованіями душъ, желающихъ спастись и принести себя (въ жертву) Богу. Скажу вамъ и о семъ немногое изъ того, что сказали Отцы,

чтобы, когда читаете сіе, вы возвышались мыслію вашею и питали душу вашу. Подъ мышцею (или плечемъ) они разумѣютъ дѣятельность, вмѣсто которой принимаются и руки, какъ я неоднократно говорилъ вамъ, ибо мышца составляетъ силу руки. И такъ, (Израильтяне) приносили (въ жертву) силу правой руки, т. е. благихъ дѣлъ: ибо правая рука принимается для (означенія) благаго. Ибо всѣ прочія части (животнаго), о коихъ мы упоминали, какъ-то: селезенка и двѣ почки, и жиръ съ нихъ, бедра и жиръ на бедрахъ, сердце и грудь, и проч. тому подобное, также суть прообразы (символы); ибо *сія вся*, какъ говоритъ Апостолъ, *образы прилучахуся онѣмъ, писана же быша въ наученіе наше* (1, Кор. 10, 11). А какъ это,—я вамъ изъясню. Душа, какъ говоритъ святый Григорій *), состоитъ изъ трехъ частей: вожделѣвательной, раздражительной и разумной. И такъ, они приносили (въ жертву) селезенку, а чрево отцы принимаютъ, какъ (сѣдалище) вожделѣній, селезенка же есть край чрева. Значитъ они прообразовательно приносили край вожделѣвательной части, т. е. начатокъ ея, лучшую и важнѣйшую часть ея. А сіе означаетъ, что ничего (не должно) любить болѣе Бога, и изъ всего вожделѣннаго ничего не предпочитать стремленію къ Богу: ибо мы сказали, что ему приносили самое лучшее. Почки же, жиръ ихъ, бедра и жиръ, покрывающій бедра, означаютъ равномѣрно тоже самое: ибо говорятъ, что тамъ сѣдалище вожделѣній; все сіе суть прообразы вожделѣвательной части. Прообразъ же (символъ) раздражительной части

*) Нисскій.

есть сердце: ибо говорятъ, что здѣсь сѣдалище (раздражительности). на что указываетъ и святый Василій, говоря: раздражительность есть жаръ крови около сердца; а грудь есть символъ разумной части, ибо для (означенія) ея принимается грудь. Посему и говорится, что когда Моусей облекалъ Аарона въ первосвященническую одежду, то, по повелѣнію Божію, возлагалъ на грудь его наперсникъ, называемый логіонъ (разумѣвательное) (Лев. 8, 8). И такъ, все сіе, какъ мы сказали, суть символы души, которая съ помощію Божіею очищаетъ себя посредствомъ (благой) дѣятельности и возвращается въ свое естественное (состояніе). Ибо Евагрій говоритъ: разумная душа тогда дѣйствуетъ по естеству, когда вожделѣвательная часть ея желаетъ добродѣтели, раздражительная подвизается о ней, а разумная предается созерцанію сотвореннаго. Когда приводили овцу, или вола, или что-нибудь подобное на жертву, сыны Израилевы вынимали сіе (т. е. селезенку, почки, и проч.) изъ приносимаго и полагали на жертвенникъ передъ Господомъ, и сіе называется жертвою. Но когда приносили жертвенное (животное) все до конца и сожигали его такъ, какъ оно было цѣлое и совершенное, то это называется, какъ мы выше сказали, всесожженіе. Оно есть символъ совершенныхъ, тѣхъ, которые говорятъ: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ* (Матѳ. 19, 27). Въ сію-то мѣру (духовнаго возраста) повелѣвалъ Господь придти оному (юношѣ), который сказалъ Ему: *сія вся сохранихъ отъ юности моея.* Ибо (въ отвѣтъ на сіе) Господь сказалъ ему: *единаго еси не докончалъ.* Чего же? *Возьми крестъ твой и гряди въ слѣдъ Мене.* (Марк. 10, 21. Мат. 19, 20, 21). Такъ святые Мученики всецѣло принесли себя (въ жертву) Богу, и не только самихъ себя, но и то, что было ихъ, и что было у нихъ. Ибо иное, какъ говоритъ святый Василій, мы сами, иное наше, и иное—что у насъ. Мы—это умъ и душа; наше—это тѣло: а у насъ имущество и прочія вещи. И такъ, Святые приносили себя (въ жертву) Богу всемъ сердцемъ, всею душею и всею крѣпостію, исполняя слово Писанія: *возлюбиши Господа Бога твоего всемъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслію твоею* (Матѳ. 22, 27); ибо они пренебрегли не только дѣтьми, женами, славою, имуществомъ и всѣмъ прочимъ богатствомъ, но и самыми тѣлами своими; посему-то они и называются всесожженіями. Разумными же потому, что человѣкъ есть животное разумное.

„Заколенія совершенныя Богу", а потомъ: „Бога знающія и Богомъ знаемыя овцы". Какъ они знаютъ Бога? Какъ самъ Господь показалъ и научилъ, сказавъ: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ;* и: *знаю Моя, и знаютъ Мя Моя* (Іоан. 10, 27). Почему сказалъ Онъ: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ?* вмѣсто (того, чтобы сказать:) слова Моего слушаютъ, и заповѣди Мои соблюдаютъ, а потому и знаютъ меня. Ибо соблюденіемъ заповѣдей Святые приближаются къ Богу, и поколику они приближаются къ Нему, потолику и знаютъ Его, и бываютъ Имъ знаемы. Но Богъ знаетъ все, и сокровенное, и глубокое, и не сущее: почему же святый Григорій говоритъ о Святыхъ: знаемые Богомъ?" Потому, что они, какъ я сказалъ, чрезъ соблюденіе заповѣдей приближаются къ Нему, знаютъ Его и бываютъ Имъ знаемы. Ибо поколику кто-нибудь отвращается и удаляется отъ другаго, потолику

говорится о немъ, что онъ его не знаетъ, и имъ незнаемъ; также и о приближающемся къ другому говорится, что онъ знаетъ, и его знаютъ. Посему-то и говорится о Богѣ, что Онъ не знаетъ грѣшныхъ, ибо они удаляются отъ Него. Какъ и самъ Господь таковымъ говоритъ: *Аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ* (Матѳ. 25, 12). И такъ Святые, какъ я часто говорилъ, чѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ добродѣтелей, чрезъ (соблюденіе) заповѣдей, тѣмъ болѣе усвоиваютъ себя Богу, и чѣмъ болѣе усвоиваются Ему, тѣмъ болѣе они познаютъ Его, и Онъ знаетъ ихъ.

„Ограда ихъ неприступна для волковъ". Оградою называются то кругомъ огражденное мѣсто, въ которое пастырь собираетъ овецъ и стережетъ, чтобы не расхитили ихъ волки или не украли разбойники; если же ограда съ какой-либо стороны сгнила, то въ нее легко бываетъ войти и удобно напасть (на овецъ) волкамъ и разбойникамъ. Ограда же Святыхъ со всѣхъ сторонъ утверждена и охраняется, какъ сказалъ Господь: *идѣже татіе не подкапываютъ* (Матѳ. 6, 20), и ничто вредное не можетъ имъ причинить вреда. И такъ помолимся братія, чтобы и намъ сподобиться быть пасомыми вмѣстѣ съ ними, или по крайней мѣрѣ, водвориться на мѣстѣ онаго блаженнаго наслажденія и покоя ихъ: ибо хотя мы и недостигли состоянія Святыхъ и недостойны славы ихъ, но можемъ не лишиться рая, если будемъ внимательны и понудимъ себя немного. Святый Климентъ говоритъ: „хотя бы кто и не былъ увѣнчанъ, но онъ долженъ стараться быть недалеко отъ увѣнчанныхъ *)." Ибо какъ въ па-

*) Epist. II ad Corinth., cap. VII.

латахъ царскихъ находятся великіе и славные чины, напр. сенаторы, патриціи, военачальники, градоначальники, члены тайнаго совѣта, и всѣ они весьма почетные сановники, такъ въ тѣхъ же палатахъ есть и нѣкоторые другіе чины, служащіе изъ малаго жалованья; однако и они называются слугами царскими и находятся внутри палатъ, хотя не пользуются славою оныхъ великихъ (чиновъ), не смотря на то, находятся внутри (палатъ). Случается же, что иногда и они, преуспѣвая, мало по малу получаютъ великіе и славные чины и саны: такъ и мы постараемся избѣжать дѣятельнаго грѣха, чтобы по крайней мѣрѣ избавиться намъ отъ ада, и (тогда) получимъ возможность, по человѣколюбію Божію, улучить и самый входъ въ рай, молитвами всѣхъ Святыхъ. Аминь.

ПОСЛАНІЯ ПРЕПОДОБНАГО АВВЫ ДОРОѲЕЯ.

ПОСЛАНІЕ

поучительное къ брату, вопросившему его о безчувствіи и охлажденіи любви.

При безчувствіи души, братъ, полезно частое чтеніе Божественнаго Писанія и умилительныхъ словъ Богоносныхъ Отцевъ, памятованіе о страшномъ судѣ Божіемъ, объ исходѣ души изъ тѣла и о имѣющихъ ее встрѣтить страшныхъ силахъ, съ (соучастіемъ) которыхъ она дѣлала зло въ сей маловременной и бѣдственной жизни. Также (полезно) вспоминать о томъ, что мы должны будемъ предстать предъ страшнымъ и праведнымъ судилищемъ Христовымъ, и не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ, и въ помышленіяхъ дать отвѣтъ предъ Богомъ, предъ всѣми Ангелами Его, и вообще предъ всѣмъ созданіемъ.

Вспоминай также часто тотъ приговоръ который произнесетъ страшный и праведный Судія стоящимъ ошуюю Его: *идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. 25, 41). Хорошо также вспоминать и великія скорби человѣческія, дабы хотя невольно такимъ образомъ смягчи-

лась жестокая и безчувственная душа и пришла въ сознаніе своей грѣховности.

А въ братолюбіи изнемогаешь ты отъ того, что принимаешь помыслы подозрѣнія на ближняго и вѣришь своему сердцу; это случается съ тобою также и потому, что ты не хочешь ничего потерпѣть противъ твоей воли. И такъ, прежде всего долженъ ты, съ помощію Божіею, отнюдь не вѣровать своимъ мнѣніямъ и всею силою стараться смирить себя передъ братіями твоими, и отъ всей души отсѣкать передъ ними свою волю. Если кто-нибудь изъ нихъ тебѣ досадитъ, или какъ-нибудь опечалитъ тебя, то ты, по слову Отцевъ, помолись о немъ, какъ объ оказавшемъ тебѣ великую пользу и о врачующемъ сластолюбіе твое. Черезъ сіе раздражительность твоя будетъ уменьшаться, ибо, по словамъ святыхъ Отцевъ, любовь есть узда раздражительности. Прежде же всего моли Бога дать тебѣ вниманіе и разумъ, дабы ты могъ знать, въ чемъ состоитъ воля *Его благая, благоугодная и совершенная* (Рим. 12, 2), а также и силу быть готовымъ ко всякому благому дѣлу. Ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе того же къ брату, угнетаемому искушеніемъ.

Прежде всего, братъ мой, (надобно сказать), что мы не знаемъ (путей) помысла Божія и потому должны предоставлять Ему устроять все, касающееся до насъ, а тѣмъ болѣе должно поступать такъ теперь. Ибо если ты захочешь по человѣческимъ мыслямъ

судить о случающемся, вмѣсто того, чтобы возлагать всю печаль свою на Бога, то такіе помыслы лишь утрудятъ тебя. И такъ, когда возстанутъ на тебя противные помыслы и начнутъ утѣснять тебя, ты долженъ взывать къ Богу: „Господи! какъ Ты хочешь, и какъ Ты знаешь, устрой, это дѣло;“ ибо промыслъ Божій, дѣлаетъ многое сверхъ нашего соображенія и надежды. И иногда предполагаемое нами на опытѣ бываетъ иначе, и однимъ словомъ: во время искушенія нужно имѣть долготерпѣніе и молиться, а не желать, какъ я сказалъ, и не полагать, что можно человѣческими помыслами преодолѣть помыслы бѣсовскіе. Зная сіе, Авва Пименъ сказалъ, что изреченіе, повелѣвающее не заботиться о завтрашнемъ днѣ (Матѳ. 6, 34), относится къ человѣку, находящемуся въ искушеніи.

И такъ, сынъ мой, вѣруя, что это истинно, оставь всякій собственный помыслъ, хотя бы онъ былъ и разумный, и имѣй надежду на Бога, которая можетъ сдѣлать несравненно болѣе того, чего мы просимъ или о чемъ помышляемъ (Ефес. 3, 20). Я могъ бы отвѣчать на все, что ты сказалъ, но не хочу противорѣчить ни тебѣ, ни даже себѣ самому, только желаю показать (тебѣ) путь къ надеждѣ на Бога, ибо сей путь есть безопаснѣйшій и самый твердый. Господь съ тобою.

КЪ ТОМУ ЖЕ БРАТУ.

Вспомни, сынъ мой, Того Который сказалъ, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное* (Дѣян. 13, 22), и не опредѣлилъ, сколькими и какими именно, но сказалъ неопредѣлительно: *многими скорбми*. И такъ, съ благодареніемъ и разумно переноси находящее на тебя: если имѣешь грѣхи, то какъ сладкое, если же не имѣешь ихъ, то какъ очищающее тебя отъ страстей или ходатайствующее (тебѣ) царство небесное. Человѣколюбивый и милосердый Богъ запретившій вѣтру и морю и сотворившій тишину великую (Матѳ. 8, 26), да запретитъ и твоему искушенію, сынъ мой, и да дастъ тебѣ широту сердца, чтобы ты могъ разумѣть коварство вражіе. Аминь.

Того же къ брату, впадшему въ трудную болѣзнь и различныя преткновенія.

Прошу тебя, сынъ мой, терпи и благодари за преткновенія, случающіяся въ болѣзни, по слову сказавшаго, *все, елико аще нанесено ти будетъ, пріими за благо* (Сир. 2, 3), чтобы намѣреніе Промысла исполнилось на тебѣ, сынъ мой, такъ какъ Ему благоугодно. И такъ, будь мужественъ, укрѣпляйся о Господѣ и (уповай) на Его попеченіе о тебѣ. Богъ съ тобою.

Того же къ брату, находившемуся въ искушеніи.

Миръ тебѣ о Христѣ, братъ! Принудь сердце твое вѣрить, что непремѣнно самъ ты подалъ поводъ къ искушенію, хотя теперь, въ настоящемъ случаѣ, ты и не находишь онаго. Уничижай себя, терпи, молись: и я уповаю на милосердіе благаго Владыки

Христа, что Онъ удалитъ искушеніе. Апостолъ сказалъ: *миръ Христовъ, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердце ваше* (Фил. 4, 7).

КЪ ТОМУ ЖЕ.

Не удивляйся, сынъ мой, если, находясь на пути, ведущемъ горѣ, ты впадешь въ терніе и тину; случатся опять и гладкія мѣста: ибо находящіеся въ подвигѣ иногда падаютъ, а иногда (сами) низлагаютъ (противниковъ). Великій Іовъ сказалъ: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли* (Іова 7, 1). И нѣкто другой изъ святыхъ сказалъ: „мужъ, неиспытанный искушеніями, неискусенъ.“ Ибо мы бываемъ искушаемы для обученія въ вѣрѣ, для того, чтобы мы были испытаны и научились бороться. Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Луки 21, 19). И такъ, надежда на благой конецъ да поможетъ намъ во всемъ случающемся. И святый Апостолъ, поучая насъ терпѣнію, говоритъ: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). И Господь нашъ—Сама Истина—да утѣшитъ тебя говоря: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). Сему поучайся, въ семъ пребывай и вспоминай Господа и благость Его, сынъ мой! Онъ поможетъ тебѣ во всемъ, ибо Онъ милостивъ и знаетъ немощь нашу. Онъ вновь да запретитъ волнамъ и сотворитъ тишину въ душѣ твоей молитвами Святыхъ Его. Аминь.

КЪ ТОМУ ЖЕ.

Какъ за тѣлами слѣдуютъ тѣни, какъ и за исполненіемъ заповѣдей—искушенія, ибо никто, сказалъ Великій Антоній, не войдетъ въ Царство небесное безъ искушеній. И такъ, не удивляйся сынъ мой, что, заботясь о спасеніи своемъ, ты встрѣчаешь искушенія и скорби. Но терпи безъ смущенія и молись, благодаря, что ты, за исполненіе заповѣди, сподобляешься быть въ искушеніи, для обученія и испытанія души твоей. Благій Богъ да подастъ тебѣ во время искушенія вниманіе и терпѣніе.

КЪ ТОМУ ЖЕ.

Мы созданіе и дѣло благаго и человѣколюбиваго Бога, сказавшаго: *Живу Азъ глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. 33, 11). Также: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матв. 9, 13). И такъ, если это истинно, и если мы такъ вѣруемъ, то *возверземъ на Господа печаль свою и Той насъ препитаетъ* (Пс. 54, 23), т. е. спасетъ, ибо Онъ печется о насъ. Онъ да утѣшитъ и твое сердце, сынъ мой, молитвами Святыхъ. Аминь.

КЪ ТОМУ ЖЕ.

Хорошо разсудилъ Авва Пименъ, что изреченіе, повелѣвающее не заботиться о завтрашнемъ днѣ (Мат. 6, 34), сказано къ человѣку, находящемуся въ искушеніи. И изреченіе: *возверзи на Господа печаль твою*

(Пс. 54. 23) относится сюда же. И такъ, оставь, сынъ мой, человѣческія помышленія и имѣй надежду на Бога, которая дѣлаетъ гораздо болѣе того, что мы предполагаемъ, и успокоитъ тебя надежда на Бога. Господь да поможетъ тебѣ, сынъ мой, молитвами Святыхъ. Мы должны сопротивляться таковымъ помысламъ, ибо не дерзаемъ сказать, что проживемъ и завтрашній день.

Того же къ нѣкоторому очень больному брату, имѣвшему различныя худыя помышленія о томъ, кто заботился о его нуждѣ.

Во имя Іисуса Христа, братъ мой, не будемъ ничего имѣть противъ ближняго, ибо мы должны преобѣждать и покрывать это любовью. Никто не говоритъ ближнему своему: „зачѣмъ ты не любишь меня?" Но самъ, дѣлая достойное любви, привлекаетъ и ближняго къ любви. А касательно потребности тѣлесной, (скажу), что если кто достоинъ успокоенія, то и сарацинское сердце Богъ вразумитъ оказать ему милость, по его нуждѣ; если же онъ недостоинъ, или ему не полезно, при обученіи его быть утѣшеннымъ, то хотя бы онъ сотворилъ новое небо и новую землю, не найдетъ покоя. А сказанное тобою, что ты отягощаешь братію, очевидно есть самооправданіе; ибо никто, помогая ближнему, желающему спасенія, исполнять заповѣдь Божію, не говоритъ ему: „я отягощаю тебя." Кто ненавидитъ огорчающихъ его, тотъ ненавидитъ кротость, и кто бѣгаетъ отъ оскорбляющихъ его, тотъ бѣгаетъ покоя о Христѣ. Человѣколюбивый Богъ да покроетъ насъ, сынъ мой, Своею благодатію, молитвами всѣхъ святыхъ. Аминь.

ВОПРОСЫ ПРЕПОДОБНАГО ДОРОѲЕЯ

И ОТВѢТЫ,

ДАННЫЕ НА НИХЪ СВ. СТАРЦАМИ ВАРСАНУФІЕМЪ ВЕЛИКИМЪ И ІОАННОМЪ ПРОРОКОМЪ.

Вопросъ 1. Къ святому Старцу Іоанну Пророку.

У меня есть имущество, и хочу одну часть изъ него пожертвовать въ общежитіе, а другую раздать нищимъ. Скажи мнѣ, Отецъ мой, долженъ ли я раздать оное черезъ Авву?

Отвѣтъ. Братъ, на первые вопросы отвѣчалъ я тебѣ, какъ человѣку, еще требовавшему млека. Теперь же, когда ты говоришь о совершенномъ отреченіи отъ міра, то слушай внимательно, по слову писанія: *разшири уста твоя и исполню я* (Пс. 80, 11). Братъ! не у меня худѣйшаго должно тебѣ учиться, что дѣлать; но послушай лучше, что написано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ о продававшихъ имѣнія свои и полагавшихъ цѣну къ ногамъ Апостоловъ: *даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Дѣян. 4, 35). Не сами они раздавали, но чрезъ Апостоловъ; сами же дѣлались свободными отъ заботъ, имѣнія и тщеславія. Такъ и ты поступи, если желаешь прійти въ сію мѣру, наслаждаться спокойствіемъ, отказаться отъ всѣхъ заботъ и безмятежно жить для Бога. Братъ! твое имущество весьма незначительно въ сравненіи съ тѣмъ,

какое иные отдавали Аввѣ Исаіи. Ему приносили десятки тысячъ, говоря: „распорядись ими, какъ знаешь“, а не говорили, куда и какъ ихъ отдать. Сдѣлавъ такимъ образомъ, то, что ведетъ къ совершенству, они жили уже безъ попеченій. Если будетъ воля Божія на то, чтобы и ты достигъ сего радостнаго состоянія, то ты долженъ быть благодаренъ тому, кто понесетъ твое бремя; какъ бы только сѣятель зла не посѣялъ въ тебѣ той мысли, что принявшій твое имущество долженъ быть тебѣ благодаренъ. Богъ да устроитъ для тебя полезное къ спасенію души.

Вопросъ 2. Тотъ же (братъ) вопросилъ Великаго Старца *): Долженъ ли онъ чрезъ своего Авву раздать имущество, и какъ раздать его и кому?

Отвѣтъ. Господь да благословитъ тебя, сынъ мой! Ты хочешь освободиться отъ заботъ; и вмѣстѣ нехочешь, удерживаясь собственною волею. Ты только скажи, сколько желаешь назначить въ общежитіе и сколько для бѣдныхъ, и не заботься болѣе. Ибо послушаніе состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть своей воли. Что драгоцѣннѣе души твоей, о которой Господь сказалъ, что она дороже всего міра (Мат. 16, 26). Если же ты и ее передалъ Богу и духовнымъ Отцамъ твоимъ, то зачѣмъ же сомнѣваешься ввѣрить имъ маловажное? Смотри; какъ тайно ведетъ съ тобою брань, тщеславіе и невѣріе! Если поступаешь такъ, то ты и души своей не ввѣрилъ имъ истинно; какъ же ожидаешь получить чрезъ нихъ милость? Желая Бога ради быть свободнымъ отъ всего, оставь всѣ попеченія; и я возьму на себя попеченія твои вмѣстѣ

*) Св. Варсануфія Великаго.

съ тѣмъ, кого ты назначишь: только ты будь чуждъ заботъ ради Бога, и прости меня, по любви.

Вопросъ 3, того же къ тому же Великому Старцу. Скажи мнѣ, Отецъ мой, какъ достигнуть отсѣченія своей воли, и того, чтобы сказать: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ* (Мат. 19, 27). Я оставилъ для своего пропитанія небольшое помѣстье, потому что я немощенъ.

Отвѣтъ Великаго Старца. Отсѣченіе своей воли есть кровопролитіе, и для достиженія сего человѣкъ долженъ потрудиться до смерти и отвергать свою волю. Слова же: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ* относятся къ совершенству: (здѣсь разумѣются) не только помѣстья и малыя имѣнія, но и помыслы, и желанія. Ты не достигъ еще такого совершенства; когда же приближишься къ нему, услышишь, что тебѣ должно дѣлать. Теперь же одно говорю тебѣ: оставь всѣ попеченія о вещахъ. Помѣстьемъ же тѣмъ владѣй пока для пропитанія себя. Господь Іисусъ Христосъ да приведетъ тебя въ неизреченную радость, ибо Онъ есть Свѣтъ вѣчный. Аминь.

4. Тотъ же братъ вопросилъ того же Великаго Старца: Я сильно боримъ блудною страстію; опасаюсь, чтобы не впасть въ отчаяніе, и, по немощи тѣла моего, не могу воздерживаться; помолись о мнѣ, Господа ради, и скажи мнѣ, Отецъ мой, что мнѣ дѣлать?

Отвѣтъ. Братъ! діаволъ изъ зависти воздвигнулъ на тебя брань. Берегн глаза свои и не питайся досыта. Вина употребляй немного, по немощи тѣла, о которой говоришь. Пріобрѣти же смиреніе, растор-

гающее всѣ сѣти вражія. И я, ничтожный, сдѣлаю, по силѣ моей, моля Бога, чтобы Онъ избавилъ тебя отъ всякаго искушенія и сохранилъ отъ всякаго зла. Не уступай врагу, братъ, и не предавайся отчаянію, ибо это великая радость діаволу. Молись непрестанно, говоря: „Господи Іисусе Христе, избави меня отъ страстей постыдныхъ", и Богъ помилуетъ тебя, и получишь силу молитвами Святыхъ. Аминь.

5. Тотъ же братъ, будучи боримъ тою же блудною страстію, просилъ того же Великаго Старца помолиться о немъ и сказать ему, какъ распознать, своею ли похотію искушается человѣкъ, или врагомъ.

Отвѣтъ. Братъ! безъ труда и сердечнаго сокрушенія никто не можетъ избавиться отъ страстей и угодить Богу. Когда человѣкъ искушается своею похотію, можно узнать изъ того, что онъ нерадитъ о себѣ и позволяетъ сердцу своему размышлять о сдѣланномъ имъ прежде; и тогда человѣкъ самъ собою навлекаетъ на себя страсть чрезъ свою похоть. Умъ его, мало по малу ослѣпляемый страстію, начинаетъ, незамѣтно для него самаго, обращать вниманіе на того, къ кому чувствуетъ влеченіе, или говоритъ съ нимъ, и находитъ причины для того, чтобы съ нимъ побесѣдовать или посидѣть, и всѣми средствами старается исполнить свое желаніе. Если позволитъ мысли обращаться въ семъ, то умножится брань до паденія, хотя и не тѣломъ, но духомъ, въ согласіи съ помыслами, и оказывается, что такой человѣкъ (самъ) зажигаетъ огонь въ своемъ веществѣ. Трезвенный же и благоразумный человѣкъ, желающій спастись, когда видитъ, отъ чего терпитъ вредъ, тщательно хранитъ себя отъ злыхъ воспоминаній, не увлекается страстными мыслями, удаляется отъ встрѣчи и бѣсѣды съ тѣми, къ которымъ чувствуетъ влеченіе, и отъ всякаго повода къ грѣху, боясь, чтобы самому не возжечь въ себѣ огня. Вотъ брань, происходящая отъ своей похоти, или произвола (человѣка). А та, которая бываетъ отъ діавола, происходитъ такъ: сердце желающаго спастись боится, чтобы не принять въ себя сѣмени (вражескаго). И въ этомъ случаѣ человѣкъ трезвенно хранитъ себя отъ злыхъ воспоминаній, чтобы не увлечься страстными помыслами, и отъ встрѣчи, бесѣды и всякаго повода къ свиданію. Если нужда есть къ нему (лицу увлекающему) по дѣлу, то лучше оставить дѣло, чтобы не погибла душа. Бодрствуй, братъ, ты смертенъ и недолговѣченъ; не желай же за малое время (услажденія) потерять жизнь вѣчную. Какую пользу приноситъ зловоніе и нечистота грѣха? Только стыдъ, поношеніе и соблазнъ; воздержаніе же доставляетъ побѣду, вѣнецъ и похвалу. Укрощай коня своего уздою видѣнія, чтобы онъ, смотря туда и сюда, не разжигался похотію на женщинъ и мужчинъ и не свергнулъ бы тебя, всадника своего, на землю. Молись Богу, чтобы Онъ отвратилъ *очи твои, еже не видѣти суеты* (Пс. 118, 37). И когда пріобрѣтешь мужественное сердце, брани оставятъ тебя. Очищай себя, какъ вино очищаетъ раны, и не позволяй накопляться въ тебѣ зловонію и нечистотѣ. Пріобрѣти плачъ, чтобы онъ удалилъ отъ тебя свободу въ обращеніи, которая губитъ души усвоившихъ ее. Не бросай орудія, безъ котораго нельзя воздѣлать плодоносную землю. Орудіе это, содѣланное Великимъ Богомъ, есть смиреніе: оно искореняетъ всѣ плевелы съ поля Владыки и подаетъ благодать обитающимъ на немъ. Смиреніе не падаетъ

но воздвигаетъ отъ паденія тѣхъ, которые имѣютъ его. Возлюби всѣмъ сердцемъ плачъ, ибо и онъ соучастникъ благаго сего дѣланія. Потрудись во всемъ отсѣкать свою волю, ибо это вмѣняется человѣку въ жертву; сіе-то и значитъ: *Тебе ради умерщвляемся весь день, вмѣнихомся яко овцы заколенія* (Пс. 43, 23). Не разслабляй себя бесѣдами, ибо онѣ не допускаютъ тебя преуспѣвать о Богѣ. Усильно обуздывай органы чувствъ твоихъ: зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія, и преуспѣешь благодатію Христовою. Безъ мученій (никто) не бываетъ мученикомъ, какъ и Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши* (Лук. 21, 19), и Апостолъ говоритъ; *въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбѣхъ* (2 Кор. 6, 4) и проч. Смотри, не показывай Халдеямъ сокровищъ дома твоего (4 Цар. 20, 12—18), иначе возьмутъ они тебя въ плѣнъ и уведутъ къ Навуходоносору царю Вавилонскому (4 цар. 24, 13). Вразумляясь всегда отвѣтомъ моимъ, попирай страсти, чтобы онѣ не попрали тебя и насильственно не сдѣлали тебѣ зла. Убѣгай отъ нихъ, какъ серна отъ тенетъ (Прит. 6, 5), чтобы онѣ не закололи тебя, какъ ягненка. Небойся ихъ, онѣ не имѣютъ силы: Господь нашъ Іисусъ Христосъ разслабилъ ихъ и сдѣлалъ безсильными. Не предавайся сну: хотя онѣ и полумертвы, но не спятъ; не будь не радивъ, ибо онѣ не нерадятъ. Хотя немного простри и ты руку Отцамъ твоимъ, желающимъ извлечь тебя изъ зловонной тины. Вспоминай, что *много можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* (Іак. 5, 16). Не суди, не уничижай и не соблазняй никого. Не приписывай никому того, чего не знаешь о немъ достовѣрно, ибо это погибель душевная. Себѣ внимай и ожидай при-

ближающейся смерти. Говори себѣ слово блаженнаго Арсенія: „Арсеній, зачѣмъ ты вышелъ (изъ міра)?“ Научайся тому, чего пришелъ ты здѣсь искать. Теки къ Іисусу, чтобы и достигнуть его. Если хочешь спастись, теки скоро, чтобы войти и тебѣ въ добрую дружину святыхъ Старцевъ. Если хочешь преуспѣть, трудись. Пожелай быть прославленнымъ со Святыми въ неизреченной славѣ, а не быть съ постыдными демонами въ неизреченномъ мученіи. Возжелай быть въ царствіи небесномъ, а не въ гееннѣ огненной. Возжелай услышать: *пріидите, благословенніи Отца моего* (Мат. 25, 34), и *добрѣ рабе благій и вѣрный* (ст. 23) и проч., а не услышать: *иди отъ Мене, прокляте* (ст. 41), *рабе лукавый и лѣнивый* (ст. 26). Господу слава во вѣки. Аминь.

Вопросъ 6, того же къ тому же Великому Старцу. Имѣя много грѣховъ, я хочу покаяться, но по немощи тѣлесной не могу подвизаться подобно Отцамъ; прошу тебя, скажи мнѣ, какъ мнѣ положить начало? Назначь мнѣ что-либо и объясни, что значитъ сказанное тобою въ предыдущемъ отвѣтѣ: „не показывай Вавилонянамъ сокровищъ дома твоего, иначе они возьмутъ тебя въ плѣнъ и уведутъ въ Вавилонъ“.

Отвѣтъ Варсануфія. Братъ! есть нищіе, которыхъ ублажаетъ Господь, потому что они отвергли все свое имѣніе, т.-е. всѣ свои страсти и обнажились отъ нихъ ради имени Его; такіе по истинѣ нищи, и имъ принадлежитъ блаженство. Есть и другіе нищіе, не пріобрѣтшіе ничего добраго, которымъ Господь угрожаетъ, говоря: *отыдите отъ Мене, прокляті* (Мат. 25, 41). Кто имѣетъ такія стяжанія и отягощается ими, пусть отвергнетъ ихъ, да пребудетъ безъ попеченія,

И такъ, если желаешь положить начало покаянія, посмотри, что сдѣлала блудница: слезами своими омыла она ноги Владыки (Лук. 7, 38). Плачъ омываетъ всякаго отъ грѣховъ; но человѣкъ достигаетъ плача трудомъ, посредствомъ многаго поученія въ Писаніи, терпѣнія, размышленія о страшномъ судѣ и стыдѣ вѣчномъ, и чрезъ самоотверженіе, какъ Господь сказалъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мат. 16, 24). Отвергнуться же себя и взять крестъ свой значитъ: отсѣкать свою волю во всемъ и почитать себя за ничто. Такъ какъ ты сказалъ, что немощенъ тѣломъ и не можешь ничего дѣлать, то дѣлай по силѣ своей, вкушая хлѣба и питія нѣсколько менѣе надлежащаго, ибо Богъ принялъ двѣ лепты вдовицы и порадовался о нихъ болѣе, нежели о всемъ прочемъ. Обучи себя не обращаться съ другими свободно, и ты спасешься. Храни прежніе отвѣты мои и сей послѣдній, какъ зѣницу ока. Что же касается словъ моихъ: „не показывай сокровищъ твоихъ Вавилонянамъ," я говорилъ это о бѣсахъ, которымъ ты покажешь ихъ, если будешь говорить людямъ, что тебѣ написанъ оный отвѣтъ. Бѣсы, видя сіе, раздражатся на тебя и будутъ тебя бороть тщеславіемъ, а простыхъ слушателей соблазнять, и ты понесешь осужденіе за то и за другое. Тѣмъ же, которые могутъ слышать и сохранять (слова мои), они принесутъ радость и пользу. Все, что ни дѣлаешь добраго, старайся скрывать, ибо сіе тебѣ полезно. Господь да вразумитъ тебя молитвами Святыхъ. Аминь.

Вопросъ 7, того же къ тому же Великому Старцу. Помолись о мнѣ, Отецъ мой, меня очень смущаютъ

помыслы блуда, унынія и боязни; и помыслъ говоритъ мнѣ, чтобы я бесѣдовалъ съ братомъ, къ которому чувствую влеченіе, когда его вижу, дабы молчаніемъ моимъ не подать ему повода къ подозрѣніямъ. Ощущаю также, что бѣсы какъ бы давятъ меня, и впадаю въ боязнь.

Отвѣтъ. Братъ! ты не обученъ еще бранямъ со врагомъ, потому и приходятъ тебѣ помыслы боязни, унынія и блуда. Противостань имъ твердымъ сердцемъ, ибо борцы, если не подвизаются, не бываютъ увѣнчаны, и воины, если не покажутъ царю своего искусства въ браняхъ, не удостоиваются почестей. Вспомни, каковъ былъ Давидъ. Не поешь ли ты: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). И еще: *аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Аще востанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю* (Пс. 26, 3). Также о боязни: *аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4). Объ унынiи же: *аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Екклез. 10, 4). Развѣ ты не хочешь быть искуснымъ? Но мужъ, не испытанный искушеніями, не искусенъ. Брани дѣлаютъ человѣка искуснымъ. Дѣланіе инока состоитъ въ томъ, чтобы терпѣть брани и противиться имъ съ мужествомъ сердца. Но какъ ты не знаешь хитростей врага, то онъ и приноситъ тебѣ помыслы боязни и разслабляетъ твое сердце. Ты долженъ знать, что Богъ не попуститъ на тебя брани и искушенія выше силы твоей; тому научаетъ тебя и Апостолъ, говоря: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете* (1 Кор. 10, 13). Братъ! и я въ юности моей

многократно и сильно бывалъ искушаемъ бѣсомъ блуда и трудился, подвизаясь противъ такихъ помысловъ, противорѣча имъ и не соглашаясь съ ними, но представляя себѣ предъ глазами вѣчныя муки. Пять лѣтъ поступалъ я такъ ежедневно, и Богъ облегчилъ меня отъ сихъ помысловъ. Брань сію упраздняетъ непрестанная молитва съ плачемъ. А то, что бѣсы давятъ тебя, происходитъ отъ зависти ихъ: если бы могли, они выгнали бы тебя и изъ келліи твоей; но Богъ не попускаетъ имъ владѣть тобою, да они и не имѣютъ на то власти. Богъ вскорѣ могъ бы облегчить тебя, но ты не сталъ бы тогда противиться другой страсти. Да не разслабятъ тебя бѣсы, чтобы обращать вниманіе на брата (которымъ завлекаешься), или бесѣдовать съ нимъ, но если тебѣ и случится нечаянно съ нимъ сойтись противъ твоего желанія, удержи взоръ твой со страхомъ и благопристойностію, и не слушай внимательно его голоса. Если же братъ тотъ по невѣдѣнію самъ заговоритъ съ тобою, или сядетъ возлѣ тебя: то искусно уклонись отъ него, впрочемъ не вдругъ, но съ благопристойностію. Скажи помыслу своему: вспомни страшный судъ Божій и стыдъ, который постигнетъ тогда увлекающихся сими постыдными страстями. Понуждай помыслъ свой, и получишь помощь молитвами Святыхъ, и Богъ помилуетъ тебя. Не будь дитя умомъ, *по злобою младенствуй* (1 Кор. 14, 20): умомъ же, братъ, будь совершенъ. Внимай себѣ, какъ тебѣ встрѣтить Бога. Аминь.

8. Тотъ же братъ просилъ того же Великаго Старца, говоря: Помолись о мнѣ, Отецъ мой, ибо я окаяненъ во всему, и имѣю нужду въ великомъ человѣколюбіи. Возникающіе во мнѣ помыслы говорятъ: иди въ чужую сторону, и тамъ спасешься. По молитвамъ вашимъ, да не попуститъ Богъ овладѣть мною симъ помысламъ.

Отвѣтъ. Братъ! да будетъ проклятъ посѣявшій въ сердцѣ твоемъ такіе помыслы, чтобы выйти изъ сего мѣста ради преступленія заповѣдей. Это діаволъ. Онъ предлагаетъ тебѣ сіе подъ видомъ правды для того, чтобы, поругавшись надъ тобою, сдѣлать тебя предметомъ соблазна для многихъ, дабы ты и за нихъ понесъ осужденіе. Впрочемъ, ты подвергаешься сему за свое нерадѣніе и тщеславіе. Ты говоришь: „если уйду въ чужую сторону, тамъ буду переносить безчестіе.“ Почему же теперь, лишь только услышишь, что братъ твой сказалъ нѣчто на тебя, сердце твое смущается, и ты не хочешь, чтобы кто-нибудь зналъ о твоемъ согрѣшеніи? Къ нерадѣнію и тщеславію присоединяютъ свои козни и демоны, чтобы погубить твою душу. Будь увѣренъ о Господѣ, что, если бы не помощь Божія и не молитвы находящихся здѣсь истинныхъ рабовъ Божіихъ, ты не могъ бы и годъ пробыть въ монастырѣ. Но какъ слѣпой ничего не видитъ, такъ и ты не видишь благодѣянія, которое оказалъ тебѣ Богъ и продолжаетъ оказывать по молитвамъ Святыхъ и блаженнаго Авраамія, сказавшаго тебѣ и брату твоему: „ежели вы останетесь въ семъ мѣстѣ, то будете имѣть меня ходатаемъ.“ Братъ! внимай себѣ тщательно: подвизайся противъ помысловъ, чтобы не впасть въ нерадѣніе и тщеславіе, не дѣлать ничего по своей волѣ, и не принимать возникающихъ въ тебѣ помысловъ и самооправданія: въ противномъ случаѣ ты подвергнешься сильному

паденію. Знай же достовѣрно, что куда бы ты ни пошелъ, хотя бы прошелъ всю землю изъ конца въ конецъ, нигдѣ не получишь такой пользы, какъ на семъ мѣстѣ. Что для корабля якорь, то будетъ для тебя молитва здѣшнихъ Отцевъ. Пріобрѣти твердость, и она удалитъ отъ тебя свободу въ обращеніи съ ближними, причину всѣхъ золъ въ человѣкѣ. Оставь всѣ (внѣшнія) попеченія, и тогда будешь свободно служить Богу. Сдѣлайся мертвымъ для всякаго человѣка: въ семъ-то и состоитъ странничество. Почитай себя за ничто, и мысль твоя не будетъ смущаться. Не думай, чтобы ты сдѣлалъ что-нибудь доброе, и награда твоя сохранится въ цѣлости. Сверхъ всего помни, что ты не долго пробудешь въ тѣлѣ, и старайся, чтобы съ дерзновеніемъ могъ ты сказать въ оный часъ: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60). Братъ! нельзя жить безъ труда, и никто не вѣнчается безъ подвига. Понуждай себя подвизаться о своемъ спасеніи, и поможетъ тебѣ Богъ, *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4). Онъ да помилуетъ тебя, сынъ мой, чтобы ты могъ съ усердіемъ приступить къ благоугожденію Ему. Ибо Его есть милость и сила и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вопросъ 9, того же къ тому же Великому Старцу. Отецъ мой! что значитъ сказанное тобою, что я не могъ бы и года одного пробыть въ монастырѣ? И помолись о мнѣ Господа ради, потому что во время сна нападаетъ на меня демонъ и давитъ меня, и я имѣю нужду въ твоемъ человѣколюбіи.

Отвѣтъ. Я сказалъ тебѣ, что если бы не молитвы Отцевъ, то ты не могъ бы и одного года пробыть въ

монастырѣ, разумѣя это о монашествѣ. Потому что не всѣ, живущіе въ монастыряхъ, монахи, но тотъ монахъ, кто исполняетъ дѣло монашеское. Господь сказалъ: *не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже на небесѣхъ* (Мат. 7, 21). Братъ! зачѣмъ ты, находясь въ бѣдѣ, позволяешь врагу издѣваться надъ тобою. Ты вопрошаешь и не стараешься исполнять сказаннаго тебѣ; опять вопрошаешь, и тщеславно передаешь это другимъ изъ человѣкоугодія, и самъ препятствуешь себѣ преуспѣть вскорѣ; а потому и подвергаешься искушеніямъ во снѣ, и демонъ нападаетъ на тебя и давитъ тебя. Богъ же попускаетъ сіе для того, чтобы ты вразумился и укорялъ себя, какъ слѣдуетъ иноку; а ты не понимаешь сего, братъ. Время намъ дано для того, чтобы испытывать наши страсти, плакать и рыдать. Если же ты, пребывая въ келліи, развѣиваешься мыслями: укоряй себя во всемъ и повергни немощь твою предъ Богомъ. Онъ поможетъ тебѣ и укрѣпитъ тебя преуспѣть о Немъ. Аминь.

Вопросъ 10, того же къ другому Старцу *) и прошеніе о молитвѣ. Господа ради, помолись о мнѣ, чтобы мнѣ избавиться отъ постыдныхъ страстей и отъ тщеславія, ибо онѣ оскверняютъ меня во всякомъ дѣлѣ, о которомъ думаю, что дѣлаю доброе; также прошу тебя сказать мнѣ: съ какимъ намѣреніемъ должно совершать память Святыхъ, и какъ извергнуть изъ себя внутреннее зло.

*) Святому Іоанну Пророку.

Отвѣтъ Iоанна. Если хочешь избавиться отъ постыдныхъ страстей, не обращайся ни съ кѣмъ свободно, особенно же съ тѣми, къ которымъ сердце твое склоняется по страсти похотѣнія: чрезъ то освободишься и отъ тщеславія: ибо къ тщеславію примѣшивается человѣкоугодіе, къ человѣкоугодію свободное обращеніе [a], а свободное обращеніе есть матерь всѣхъ страстей. Кто совершаетъ память Святыхъ безъ тщеславія, полагая, что дѣлаетъ сіе по Божію указанію, а не по своемыслію, тотъ дѣлается сопричастникомъ Святыхъ и получаетъ награду отъ Владыки ихъ. Попеченіе же о спасеніи души и любовь къ Богу помогаютъ всякому извергнуть изъ себя внутреннее зло и чисто покаяться. Выслушай меня, сынъ мой, и по видимому заключай и о невидимомъ. Когда ты бываешь нѣсколько нездоровъ тѣломъ, то воздерживаешься отъ вреднаго тебѣ. Почему же не стараешься воздержаться, когда ты боленъ душею? Много нужно намъ трудовъ и потовъ, какъ Апостолъ говоритъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 27). Сдѣлай по силѣ твоей, и Богъ поможетъ тебѣ, молитвами Отцевъ твоихъ: ибо жаждетъ видѣть наше спасеніе Тотъ, Кто клялся самимъ Собою, что *не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Iезек. 33, 11). Великая сила восходитъ изъ мѣста, гдѣ молитвы истинныхъ рабовъ Божіихъ приносятся Богу за всѣхъ насъ; вѣрую, что не посрамитъ ихъ Господь. Присоедини къ онымъ и свои двѣ лепты, и ты обрадуешь Господа, какъ и вдовица Евангельская. Привяжи обремененную ладью твою къ

a) Въ Слав. дерзновеніе.

кораблю Отцевъ твоихъ, и они управятъ тебя къ Iисусу, могущему даровать тебѣ смиреніе и силу, разумъ, вѣнецъ и веселіе. Аминь.

Вопросъ 11, того же къ Великому Старцу. Я молодъ и неразуменъ, а служеніе мое превышаетъ мои силы, и потому прошу тебя, отецъ мой, испроси мнѣ у Бога разумъ, чтобы я могъ раздавать вещи, сообразно съ требованіемъ, сказать слово во время и помолчать во время, чтобы среди сомнѣній призывалъ Бога и твои молитвы, и получалъ помощь, и чтобы не впасть мнѣ въ заблужденіе.

Отвѣтъ Варсануфія. Весьма радуюсь, когда кто проситъ чего, руководствуясь страхомъ Божіимъ; такой смѣло да надѣется, что прошеніе его исполнится. Но послушай, братъ, если ты просишь сѣмени для своего поля, то удобри прежде поле къ принятію сѣмени. Ибо о хорошей и воздѣланной землѣ сказано, что она принесла *плодъ сторицею* (Лук. 8, 8). Я сдѣлаю по силѣ моей, что могу, ради заповѣди Божіей: но сознаю свою немощь, что не могу даровать тебѣ просимаго, по моему недостоинству. Впрочемъ, если ты вѣруешь, то получишь по вѣрѣ твоей не только это, но и все, въ чемъ имѣешь нужду. *Вѣсть бо Богъ, ихже требуеши, прежде прошенія твоего* (Матѳ. 6, 8). И такъ не сомнѣвайся, и я вѣрую, что Богъ сотворитъ по прошенію твоему, не меня ради, но ради твоей вѣры. Прежде всего смирись предъ Богомъ, ибо *смиреннымъ даетъ Онъ благодать* (1 Петр. 5, 5), о Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

12. Тотъ же братъ вопрошалъ другаго Старца, какъ ему дѣйствовать по силѣ сего старческаго отвѣта.

Отвѣтъ. Если ты хочешь научиться, какъ тебѣ дѣйствовать по силѣ сего отвѣта Старца, то такъ надобно поступать: когда хочешь говорить съ кѣмъ-либо или сдѣлать что-нибудь, призывай имя Старца, и Богъ положитъ тебѣ на сердце, что должно сдѣлать, или что сказать. Но (дѣлай это) со смиреніемъ, чтобы не лишиться сей благодати.

Вопросъ 13, того же къ Великому Старцу. Отецъ мой! ты оказалъ милость мнѣ немощному и далъ мнѣ совѣтъ, когда что-либо дѣлаю или говорю, призывать имя Божіе и твои молитвы, и сказалъ, что чрезъ то буду имѣть успѣхъ; я понуждаю себя дѣлать и говорить сообразно съ волею Божіею; но случается, что иногда и забываю (призывать имя Божіе и твои молитвы) по нерадѣнію моему, и потому прошу тебя, испроси мнѣ у Бога трезвеніе, и не попусти мнѣ блуждать по своей волѣ. Еще прошу тебя сказать мнѣ, какъ мнѣ поступать въ томъ случаѣ, когда, призвавъ при какомъ-либо дѣлѣ имя Божіе и твои молитвы, я все еще сомнѣваюсь, сдѣлать ли дѣло, или нѣтъ. Также, если меня спросятъ о чемъ-либо, и прежде, нежели я успѣю призвать Бога, или сообразу, что сказать, спросившій немедленно потребуетъ отвѣта: какъ мнѣ поступить, при такомъ нечаянномъ вопросѣ? Прошу тебя помолиться и о томъ, чтобы я могъ владѣть своими глазами, ибо они очень развлекаются.

Отвѣтъ. Если кто получитъ отъ Отцевъ заповѣдь, совѣтъ или отвѣтъ о чемъ-либо, и по забвенію или нерадѣнію забудетъ, то, познавъ, что онъ согрѣшилъ, пусть покается, и Богъ проститъ его. Братъ! почему же ты написалъ объ одномъ только трезвеніи? Я молю

Бога, да подастъ Онъ тебѣ всякое благое дарованіе, и да пребудетъ оно съ тобою во вѣкъ. Если случится тебѣ дѣлать что-нибудь, и призовешь Бога и молитвы Святыхъ, но все еще сомнѣваешься, исполни это дѣло: оно согласно съ волею Божіею, ибо ты при началѣ его призвалъ Бога. Что касается того, какъ отвѣчать на внезапный вопросъ, то ничего нѣтъ быстрѣе ума; возведи его къ Богу, и Онъ подаетъ тебѣ, что отвѣчать безъ смущенія. Смиреніе охраняетъ глаза отъ развлеченія и всего человѣка отъ всякаго зла. Я прошу тебѣ еще большихъ дарованій (о которыхъ говорилъ тебѣ), но подъ условіемъ, если ты будешь дѣйствовать по силѣ твоей. Внимай себѣ, и не только Святые, но и Самъ Богъ подастъ тебѣ руку (помощи) и окажетъ тебѣ милость.

14. Прошеніе того же къ тому же Великому Старцу. Милосерднѣйшій Отецъ мой! ты видишь слѣпоту души моей, и потому опять прошу тебя, испроси мнѣ просвѣщеніе сердца, чтобы я могъ различить правый помыслъ отъ тайно вреднаго, ибо боюсь, какъ бы не повѣрить (иногда) послѣднему. Много разъ случалось, что когда я давалъ вещь, мнѣ казалось, что дѣлаю это не по страсти; но, испытывая помыслъ свой, пріятно ли ему (помыслу) будетъ, если черезъ другаго дамъ брату сію вещь, такъ, чтобы братъ не зналъ, что я ему далъ ее, находилъ я что это непріятно было моему помыслу. Случается также, что я, кажется, не по страсти начинаю что-либо дѣлать или говорить; но въ то время, какъ выдаю вещь, или говорю, помыслъ мой услаждается симъ; и такъ, что дѣлать мнѣ окаянному? И другимъ образомъ оскорбляетъ меня то же дѣйствіе или, лучше сказать, славолюби-

вое мое сердце: случается, что когда нѣкоторые говорятъ мнѣ о какомъ-либо дѣлѣ, прежде нежели они кончатъ рѣчь свою, помыслъ мой соглашается съ ними и соуслаждается, какъ разумѣющій то. Прошу тебя, Отецъ мой, испроси мнѣ силу молчать, ибо удивляюся, какъ я услаждаюсь тѣмъ, что, какъ самъ знаю, безполезно и лишаетъ человѣка всякаго блага.

Отвѣтъ Варсануфія. Безъ болѣзни сердечной никто не получаетъ дарованія различать помыслы. Я молю Бога даровать тебѣ оное, но пусть и твое сердце поболѣзнуетъ немного, и Богъ подастъ тебѣ сіе дарованіе. Подобно сему разумѣй и о прочемъ. Когда Богъ, по молитвамъ Святыхъ и за болѣзнованіе твоего сердца, дастъ тебѣ сіе дарованіе, то всегда уже будешь въ состояніи различать помыслы Духомъ Его. Когда видишь, что представляется случай выказать свое знаніе, молчи, какъ ты и слышалъ уже отъ истиннаго моего о Богѣ сына, котораго долженъ ты слушать касательно всякаго твоего помысла; ибо онъ говоритъ тебѣ не отъ себя, но произноситъ то, что Богъ даетъ ему для пользы каждаго. Богъ да сохранитъ тебя, и да подастъ тебѣ силу во всякомъ случаѣ молчать благоразумно и благодать, чтобы познавать тебѣ, когда должно говорить безъ страсти. Ибо сердце твое еще не знаетъ совершенно, что многоглаголанія оскверняютъ человѣка, иначе оно не попускало бы тебѣ услаждаться ими.

Вопросъ 15, того же къ тому же Великому Старцу. Великое милосердіе твое ко мнѣ грѣшному опять даетъ мнѣ смѣлость безпокоить тебя. Вразуми меня, Отецъ мой, какъ должно трудиться сердце мое, чтобы достигнуть дара разсужденія. Напиши мнѣ, господинъ мой, и о непрестанной о Богѣ памяти *а*), если удостоишь меня сего поученія, и утверди меня въ немъ, ибо помыслъ мой боится, что не въ силахъ буду сохранять сего, потому и прошу тебя, Владыко, скажи, дѣйствительно ли полезно мнѣ это дѣло. Я вѣрую, что когда слово исходитъ изъ устъ твоихъ, оно даетъ силу моему сердцу.

Отвѣтъ Варсануфія. Сердечный трудъ твой долженъ состоять въ томъ, чтобы непрестанно молиться Богу, да не попуститъ Онъ тебѣ заблуждаться или послѣдовать собственнымъ своимъ желаніямъ: чрезъ сіе достигнешь ты разсужденія. О непрестанной же памяти, т. е. поученія, положи начало и не бойся: Богъ укрѣпитъ и утвердитъ тебя. Но сѣй съ надеждою (1 Кор. 9. 10), чтобы и пожать, если не ослабѣешь (Гал. 5. 6). Благословенъ Богъ, благославляющій тебя положить начало: Онъ подастъ тебѣ силу и сохранитъ по мѣрѣ твоей.

Вопросъ 16, того же къ тому же. Многократно случалось мнѣ прежде чувствовать малую теплоту въ теченіи немногихъ дней, но потомъ она опять проходила; и теперь въ теченіи одного часа съ усердіемъ сохраняю память о Богѣ, а другой съ принужденіемъ себя, и устрашаетъ меня мысль, что малая теплота сія по прежнему будетъ продолжаться лишь нѣсколько дней, потомъ оставитъ меня, и душа моя погибнетъ совершенно. Потому и прошу тебя, благій Отецъ мой, не оставь меня, но объясни мнѣ, что удаляетъ отъ меня сію память и теплоту. Испроси мнѣ и сохраненіе чувствъ, ибо я много плѣняюсь чрезъ

а) т. е. о внутренней молитвѣ.

нихъ и особенно тогда, когда сердце мое ищетъ повода къ грѣху; но и само собою, безъ моего желанія, источаетъ оно воспоминанія страстныя или безумныя, или безвременные помыслы. Потому прошу тебя, Отецъ мой, сильный о Господѣ, даруй мнѣ рабу твоему трезвеніе, дабы я познавалъ входящее въ мое сердце и (скажи), какъ поступать *а*) мнѣ, чтобы оно не удалило меня отъ твоего благословенія. Объясни мнѣ еще и сіе: если сдѣлаю что-нибудь или скажу и помощію Божіею буду сохраненъ отъ грѣха, то по избавленіи отъ него долженъ ли я благодарить Бога? И приводить ли это въ любовь Божію? Или вовсе не принимать мысли, что избѣжалъ грѣха, но испытывать согрѣшенія свои въ случившемся дѣлѣ, или словахъ, и просить въ нихъ прощенія?

Отвѣтъ Варсануфія. Потрудись сердечнымъ болѣзнованіемъ пріобрѣсти теплоту и молитву, и Богъ дастъ тебѣ имѣть ихъ всегда; забвеніе изгоняетъ ихъ, само же оно рождается отъ нерадѣнія. О храненіи чувствъ: всякое дарованіе получается черезъ болѣзнованіе сердца. Дарованіе же трезвенія не позволяетъ помысламъ входить, и если они и войдутъ, то не допускаетъ ихъ сдѣлать вредъ. Богъ да подастъ тебѣ трезвеніе и бодрствованіе. Заповѣдано: *о всемъ благодарите* (1 Сол. 5, 17), тѣмъ болѣе за то, о чемъ ты мнѣ объяснилъ; испытывать же согрѣшеніе и просить прощенія весьма полезно.

17. Прошеніе того же къ тому же Великому Старцу. Прошу тебя, Отецъ мой Святый, испроси мнѣ у Бога

а) Здѣсь въ Греч. книгѣ недостаетъ нѣсколькихъ словъ и они заимствованы изъ Слав. перевода старца Паисія.

силу; ибо то, что я заповѣдаю себѣ, будучи одинъ, не исполняю, когда схожусь съ братіею, и боюсь, чтобы мнѣ не привыкнуть, согрѣшая, только раскаяваться, а не исправляться, не пребыть во грѣхахъ и не умереть такъ. Знаю, что скорби страстей полезны мнѣ, онѣ сокрушатъ можетъ быть жестокость души моей, и не смѣю, безумный, желать покоя отъ нихъ; но о томъ прошу чрезъ ваше ходатайство, Отецъ мой, чтобы не часто побѣждаться, если это мнѣ полезно, и не скорбѣть о семъ сердцемъ.

Отвѣтъ. Никто и никому не можетъ сказать: я буду о тебѣ заботиться, а ты будь спокоенъ, ибо окажется виновнымъ. Но тотъ, котораго поддерживаютъ, долженъ привнести нѣсколько собственнаго старанія, дѣлать должное по силѣ своей, внимательно сохраняя заповѣди Отцевъ своихъ. И если падетъ однажды, то пусть опять постарается управить себя. Я вѣрую Богу, что такому человѣку не обратится это (случайное повтореніе паденій) въ навыкъ, и не овладѣетъ имъ нерадѣніе, но Богъ вскорѣ приведетъ его въ устроеніе усердныхъ (дѣлателей), и не возьметъ души его дотолѣ, пока не приведетъ его въ мѣру высокую, въ *мужа совершенна* (Ефес. 4, 13). И такъ не ослабѣвай, но, доколѣ имѣешь время, дѣлай, смиряйся, будь послушенъ, повинуйся, и поможетъ тебѣ Богъ, дающій благодать смиреннымъ, а гордымъ противящійся (1 Петр. 5, 5). Непрестанно говори: „Іисусе, помоги мнѣ,“ и поможетъ. Богъ да избавитъ душу твою, сынъ мой, отъ страстей постыдныхъ.

Вопросъ 18, того же къ тому же Великому Старцу. Кланяюсь тебѣ, милосердый Отецъ мой и врачъ немоществующей души моей. Увы мнѣ! что показалъ

ты мнѣ, къ чему привлекъ меня? И гдѣ я нахожусь, какъ бы связанный худымъ моимъ навыкомъ? Если и освобожусь немного, опять возвращаюсь (къ тому-же), потому что даю и принимаю (разныя вещи). Если бы я не стыдился благости Божіей и твоего милосердія (ибо знаю, изъ какого труднаго положенія привелъ Онъ меня къ ногамъ вашимъ), то могъ бы прійти въ отчаяніе. Когда молитвы ваши охраняютъ меня, я пребываю въ мирѣ, когда же бываю немного оставленъ, чтобы обнаружилось мое собственное произволеніе, тотчасъ побѣждаюсь. Съ утра уединяюсь въ келліи, но когда случится надобность, долженъ бываю выйти изъ нея и, по окончаніи дѣла, уже не въ силахъ бываю возвратиться въ нее, но (врагъ) представляетъ мнѣ предлогъ за предлогомъ относительно дѣлъ, которыя и безъ меня могутъ быть исполнены, пока не уязвитъ меня; такимъ образомъ возвращаюсь я въ келлію уже поздно, съ большою непріятностію, омраченный и унылый, не зная, что мнѣ дѣлать. И потому, святый Отецъ мой, вотъ я предъ твоимъ сердцемъ, видящимъ все: поступи со мною по милосердію твоему, какъ хочешь и какъ знаешь, (впрочемъ) я не знаю, что и сказать тебѣ: но прости меня Бога ради.

Отвѣтъ. Братъ! не должно тебѣ отчаяваться вслѣдствіе того, что ты написалъ мнѣ. Кормчій, когда корабль его бьютъ волны, не отчаявается въ своемъ спасеніи, но управляетъ кораблемъ, пока не приведетъ его въ пристань. Такъ и ты, видя, что увлекся и разсѣялся въ дѣлѣ, воззови себя къ началу пути, говоря съ Пророкомъ: *и рѣхъ, нынѣ начахъ* (Пс. 76, 11) и проч. Разсматривай встрѣчающіяся дѣла: могутъ ли онѣ быть исполнены братіями, или тобою, и не уклонишься съ пути. Попеченіе ради Бога есть духовное дѣланіе, исполняемое и совершаемое во спасеніе души: старайся только, по силѣ своей, для ничтожныхъ дѣлъ не выходить изъ келліи, ибо это демонская хитрость. Будь разумно внимателенъ къ себѣ, и Богъ поможетъ тебѣ, молитвами Святыхъ. Аминь.

19. Прошеніе того же къ тому же Великому Старцу, чтобы онъ понесъ грѣхи его.

Отвѣтъ. Братъ! хотя ты просишь о дѣлѣ, превышающемъ мои силы, но покажу тебѣ мѣру любви, которая понуждаетъ себя и на то, что выше силъ. По приверженности къ тебѣ, я беру на себя и понесу твое бремя только съ тѣмъ, чтобы и ты взялъ на себя—хранить мои слова и заповѣди, ибо онѣ спасительны, и ты поживешь непостыдно.

Вопросъ 20, того же къ тому же Великому Старцу, о заповѣдяхъ, которыя онъ далъ ему, и прошеніе о томъ, чтобы быть въ состояніи сохранить ихъ.

Отвѣтъ. Тотъ, Кто укрѣпилъ Отцевъ нашихъ, да укрѣпитъ и твою любовь, братъ, и да дастъ тебѣ разумъ духовный, чтобы ты могъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ поступать разумно. Воздерживай языкъ свой отъ празднословія, чрево отъ сластолюбія, и не раздражай ближняго. Не будь дерзокъ, почитай себя за ничто, храни любовь ко всѣмъ и имѣй всегда Бога въ умѣ своемъ, поминая: *когда явлюся лицу Божію* (Пс. 41, 3). Сохраняй сіе, и земля твоя принесетъ сторичный плодъ Богу, Которому слава во вѣки. Аминь.

Вопросъ 21, того же къ тому же Великому Старцу. Отецъ мой, что значитъ вмѣнять себя ни во что?

Отвѣтъ. Братъ! вмѣнять себя ни во что значитъ ни съ кѣмъ не сравнивать себя и не говорить о (своемъ) добромъ дѣлѣ: и я это сдѣлалъ.

Прошеніе того же къ тому же: касательно нарушенія данныхъ ему заповѣдей, о помощи въ покаяніи, и какъ должно каяться; и если случится преступить (заповѣдь), уничтожается ли чрезъ то завѣтъ?

Отвѣтъ. Во имя Божіе, да исполнится по прошенію твоему то, о чемъ ты просилъ. Берегись же высокоумія, чтобы не потерять всего. Когда нарушишь заповѣдь, спѣши къ покаянію; и хотя имѣешь перевязь для своей раны, не предавайся нерадѣнію, чтобы не сдѣлалось съ тобою хуже прежняго. Пока ты держишься за меня, завѣтъ мой съ тобою пребываетъ нерушимымъ; въ противномъ случаѣ, какъ помилуетъ тебя Богъ, чтобы слышать и исполнять о Христѣ. Аминь.

23. Того же къ тому же Великому Старцу прошеніе молитвы, чтобы и въ будущемъ вѣкѣ не лишиться его покрова.

Отвѣтъ. Сынъ мой! если бы ты разумѣлъ сказанное тебѣ мною, то могъ бы показать, что я уже далъ тебѣ залогъ спасенія души твоей; я не желаю обольстить тебя или отлучить отъ спасающихся, истинныхъ чадъ моихъ и покрова Божія, но и самъ ты постарайся не отлучаться отъ той жизни. Апостолъ никого не отлучилъ, а сказалъ: *аще ли невѣрный отлучается, да разлучится* (1 Кор. 7, 15). Но да не исполнится сего на тебѣ; я упомянулъ о семъ только къ утвержденію твоему, чтобы ты внималъ себѣ, стараясь не отпасть отъ сего ожиданія и надежды. Возмогай же о Господѣ, Который сказалъ ученикамъ Своимъ, что они пріимутъ силу съ высоты (Лук. 24, 49).

Отвѣтъ 24, того же къ другому Старцу. Если кто считаетъ себя ниже всей твари, а дѣйствія его не соотвѣтствуютъ сему; какъ о семъ думать?

Отвѣтъ. Если дѣйствіе не согласно съ сознаніемъ, то и оно не есть истинно, но поруганіе демонское.

Вопросъ 25. Отецъ мой! нѣтъ еще того, чтобы я считалъ себя ниже всей твари, но когда испытываю свою совѣсть, нахожу себя заслуживающимъ того, чтобы считать себя ниже всей твари. Неужели и это поруганіе отъ демоновъ?

Отвѣтъ. Братъ! теперь (только) вступилъ ты на правую стезю. Вотъ самая истина. Богъ да приведетъ тебя въ ту мѣру, чтобы считать себя ниже всей твари. Здравствуй о Господѣ.

Вопросъ 26, того же къ тому же. Скажи мнѣ, Владыко мой: какимъ путемъ скорѣе можно достигнуть спасенія, трудами ли, или смиреніемъ, и какъ избавиться отъ забвенія?

Отвѣтъ. Братъ! истинный трудъ не можетъ быть безъ смиренія; ибо самъ по себѣ трудъ суетенъ и не вмѣняется ни во что. Писаніе говоритъ: *виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Пс. 24, 18). И такъ кто соединяетъ смиреніе съ трудомъ, тотъ скоро достигнетъ (цѣли). Имѣющій смиреніе съ уничиженіемъ также достигаетъ, ибо уничиженіе замѣняетъ трудъ. А кто имѣетъ одно только смиреніе, тотъ хотя и успѣваетъ, но не такъ скоро. Желающій пріобрѣсти истинное смиреніе отнюдь ни въ какомъ случаѣ не долженъ почитать себя чѣмъ-нибудь.

Въ семъ состоитъ истинное смиреніе. Пріемлющій тотъ *огнь*, который Господь *пришелъ воврещи на землю* (Лук. 12, 49), не знаетъ забвенія и плѣненія, ибо всегда ощущаетъ сей огонь. Возьми примѣръ отъ чувственаго огня. Если къ человѣку, находящемуся уже при смерти, приблизится огонь, онъ тотчасъ чувствуетъ боль; и чѣмъ бы человѣкъ ни былъ занятъ, если упадетъ на него горячій уголь, онъ ни мало не можетъ уже оставаться въ своемъ увлеченіи. Братъ! огонь никогда не угасаетъ, иначе онъ и не былъ бы огнемъ. Если ты хочешь избавиться отъ забвенія и плѣненія, то не иначе можешь того достигнуть, какъ стяжавши въ себѣ духовный огнь, ибо только отъ его теплоты изчезаютъ забвеніе и плѣненіе. Пріобрѣтается же огнь сей стремленіемъ къ Богу. Братъ! если сердце твое день и ночь съ болѣзнію не будетъ искать Господа, ты не можешь преуспѣть. Если же, оставивъ все прочее, займешься симъ, то достигнешь сего: ибо Писаніе говоритъ: *упразднитеся и разумѣйте* (Пс. 45, 11) и проч. Да дастъ тебѣ Господь разумѣть сіе и подвизаться въ семъ.

Вопросъ 27, того же къ тому же. Отецъ мой, что есть смиреніе? что уничиженіе? и что сокрушеніе сердца? Пріобрѣтаетъ ли тотъ смиреніе, кто самъ себя уничижаетъ въ сердцѣ? Или нужно для сего перенести еще и внѣшнія поношенія, и досады отъ людей, и упражняться въ самыхъ низкихъ дѣлахъ *)? Долженъ ли также смиренномудрый показывать свое смиреніе на словахъ, или стараться быть смиреннымъ и въ поступкахъ?

*) т е. такихъ, которыя считаются унизительными въ глазахъ другихъ.

Отвѣтъ. Смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не почитать себя за нѣчто, во всемъ отсѣкать свою волю, повиноваться всѣмъ и безъ смущенія переносить то, что постигаетъ насъ отвнѣ. Таково истинное смиреніе, въ которомъ не находитъ себѣ мѣста тщеславіе. Смиренномудрый не долженъ стараться выказывать свое смиреніе на словахъ, но довольно для него говорить: „прости меня“ или „помолись о мнѣ“. Не должно также самому собою вызываться на исполненіе низкихъ дѣлъ; ибо и то, и другое ведетъ къ тщеславію, препятствуетъ преуспѣянію и болѣе дѣлаетъ вреда, нежели пользы; но когда повелятъ что либо, не противорѣчить, а исполнять съ послушаніемъ: вотъ что приводитъ къ преуспѣянію. Уничиженіе же бываетъ двоякаго рода. Одно сердечное, а другое происходитъ отъ поношеній, принимаемыхъ отвнѣ. Уничиженіе, принимаемое отвнѣ, болѣе сердечнаго; ибо легче самому себя уничижить, нежели перенести уничиженіе отъ другихъ, потому что послѣднее производитъ гораздо большую болѣзнь въ сердцѣ. Сокрушеніе же сердца состоитъ въ томъ, чтобы хранить его и не допускать увлекаться неполезными помышленіями.

Вопросъ 28, того же къ тому же. Если кого-нибудь хвалятъ, не долженъ ли онъ отвѣчать, говоря какъ бы со смиреніемъ?

Отвѣтъ. Молчать гораздо полезнѣе. Ибо если кто отвѣчаетъ, то это значитъ, что онъ принимаетъ похвалу, а сіе есть уже тщеславіе. Даже и то, когда думаетъ, что онъ отвѣчаетъ смиренно, есть уже тщеславіе; ибо если онъ тѣ же слова, которыя самъ го

воритъ о себѣ, услышитъ отъ другаго, то не можетъ перенести ихъ.

Вопросъ 29, того же къ тому же. Но случается, что похваливщій, заключивъ изъ молчанія его, что принялъ похвалу, соблазнится симъ; какъ же должно поступать?

Отвѣтъ. Неизвѣстное подвизающійся долженъ предоставить Богу, да извѣститъ Онъ Самъ слышащаго. Почему знать, можетъ быть, хваливщій получилъ пользу отъ его молчанія, полагая, что онъ не принялъ похвалы, а онъ думаетъ, что тотъ соблазнился. Если соблазнившій самъ обнаружитъ сіе, тогда должно объяснить ему со смиренномудріемъ, говоря: прости меня, братъ, я ничего не сознаю въ себѣ добраго, потому и не нашелъ, что тебѣ отвѣчать, но помолись о мнѣ Господа ради.

Вопросъ 30, того же къ тому же. Случается, что иный дѣйствительно грѣшенъ, и со смиренномудріемъ, а не по тщеславію говоритъ истину: неужели онъ и тогда не долженъ отвѣчать?

Отвѣтъ Іоанна. Не долженъ, хотя бы и такъ было; ибо если онъ смиренномудрствуетъ на время, но слушающій считаетъ его смиренномудрымъ, и это будетъ тяготить его *): потому что Господь сказалъ: *горе вамъ, егда добрѣ рекутъ вамъ человѣцы* (Лук. 6, 26), относя это къ грѣшникамъ, которые не имѣютъ дѣлъ, а получаютъ похвалу.

Вопросъ 31, того же къ тому же. Какъ же мы находимъ, что нѣкоторые изъ Святыхъ, когда ихъ хвалили, отвѣчали со смиреніемъ?

*) [illegible]

Отвѣтъ. Отцы, достигши той мѣры, о которой сказалъ Господь *яко егда сотворите сія вся, рцыте, яко раби неключимы есмы* (Лук. 17, 10), и по истинѣ почитая себя такими, такъ и отвѣчаютъ, какъ думаютъ о себѣ; если же и отъ другаго тоже услышатъ, не приходятъ въ негодованіе, но благословляютъ его, какъ сказавшаго истину.

Вопросъ 32, того же къ тому же. Если кто-нибудь, будучи облагодѣтельствованъ другимъ, благодаритъ его, какъ своего благодѣтеля, неужели и въ такомъ случаѣ не должно отвѣчать.

Отвѣтъ. Молчаніе всегда хорошо. Но чтобы не показалось, что благотворитель отвергаетъ приносимую ему благодарность, онъ долженъ со смиреніемъ сказать: „прости меня, Авва, и помолись о мнѣ Господа ради,“ имѣя въ сердцѣ своемъ, что онъ самъ ничего не сдѣлалъ; ибо Господь благодѣтельствуетъ всѣмъ. При томъ долженъ молить Бога, чтобы не понести осужденія за свои слова.

Вопросъ 33, того же къ тому же. Помолись о мнѣ, Отецъ мой, чтобы я избавился отъ языка своего, отъ свободы въ обращеніи и отъ угожденія чреву.

Отвѣтъ. Въ отношеніи языка, свободы въ обращеніи и чревоугодія, какъ ты меня просилъ помолиться, такъ и самъ старайся, по силѣ своей, воздерживаться, ибо ихъ нельзя обуздать безъ болѣзни сердечной, безъ трезвенія и плача, вспоминая, что *много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема* (Іак. 5, 16). Всѣ страсти препобѣждаетъ смиреніе, которое всякій пріобрѣтаетъ трудомъ. Братъ! Богъ да подастъ тебѣ силу, соединенную съ разсужденіемъ и страхомъ Божіимъ.

Вопросъ 34, того же къ тому же. Если сіе пріобрѣтается плачемъ, какъ ты сказалъ, то какъ же мнѣ сохранить плачъ, когда я нахожусь среди людей, служу другимъ, и забочусь о томъ, что кому дать изъ больныхъ? и есть ли сердечный плачъ безъ слезъ?

Отвѣтъ Іоанна. Не плачъ происходитъ отъ слезъ, а слезы отъ плача. Если человѣкъ, находясь среди другихъ, отсѣкаетъ свою волю и не обращаетъ вниманія на чужіе грѣхи, то пріобрѣтаетъ плачъ. Ибо чрезъ сіе собираются его помыслы и, собираясь такимъ образомъ, рождаютъ въ сердцѣ печаль по Богу (2 Кор. 7, 10), а печаль эта слезы.

Вопросъ 35, того же къ тому же. Я объясняю свои помыслы Аввѣ, и чувствую, что нѣкоторые скорбятъ на то. Какъ же мнѣ поступать? Не получаю ли я вреда, пребывая въ келліи и, какъ посмѣваясь надо мною, внушаетъ мнѣ помыслъ, будто бы внимая своему намѣренію. Потомъ, ежели намѣреніе мое, при вашемъ покровительствѣ, и не будетъ по страсти, какъ могу совершить все это дѣло безъ вреда, будучи немощенъ и не имѣя еще ненависти къ страстямъ моимъ? И потому прошу тебя, если и ты также разсудишь, и то мнѣ полезно, чтобы не быть мнѣ болѣе посредникомъ между братіею и Аввою внѣ больницы, какъ бы не возбудить чрезъ это зависть и не поколебаться самому. Душа моя въ твоихъ рукахъ, Отецъ мой, скажи мнѣ, какъ повелишь мнѣ поступать?

Отвѣтъ. Если говоришь *) чистосердечно, не по страсти и не по тщеславію, а только для пользы, то

*) Аввѣ о другихъ

не обращай вниманія на слова людей. Подвизайся, при помощи молитвъ Святыхъ, пока не успѣешь окончить сіе дѣло безъ вреда. Быть посредникомъ не по страсти, какъ я сказалъ, дѣло доброе, потому что не всѣмъ возможно, да не всѣмъ и полезно говорить прямо съ Аввою. Когда ты говоришь по Богу, то не отъ себя говоришь и дѣлаешь добро, но Богъ дѣйствуетъ во семъ. А благое Божіе не раждаетъ зависти. Если же она и появится на малое время, то скоро угасаетъ. Души всѣхъ насъ въ рукахъ Бога; Онъ хранитъ насъ и укрѣпляетъ на полезное.

Вопросъ 36, того же къ тому же. Если я нахожу что-нибудь полезнымъ для нѣкоторыхъ: долженъ ли я сказать то, не будучи спрошенъ о семъ? И если братъ, котораго это касается, будетъ старше меня, или клирикъ: сказать ли мнѣ о немъ Аввѣ или промолчать? Когда меня спросятъ, то какъ отвѣчать? Если не полезно говорить и самому по себѣ, то какъ мнѣ говорить, чтобы не показаться притворнымъ, т. е. избѣжать смиреннословія и не говорить, какъ бы уча со властію.

Отвѣтъ. Отцы сказали, что хорошо говорить Бога ради и молчать Бога ради. Слова же ихъ значатъ слѣдующее: говорить, какъ я сказалъ, не по страсти хорошо, ибо говорящій такимъ образомъ Бога ради говоритъ; а когда кто видитъ, что хочетъ что-нибудь сказать по страсти, то если промолчитъ, хорошо сдѣлаетъ, ибо онъ умолчитъ Бога ради. Если же хочешь говорить по Богу, не заботься о томъ, что сказать, иначе ты не исполнишь заповѣди; но предоставь это дѣло Богу, и Онъ вложитъ во уста твои, что сказать для пользы. Богъ силенъ *препоясати* насъ не-

мощныхъ *силою* (1 Цар. 2, 4). Онъ да укрѣпитъ тебя, братъ.

Вопросъ 37, того же къ тому же. Въ чемъ должно отсѣкать волю свою предъ Аввою: въ добромъ, въ среднемъ *), или въ томъ, что кажется противно заповѣди Божіей? И если повелѣніе его будетъ выше силъ моихъ, долженъ ли я отказаться, чтобы не впасть послѣ въ скорбь и смущеніе? И еще, если кому-нибудь нужно будетъ попросить чего-либо у Аввы, онъ скажетъ мнѣ, чтобы я помогъ ему въ томъ дѣлѣ, и я соглашусь: не дастъ ли это пищи моему честолюбію, какъ будто я что-нибудь значу?

Отвѣтъ. Братъ! кто хочетъ быть инокомъ, тотъ отнюдь ни въ чемъ не долженъ имѣть своей воли. Христосъ, научая насъ сему, сказалъ: *Пріидохъ въ міръ, не да творю волю мою* (Іоан. 6, 38) и проч. Ибо кто хочетъ одно исполнять, а отъ другаго отказываться, тотъ показываетъ, что онъ или разсудительнѣе повелѣвающаго ему, или поруганъ демонами. И такъ ты долженъ слушаться во всемъ, хотя бы тебѣ и казалось, что дѣло будетъ не безгрѣшно. Авва, который назначаетъ тебѣ оное, понесетъ и грѣхъ твой, ибо съ него взыщется отвѣтъ за тебя. Если же назначаемое дѣло покажется тебѣ тяжелымъ, спроси о семъ Авву и предоставь его разсужденію. Если же братія будетъ назначать тебѣ подобное дѣло, а ты видишь или знаешь, что оно вредно, или превосходитъ твои силы, опять спроси Авву, и что онъ скажетъ, то и сдѣлай. Если же будешь разбирать не только дѣла, но

*) Подъ средними дѣлами разумѣются такія, въ которыхъ нѣтъ вреда, но нѣтъ и существенной пользы.

и людей, то навлечешь себѣ скорби. Но гдѣ видишь, что дѣло доброе, тамъ покажи послушаніе братіи: а въ чемъ сомнѣвается помыслъ, или что превосходитъ твои силы, или сопряжено со вредомъ *), все то говори Аввѣ твоему, и какъ онъ разсудитъ, такъ и поступи, и будешь спокоенъ: ибо Авва знаетъ, что дѣлаетъ, и какъ заботиться о душѣ твоей. Вѣруй, что все, что онъ говоритъ тебѣ, говоритъ по Богу (а все бывающее по Богу) (а) полезно и не приноситъ ни скорби, ни смущенія (отъ добраго не происходитъ ничего злаго) (а) *Всяко бо древо добро плоды добры творитъ* (Мат. 7, 17). Если же кто-нибудь въ случаѣ нужды попроситъ тебя помочь ему у Аввы, исполни это, какъ заповѣдь, которую далъ тебѣ Авва; ибо если онъ посадитъ тебя у дверей и скажетъ: говори мнѣ о всякомъ, кто бы ни пришелъ, ты не отъ себя будешь дѣлать это, но исполняя приказаніе повелѣвшаго. Если Авва повелитъ тебѣ говорить ему или не говорить, это уже не твое дѣло.

Вопросъ 38, того же къ тому же. Когда братъ спроситъ меня о какомъ-либо словѣ или дѣлѣ, котораго я не знаю, отвѣчать ли ему или нѣтъ? Также, когда меня и не спрашиваютъ, но я самъ вижу, что не хорошо дѣлаютъ что-нибудь: нужно ли хоть одинъ разъ сказать о семъ тому, кто дѣлаетъ дурно, или нѣтъ?

Отвѣтъ. На всѣ сіи вопросы одинъ отвѣтъ: остерегайся, чтобы не сказать по тщеславію, но говори со смиреніемъ и страхомъ Божіимъ. Во всѣхъ случаяхъ

*) Словъ, заключающихся въ скобкахъ, не находится въ Греческой книгѣ отвѣтовъ Варсануфія и Іоанна, изданной въ Венеціи въ 1816 году.

(о коихъ ты спрашивалъ) скажи и напомни, если нужно, однако въ своемъ только монастырѣ, а не въ другомъ мѣстѣ; потому что живущіе въ одномъ общежитіи суть какъ бы одно тѣло. А когда находишься въ другомъ мѣстѣ, самъ отъ себя не говори ничего, чтобы не показаться учителемъ; но когда тебя спросятъ, скажи со смиреніемъ, и Богъ вразумитъ тебя, братъ.

Вопросъ 39, того же къ тому же. Ты сказалъ мнѣ, что когда меня спросятъ, или самъ вижу что-либо, то я долженъ сказать со смиреніемъ; но если вижу, что когда говорю, сердце мое услаждается тщеславіемъ, или хотя тогда и не услаждаюсь, но знаю что буду услаждаться имъ послѣ, промолчать ли мнѣ, или нѣтъ?

Отвѣтъ. Сказать что-либо со смиреніемъ не значитъ говорить учительски, а такъ, какъ самъ слышалъ отъ Аввы и отъ Отцевъ. Если же полезно сказать что-нибудь брату, а тщеславіе внушаетъ тебѣ усладиться симъ, то знай, что врагъ хочетъ воспрепятствовать тебѣ сдѣлать пользу брату. Если будешь слушаться тщеславія, братъ никогда не получитъ черезъ тебя пользы; но отвергни тщеславіе и презри оное; а когда скажешь брату (должное), покайся предъ Богомъ, говоря: „прости мнѣ, Господи, что я тщеславно говорилъ“; и въ послѣднемъ случаѣ поступай также.

Вопросъ 40, того же. Отецъ мой! какъ согласить это: ты повелѣлъ мнѣ, когда вижу что-либо неполезное, говорить, прежде нежели меня спросятъ, а Отцы говорятъ, что не должно начинать разговора прежде вопроса, и Авва Пистерой не потому ли приводилъ другихъ въ удивленіе *), что, будучи въ общежитіи,

*) См. Дост. Сказ. о подвиж. Св. Отц. стр. 213, 214. Издан. 2-е 1846 г.

говорилъ: я и оселъ—одно и тоже. Скажи мнѣ также, Отецъ мой, что значитъ внимать своимъ помысламъ? Должно ли заниматься симъ въ опредѣленное время, и какъ сіе дѣлать?

Отвѣтъ Іоанна. Братъ, Старцы отвѣчаютъ сообразно съ (духовнымъ) возрастомъ человѣка. Есть время, въ которое человѣкъ можетъ послужить, и тогда онъ долженъ оказывать другимъ услуги; но настанетъ и такое время, когда ему будутъ служить другіе: тогда духовный возрастъ его будетъ уже не тотъ, что прежде. Совершеннымъ совершенное и говорится, а находящимся подъ закономъ преподается иное, ибо они еще испытываются подъ пѣстуномъ. Когда и ты будешь мертвъ для міра, какъ Авва Пистерой, тогда можешь сказать: я оселъ. Не высокомудрствуй, потому что повредишь себѣ тѣмъ. Отцы назначили время для вниманія своимъ помысламъ, говоря: утромъ испытай себя, какъ провелъ ты ночь, и вечеромъ также, какъ провелъ день. И среди дня, когда отяготишься помыслами, разсмотри себя.

ТОЛКОВАНІЕ.

Чрезъ сіе Богоносный Отецъ показываетъ, что невсякій, но только смиренномудрствующій и уничижающій себя можетъ сказать: я оселъ, ибо сказать это не есть безчестіе, но напротивъ величайшая честь. Потому и говоритъ Отецъ: не высокомудрствуй. Ибо когда кто достигнетъ въ мѣру осла, то подобно ему, получая удары, терпя поношенія, будучи отягощаемъ, плѣкомъ, связываемъ, и терпя все подобное, что свой-

ственно терпѣть ослу, переноситъ все сіе, не противорѣча, не помня зла, и отнюдь не возмущаясь въ сердцѣ, подобно ослу, но пребывая при всемъ томъ, какъ безчувственный, что и означаетъ уже желаемое двоякое, или трoякое умерщвленіе; тогда можетъ быть (человѣкъ) осмѣлится сказать: я оселъ, но и то со многимъ стыдомъ, размышляя о высотѣ такого преуспѣянія. Однако думаю, что и тогда онъ не скажетъ сего: но видя, что ему многаго недостаетъ до такого состоянія, тѣмъ менѣе осмѣлится сказать: я оселъ, и даже не посмѣетъ и подумать сего, зная, что это есть высокомудріе, въ которомъ состоитъ паденіе души и по истинѣ совершенная погибель.

41. Того же къ тому же. Если кто изъ Старцевъ, высшихъ меня, спроситъ меня о чемъ нибудь: долженъ ли я сказать, что нахожу полезнымъ.

Отвѣтъ Іоанна. Не твое дѣло говорить это, потому что ты не знаешь воли Божіей, дѣйствительно ли сіе полезно; но если кто изъ нихъ спроситъ тебя, скажи ему со смиреніемъ: „прости меня“ и: „я не знаю.“

42. Того же къ тому же. Когда братъ дѣлаетъ что-нибудь среднее, но не согласно съ моею волею, и я скорблю о семъ, какъ мнѣ поступить: промолчать ли и не успокоить своего сердца, или ласково сказать и тѣмъ избавиться отъ смущенія? Если же дѣло это другимъ причиняетъ скорбь, а не мнѣ: сказать ли мнѣ ради другихъ, или сіе будетъ напрасное вмѣшательство въ чужое дѣло?

Отвѣтъ Іоанна. Если дѣло будетъ безгрѣшное, среднее и ты хочешь сказать для того только, чтобы успокоить твое сердце, то въ семъ обнаруживается твое побѣжденіе, что ты, по немощи своей, не можешь

потерпѣть. Укори же себя и молчи. А когда братъ другимъ причиняетъ скорбь, то скажи Аввѣ твоему, и онъ или самъ скажетъ тому брату, или тебя вразумитъ, что тебѣ сказать ему, и ты будешь спокоенъ.

Вопросъ 43, того же. Если я говорю Аввѣ ради другихъ и догадываюсь, что братъ смущается симъ: какъ мнѣ поступить? Также, когда онъ оскорбляетъ и другихъ, и меня: сказать ли мнѣ ради другихъ, или промолчать, потому что это и меня безпокоитъ? Если же знаю, что братъ не скорбитъ о семъ, сказать ли и себя ради, или принудить себя промолчать?

Отвѣтъ Іоанна. Если ты скажешь Аввѣ, а братъ смутится симъ, то тебѣ нѣтъ до того дѣла. Когда нужно будетъ сказать ради другихъ, и это тебя озабочиваетъ, скажи ради ихъ, себя же ради принудь себя не говорить.

Вопросъ 44, того же. Но помыслъ говоритъ мнѣ, что, если братъ смутится на меня, онъ сдѣлается мнѣ врагомъ, полагая, что я его оклеветалъ передъ Аввою.

Отвѣтъ Іоанна. Это злой помыслъ, возбраняющій исправленію брата. Не удерживайся, но говори Аввѣ только по Богу, а не по страсти; ибо и на врачей ропщутъ больные, которыхъ они лѣчатъ, но врачи пренебрегаютъ симъ, зная, что послѣ они ихъ будутъ благодарить.

Вопросъ 45, того же. Когда вижу, что помыслъ побуждаетъ меня сказать не для пользы брата, но для того, чтобы оклеветать его (а): сказать ли мнѣ, или промолчать?

(а) Здѣсь разумѣется не то, чтобы грубо клеветать на брата, но сказать о комъ-либо истину пристрастно.

Отвѣтъ Іоанна. Вразуми свой помыслъ сказать по Богу, а не по страсти. Если же побѣждаешься желаніемъ оговорить (брата), скажи Аввѣ, исповѣдуя ему клевету свою, чтобы обоимъ вамъ получить исцѣленіе: брату отъ грѣха, а тебѣ отъ клеветы.

Вопросъ 46. Если же помыслъ не допуститъ меня исповѣдать Аввѣ, что я говорю съ намѣреніемъ оклеветать брата: что мнѣ дѣлать, сказать ли, или нѣтъ?

Отвѣтъ. Не говори ничего, и Господь попечется о семъ. Тебѣ не должно говорить со вредомъ душевнымъ. Господь исправитъ брата, какъ ему угодно.

Вопросъ 47. Бываетъ, что я, кажется, дѣлаю что-нибудь, какъ должно, но другой поправляетъ мое дѣло; а я отвѣтъ ему даю съ тщеславіемъ: какъ мнѣ поступать въ подобныхъ случаяхъ?

Отвѣтъ Іоанна. Если тебѣ не нужно отвѣчать, молчи. А когда дѣло братнее наводитъ тебѣ сомнѣніе, укори себя въ тщеславіи и уврачуй брата.

Вопросъ 48. Если дѣлаю нѣчто среднее и вижу, что, когда братъ узнаетъ, что я это дѣлаю, онъ соблазнится симъ, и тщеславіе понуждаетъ меня скрыть это дѣло (ибо стыжусь, ежели братъ увидитъ его): долженъ ли я его скрыть для избѣжанія соблазна, или не скрывать во избѣжаніе тщеславія? Также, когда не знаю навѣрное, соблазняется ли братъ, но только подозрѣваю сіе: какъ мнѣ поступать?

Отвѣтъ Іоанна. Если сердце осуждаетъ тебя, что подаешь брату соблазнъ, то скрой это дѣло и не давай ему повода къ подобнымъ помысламъ; а когда не знаешь навѣрное, но только подозрѣваешь, не заботься о семъ.

Вопросъ 49, того же. Если скажу кому-нибудь колкое слово, а онъ не пойметъ его: долженъ ли я покаяться передъ нимъ, или промолчать и не давать ему мысли объ томъ?

Отвѣтъ Іоанна. Если братъ не пойметъ, что ты сказалъ ему колкость, молчи и не смущай его, но постарайся покаяться въ томъ.

Вопросъ 50. Если кто-нибудь увидитъ, что братъ согрѣшилъ, и скажетъ о семъ Аввѣ; тотъ, о которомъ сказано, какъ долженъ быть расположенъ къ сказавшему на него?

Отвѣтъ Іоанна. Если согрѣшившій вѣрный [a]) и живетъ по Богу, то, хотя бы кто-нибудь и по враждѣ сказалъ на него Аввѣ, онъ долженъ подумать: братъ сказалъ сіе, желая доставить мнѣ пользу; и такъ исполнится на немъ слово Писанія: *благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благая* (Мат. 12, 35); помышляя сіе, онъ скорѣе долженъ возлюбить того брата, нежели ненавидѣть. Кто всегда такимъ образомъ поступаетъ, тотъ преуспѣваетъ о Богѣ.

Вопросъ 51, того же. Такъ какъ я ощущаю, что по тщеславію своему немного краснѣю, когда дѣлаю поклонъ при нѣкоторыхъ; то долженъ ли я стараться съ намѣреніемъ кланяться при другихъ, или какъ случится?

Отвѣтъ Іоанна. Ты не долженъ ухищряться съ намѣреніемъ кланяться при другихъ, или особенно (наединѣ), но дѣлать это, какъ придется.

Вопросъ 52. Долженъ ли я дѣлать поклонъ и младшимъ, или врачевать ихъ словами, чтобы съ другой стороны не вкралось (въ меня) тщеславіе?

а) т. е. истинный христіанинъ.

Отвѣтъ Іоанна. Случается, что великіе и почтенные люди бываютъ должны ничтожнымъ и самымъ послѣднимъ и обязаны отдать долгъ, не тщеславясь, потому что были должны; такъ и ты, если долженъ кому-либо младшему тебя, поклонись ему безъ тщеславія, зная, что ты его должникъ.

Вопросъ 53, того же. Если страстный помыслъ войдетъ въ мое сердце, чѣмъ я долженъ отразить его: тѣмъ ли, чтобы противорѣчить ему, или произнести запрещеніе и какъ бы прогнѣваться на него, или тѣмъ, чтобы прибѣгнуть къ Богу и повергнуть предъ Нимъ свою немощь?

Отвѣтъ Іоанна. Братъ! страсти тѣ же скорби, и Господь не отдѣлилъ ихъ, но сказалъ: *призови мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши мя* (Пс. 49, 15). И потому въ отношеніи всякой страсти ничего нѣтъ полезнѣе, какъ призывать имя Божіе. Противорѣчить же прилично не всѣмъ, но только сильнымъ о Богѣ, которымъ повинуются демоны: если же кто изъ несильныхъ будетъ противорѣчить, демоны ругаются надъ нимъ, что, находясь въ ихъ власти, онъ имъ же противорѣчитъ. Также и запрещать имъ дѣло мужей великихъ, имѣющихъ надъ ними власть. Многіе ли изъ святыхъ запрещали діаволу, подобно Михаилу Архангелу, который сдѣлалъ сіе потому, что имѣлъ власть? Намъ же немощнымъ остается только прибѣгать къ имени Іисусову; ибо страсти, какъ сказано, суть демоны и исходятъ (отъ призыванія сего имени). Чего же ты хочешь болѣе сего? Богъ да укрѣпитъ тебя во страхѣ своемъ и да подастъ тебѣ побѣду.

54. Прошеніе того же: прошу тебя, Отецъ мой, дай мнѣ слово, что ты молишься о мнѣ, какъ и святый Старецъ далъ мнѣ оное. И когда я бываю побѣжденъ въ чемъ-либо, помыслъ говоритъ мнѣ: Богъ потому не даетъ тебѣ силы овладѣть страстію, что въ тебѣ есть гордость, или затѣмъ, чтобы, овладѣвъ ею, ты не впалъ въ тщеславіе, или, если легко получишь сію власть, легко и потеряешь ее, или для того, чтобы ты, желая получить ее, часто прибѣгалъ къ Богу, или по другой какой-либо причинѣ. Или это происходитъ отъ разслабленія моего? и какъ мнѣ поступать?

Отвѣтъ Іоанна. Если всѣ мы едино, то дерзаю сказать, что Старецъ въ Богѣ и я съ нимъ. Если онъ далъ тебѣ слово, то и я чрезъ него. Знаю, что я немощенъ и самый послѣдній, но удалиться отъ Старца не могу, ибо, по милости его, мы двое составляемъ единое. И такъ, внимай себѣ, братъ. Постарайся трудиться, чтобы сохранить оныя заповѣди. Если же и побѣжденъ будешь въ чемъ-либо, не ослабѣвай, не отчаявайся, но встань снова, и Богъ поможетъ тебѣ. То, что ты побѣждаешься и не преодолѣваешь страсти, происходитъ и отъ первыхъ причинъ, упомянутыхъ тобою; но случается, что и отъ разслабленія подвергаешься тому. Для освобожденія же отъ того и отъ другаго надобно повергнуть себя передъ благостію Господнею съ плачемъ, да освободитъ Онъ тебя отъ сихъ и отъ иныхъ страстей молитвами Святыхъ. Аминь.

55. Того же къ тому же, прошеніе помощи въ томъ, что заповѣдалъ Великій Старецъ.

Отвѣтъ. Братъ! Старецъ ничего не оставилъ безъ рѣшенія въ своихъ къ тебѣ отвѣтахъ и заградилъ

чрезъ то уста всѣмъ. Чего ты еще хочешь, когда тебѣ сказано: сохрани слова мои, и завѣтъ мой съ тобою пребудетъ нерушимъ. По силѣ твоей, старайся сохранить завѣтъ его; ибо въ немъ заключается наслѣдіе царствія, рай сладости, и *яже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9). Ты долженъ принести свои усилія и стараніе; а покровъ, милость и подаяніе силы зависитъ отъ Бога. Ему слава во вѣки. Аминь.

Вопросъ 56. Что мнѣ дѣлать? я боюсь стыда безчестія. И если вступлю въ разговоръ съ нѣкоторыми, очень увлекаюсь онымъ и плѣняюсь, такъ что совершенно забываю себя; когда же опомнюсь, стыжусь оставить разговаривающихъ и уйти.

Отвѣтъ Іоанна. Чтобы немощному не впасть во все сіе и въ славолюбіе, ему должно всячески избѣгать многословія и прекращать разговоръ, извиняясь Аввою, будто бы тотъ повелѣлъ ему нѣчто сдѣлать — и потому онъ спѣшитъ. А не переносить безчестіе есть дѣло невѣрія. Братъ! Іисусъ сдѣлался человѣкомъ и перенесъ безчестія, а развѣ ты больше Іисуса? Это невѣріе и обольщеніе демонское. Кто желаетъ смиренія, какъ говоритъ, и не понесетъ безчестія, тотъ не можетъ достигнуть смиренія. Вотъ, ты слышалъ (сказанное), не презирай же сего; ибо и самое дѣло презритъ тебя. Когда разговоръ приноситъ пользу и не служитъ препятствіемъ болѣе нужному дѣлу, то стой, пока разговариваютъ. Если же разговоръ этотъ не полезенъ, скажи: прости, я немощенъ. О стыдѣ же (скажу): размышляя о всенародномъ стыдѣ, который предъ Господомъ постигнетъ грѣшниковъ, вмѣнишь ты временный ни во что.

Вопросъ 57, того же. Когда приходятъ въ монастырь нѣкоторые, или мірскіе, или Отцы, помыслъ внушаетъ мнѣ спросить у нихъ о пользѣ души или о дѣлахъ. Какъ ты разсудишь о семъ?

Отвѣтъ Іоанна. Братъ! кто по истинѣ желаетъ быть ученикомъ Христовымъ, тотъ ни въ чемъ не имѣетъ власти надъ самимъ собою, чтобы самому по себѣ дѣлать что-либо. Хотя онъ и думаетъ получить пользу отъ бесѣды съ приходящими, но нарушаетъ заповѣдь, которая говоритъ: *вся съ совѣтомъ твори* (Сир. 32, 21). Что же ты еще хочешь слышать сверхъ того, что сказали Отцы. Если нѣкоторые пришедшіе будутъ бесѣдовать о словѣ Божіемъ, спроси Авву твоего со смиреніемъ: „Авва, желаешь ли, чтобы я подождалъ и послушалъ, или мнѣ идти?“ И что онъ скажетъ, то и дѣлай спокойно. Если же и по надобности хочешь спросить кого-либо, инока или мірскаго, то скажи Аввѣ, и когда онъ найдетъ нужнымъ, самъ спроситъ то, что ты хочешь узнать; а когда тебѣ скажетъ: „спроси ты“, тогда спроси.

Вопросъ 58. Если же я не хочу спрашивать, но случится мнѣ встрѣтиться съ кѣмъ-либо изъ нихъ, или кто самъ спроситъ меня о чемъ-нибудь, то какъ повелишь тогда поступить?

Отвѣтъ Іоанна. При встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, ограничивайся только привѣтствіемъ, и потомъ скажи: помолись о мнѣ, я иду по дѣлу, и уйди. А когда спросятъ тебя о чемъ-либо, и ты знаешь это, то скажи и проходи далѣе; при незнаніи, скажи: не знаю, и проходи далѣе.

Вопросъ 59. Если же (кто-либо) застанетъ меня въ то время, какъ я сижу или дѣлаю что-нибудь, и ся-

детъ возлѣ меня и захочетъ говорить со мною, то что мнѣ дѣлать?

Отвѣтъ Іоанна. Если (кто-ли) застанетъ тебя сидящимъ гдѣ-нибудь и подойдетъ къ тебѣ, прими отъ него благословеніе и сдѣлай тоже самое, что и прежде, и скажи ему: помолись о мнѣ; и хотя бы едва не руками удерживалъ тебя, скажи ему: „прости меня, мнѣ дана заповѣдь ни съ кѣмъ не разговаривать, безъ воли Аввы; но скажу ему, и что онъ повелитъ, то и сдѣлаю.“ Если же кто-либо подойдетъ къ тебѣ и сядетъ въ то время, какъ ты дѣлаешь что-нибудь; то, по данной тебѣ заповѣди, найди какой-нибудь предлогъ и встань.

Вопросъ 60, того же. Что же значитъ сказанное Аввою Исаіею: привѣтствовавъ странника, спроси его: каково онъ живетъ, и потомъ сиди съ нимъ молча?

Отвѣтъ. Ты написалъ мнѣ, что Авва Исаія заповѣдалъ принять странника и послѣ привѣтствія спросить его, каково онъ живетъ, а потомъ сидѣть съ нимъ молча; но все это было сказано Старцу, который былъ уже въ лѣтахъ и достигъ (высокой) мѣры (духовной). Истинный же ученикъ и желающій быть инокомъ хранитъ себя отъ подобныхъ бесѣдъ, ибо отъ нихъ раждаются: нерадѣніе, разслабленіе, непокорство и лютая дерзость. Въ иномъ мѣстѣ (Отеческихъ сказаній) написано: „Іоаннъ симъ не занимается.“ И сіе-то значитъ устранить отъ себя заботы въ отношеніи всякаго человѣка.

Вопросъ 61. Помыслъ говоритъ мнѣ: однимъ разомъ отсѣки свиданія, и ты избавишься (отъ увлеченія оными). И опять говоритъ: отсѣкай мало по малу, чтобы видящіе тебя не стали удивляться. Скажи мнѣ, что изъ этого лучше?

Отвѣтъ Іоанна. О томъ, чтобы прекратить свиданія однажды навсегда, или мало по малу, дабы видящіе тебя не стали удивляться, (скажу): если отсѣчешь свиданія однимъ разомъ, то будешь спокоенъ; а иначе подашь поводъ (къ новымъ разговорамъ и различнымъ помысламъ). Къ разговорамъ потому, что будутъ говорить: онъ бесѣдовалъ со мною прежде, побесѣдую и я съ нимъ; къ помысламъ же, потому что иной подумаетъ: вѣрно этотъ братъ имѣетъ что-нибудь противъ меня, ибо прежде говорилъ со мною, а теперь не говоритъ. Пожелай достигнуть сего, и Богъ поможетъ тебѣ.

Вопросъ 62, того же. Иногда нѣкоторые больные приходятъ въ монастырь, прося чего-нибудь изъ больницы, и мнѣ назначено Аввою раздавать имъ нужное, чрезъ что я принужденъ бываю разговаривать съ ними и думаю, не по своему ли желанію я это дѣлаю: объясни мнѣ сіе, Отецъ мой, и помолись о мнѣ, чтобы имѣть мнѣ при этомъ покой.

Отвѣтъ Іоанна. Касательно приходящихъ больныхъ и имѣющихъ нужду получить что-нибудь изъ больницы (скажу): если ты всѣмъ одинаково будешь раздавать, ты не долженъ безпокоиться объ этомъ, потому что тебѣ велѣно такъ дѣлать. Но будь весьма внимателенъ къ тому, чтобы не завести съ кѣмъ-либо разговора по сему случаю и не продолжить свиданіе, случившагося по необходимости, исключая того, когда надобно будетъ спросить о какомъ либо дѣлѣ или покупкѣ; но и при семъ ограничивайся только необходимымъ вопросомъ, чтобы злая воля твоя не нашла себѣ пищи. Сохрани сіе, и получишь покой.

Вопросъ 63. Помыслъ говоритъ мнѣ, что безмолвіе всего нужнѣе и что оно мнѣ полезно; справедливо ли онъ мнѣ такъ внушаетъ?

Отвѣтъ Іоанна. Въ чемъ состоитъ безмолвіе, какъ не въ томъ, чтобы удерживать сердце свое отъ того, чтобы давать (другимъ вещи и самому) принимать (отъ нихъ), отъ человѣкоугодія и прочихъ подобныхъ дѣйствій. Когда Господь обличилъ книжника черезъ притчу о впадшемъ въ руки разбойниковъ, и при томъ спросилъ его кто былъ ближній его, книжникъ отвѣчалъ: *сотворивый милость съ нимъ* (Лук. 10, 37); и еще сказалъ Господь въ Писаніи: *милости хощу, а не жертвы* (Мат. 12, 7). Если и ты вѣришь, что милость болѣе жертвы, то къ милости приклони твое сердце. Безмолвіе даетъ человѣку поводъ къ высокоумію, прежде нежели онъ пріобрѣтетъ самого себя, т.-е. будетъ непороченъ. Тогда (только) имѣетъ мѣсто (истинное) безмолвіе, когда человѣкъ понесъ уже крестъ. Посему, если будешь сострадать (ближнимъ), получишь помощь; если же удержишь себя (отъ сострадания), желая взойти въ то, что выше твоей мѣры, то знай, что потеряешь и то, что имѣешь. Итакъ, не оставайся ни внутри, ни во внѣ, но держись средины, *разумѣвая, что есть воля Господня, яко дніе лукави суть* (Ефес. 5, 16).

Вопросъ 64, того же. Объясни мнѣ, Отецъ мой, что значитъ: не оставайся ни внутри, ни во внѣ, но держись средины? Не нужно ли нѣкоторые дни назначать безмолвію и нѣкоторые попеченія внѣшнимъ?

Отвѣтъ Іоанна. (Слова мои) значатъ: не дерзать на безмолвіе и не нерадѣть о себѣ, когда находишься среди попеченій, вотъ средній путь, безопасный отъ

паденія: въ безмолвіи должно имѣть смиреніе, и при попеченіяхъ бдительность надъ собою и удерживать свой помыслъ; и все сіе не ограничивается опредѣленнымъ какимъ-нибудь часомъ, тѣмъ болѣе днями. Всякій долженъ съ благодареніемъ терпѣть то, что по необходимости постигаетъ его, и сострадать всѣмъ, находящимся въ общежитіи: ибо исполняетъ чрезъ сіе заповѣдь Апостола, т.-е., если кто скорбитъ, поскорби съ нимъ, увѣщай его, утѣшь его (Рим. 12, 15. Сол. 5, 11, 14). Въ семъ-то и состоитъ состраданіе; сострадать же больнымъ и помогать имъ врачеваніями — доброе дѣло. Если врачъ, пекущійся о больномъ, получаетъ награду, не тѣмъ ли болѣе тотъ, кто по силѣ своей во всемъ сострадаетъ ближнему? Ибо не сострадающій ему во всемъ, и въ томъ, въ чемъ сострадаетъ, исполняетъ только волю свою.

Вопросъ 65, того же. Ты повелѣлъ мнѣ держаться средины, но случается, что, когда я освобожусь отъ занятій и выберу удобное время, чтобы посидѣть немного въ своей келліи, меня очень безпокоятъ приходящіе по обыкновенію возлюбленные мнѣ иноки или мірскіе: если выйду къ нимъ, то скорблю; если же не захочу выйти, то мнѣ надобно сидѣть въ своей келліи, а чрезъ сіе является препятствіе въ исполненіи потребностей по больницѣ. Не повелишь ли мнѣ сказать одному изъ братій, находящихся со мною при больницѣ, чтобы, когда я не выйду, онъ пошелъ бы и позаботился о томъ что нужно. Или совершенно удалиться мнѣ? Это я думаю, какъ человѣкъ; но если въ помыслѣ моемъ таится самооправданіе, то да будетъ по волѣ Божіей, а не по моей, потому что своя воля не можетъ устоять, но оканчивается погибелью.

Отвѣтъ Іоанна. Чѣмъ болѣе человѣкъ нисходитъ въ смиреніе, тѣмъ болѣе преуспѣваетъ. Пребываніе въ келліи не дѣлаетъ тебя опытнымъ, потому что ты пребываешь въ ней безъ скорби. А чрезъ то, чтобы прежде времени оставить всѣ попеченія, врагъ готовитъ тебѣ не покой, а болѣе смущеніе, такъ что заставитъ тебя наконецъ сказать: лучше бы я и не родился. О безпокойствѣ же отъ людей Отцы сказали: бываетъ, что человѣкъ находится уже при смерти, а все еще внимаетъ содружеству міра сего. Не давай имъ ничего и не принимай отъ нихъ ничего; такимъ образомъ они и оставятъ тебя. И о служеніи брата (въ больницѣ, вмѣсто тебя, скажу): что если ты дѣлаешь что-нибудь, себѣ и помогаешь; если же чрезъ другаго, то онъ получитъ болѣе, нежели ты за трудъ твой и молитву. Въ прежнемъ отвѣтѣ моемъ я говорилъ тебѣ о сострадапіи; подвизайся же въ немъ, если вѣруешь Апостолу, который говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю азъ? кто соблажняется и азъ не разжизаюся* (2 Кор. 11, 29)? *Со озлобляемыми озлобляеми, аки и сами суще въ тѣлѣ* (Евр. 13, 3).

Вопросъ 66. Отецъ мой! Если кто проситъ вещи, какъ мнѣ выдать ее съ привѣтливостію, когда я сомнѣваюсь сначала? Ибо когда даю съ принужденіемъ, то душа моя бываетъ жестока и недовольна.

Отвѣтъ Іоанна. Если узнаешь, что просящій проситъ по нуждѣ, дай ему съ радостію, какъ выдавая изъ даровъ Божіихъ. Въ этомъ и состоитъ привѣтливость. Если же знаешь, что онъ проситъ безъ нужды, не давай ему, но скажи: мнѣ дана заповѣдь отъ Аввы ничего не давать не имѣющему нужды; и это не будетъ жестокость. Господь да вразумитъ тебя.

Вопросъ 67. Читая книгу Василія Великаго о подвижничествѣ, я нашелъ, что имѣющій что-нибудь и дающій то другому, по заповѣди Господней, не другому благодѣтельствуетъ, а болѣе себѣ. Какъ же мнѣ исполнить сію заповѣдь?

Отвѣтъ. Оная глава относится къ тому, кто живетъ отдѣльно и можетъ управлять собою съ разсужденіемъ; а живущій въ общежитіи находится въ повиновеніи Отца, и на него не простирается сія заповѣдь, ибо онъ ни въ чемъ не имѣетъ власти поступать по своей волѣ.

Вопросъ 68. Въ книгѣ Св. Василія о подвижничествѣ нашелъ я и то, что невозможно быть ученикомъ Господнимъ человѣку, пристрастному къ чему-либо настоящему или обращающемуся съ кѣмъ-либо изъ тѣхъ, которые хотя на малое время, отвлекаютъ его отъ заповѣди Божіей. Но родственники мои должны мнѣ нѣсколько, и я желаю сію сумму раздать нищимъ, а родные можетъ-быть не захотятъ мнѣ ее возвратить: какъ мнѣ поступить въ такомъ случаѣ?

Отвѣтъ Іоанна. Если ты не отсѣчешь плотскаго мудрованія и не сдѣлаешься нѣсколько настойчивымъ ради Бога, то впадешь и въ человѣкоугодіе. Богъ да подастъ тебѣ силу и во всемъ исполнять волю Его. Аминь.

Вопросъ 69, того же. Что значитъ „не умалчивать“ по слову Отцевъ, и какъ сіе исполняется на дѣлѣ?

Отвѣтъ. Думаю, то, чтобы не молчать о своихъ помыслахъ; ибо скрывающій свои помыслы пребываетъ неисцѣленъ и исправляется только частымъ вопрошеніемъ о нихъ Отцевъ духовныхъ. Какъ самъ разумѣю, сказалъ я и тебѣ, брату моему. Если же ты лучше это понимаешь, Господь да дастъ тебѣ разумъ

(2 Тим. 2, 7), неисполняемый отъ Него (Еккл. 2, 26. Іов. 12, 13, 16, 1 Іоан. 5, 20), также и мнѣ, худѣйшему рабу Его.

Вопросъ 70. Что значитъ сказанное тобою, Отецъ мой, что внимательному ни мало не вредитъ сонъ?

Отвѣтъ Іоанна. Кто хранитъ стадо свое подобно Іакову (Быт. 1, 40), отъ того отступаетъ сонъ (Быт. 31, 40); и когда онъ и уснетъ немного, сонъ его бываетъ, какъ у иного бодрствованіе; ибо огнь сердечнаго горѣнія недопускаетъ его погрузиться въ сонъ, и онъ воспѣваетъ съ Давидомъ: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть* (Пс. 12, 4). Кто достигаетъ сей мѣры и вкусилъ уже сладость ея, тотъ разумѣетъ сказанное; такой человѣкъ не упояется чувственнымъ сномъ, а только пользуется естественнымъ.

Вопросъ 71. Если кто-нибудь попроситъ меня войти въ его келлію и сотворить молитву, или я попрошу кого-нибудь зайти ко мнѣ, или желаю помочь кому-либо въ дѣлѣ, то сколько разъ должно отказываться и не соглашаться, тамъ, конечно, гдѣ нѣтъ преступленія заповѣди?

Отвѣтъ. Если ты войдешь въ келлію брата, или онъ въ твою, и скажетъ тебѣ: „помолись братъ", до трехъ разъ отвѣчай: „прости". Если онъ и послѣ третьяго раза будетъ просить, то исполни (желаніе его) со смиреніемъ. И ты также три раза говори другому, и если не захочетъ, оставь его; потому что спорить—худое дѣло. И во всякомъ случаѣ, предлагаютъ ли тебѣ принять помощь, или ты желаешь подать кому-нибудь руку (помощи), проси до трехъ разъ, и если онъ не согласится, перестань съ миромъ и не оскорбляй его. Таковъ истинный путь Божій; внимай себѣ,

чтобы подвизаться на немъ нелицемѣрно, съ чистымъ сердцемъ, при содѣйствіи Бога, Который простираетъ тебѣ руку и помогаетъ своею благодатію. Аминь.

Вопросъ 72, того же. Если случится трапеза любви *) и мнѣ будутъ давать часть мою, но я не имѣю въ ней нужды: повелишь ли мнѣ взять ее, чтобы не показалось, что я не принимаю изъ воздержанія, и раздать ли ее, кому нужно въ больницѣ, или нѣтъ?

Отвѣтъ Іоанна. Братъ! Если имѣешь нужду въ этой части, то прими ее; если же нѣтъ, то не принимай, ибо иначе возродится въ тебѣ тщеславіе.

Вопросъ 73, того же. Случается, что я дѣлаю братіи трапезу любви, и меня за то прославляютъ; не вредно ли мнѣ сіе и не лучше ли дѣлать ее тайно, чрезъ Авву, или самому собою, для своего обученія? И какъ, Отецъ мой, освободиться отъ сей славы, потому что она слѣдуетъ и за правыми, и за неправыми дѣлами человѣка?

Отвѣтъ Іоанна. Ты долженъ быть внимателенъ къ обоимъ симъ преднамѣреніямъ, ибо онѣ даютъ поводъ къ тщеславію. Однако черезъ Авву легче дѣлать (трапезу любви), ибо въ такомъ случаѣ тебѣ надобно будетъ бороться только съ собственнымъ сердцемъ. А когда самъ собою будешь дѣлать ее, тебѣ предлежитъ двойная брань, не только съ собственнымъ сердцемъ, но и съ мнѣніемъ другихъ людей. Быть свободными отъ славолюбія и тщеславія могутъ только тѣ, которые отвлеклись ветхаго человѣка. Господь да подастъ тебѣ свободу сію о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

*) Любовію (ἀλαπὸ) назывались общія трапезованія, происходившія изъ любви и служившія побужденіемъ для вкушавшихъ къ любви и общенію. См. 74 прав. 6-го Вселенск. Собора.

Вопросъ 74. Когда закрываю глаза во время службы, помыслы мои собираются. Но хорошо ли это? Можетъ быть, не кажется ли сіе страннымъ другимъ, стоящимъ со мною братіямъ, и они соблазняются?

Отвѣтъ Іоанна. Если помыслы твои дѣйствительно собираются, когда Бога ради закрываешь глаза во время службы; то не обращай вниманія на нѣкоторыхъ, хотя бы, какъ ты говоришь, это и казалось страннымъ стоящимъ съ тобою братіямъ.

Вопросъ 75, того же. У меня есть собственныя мои книги, и помыслъ внушаетъ мнѣ отдать ихъ въ общежитіе и не заботиться о нихъ болѣе; ибо когда онѣ будутъ общія монастырскія, то и каждый будетъ получать ихъ для чтенія. Подобно сему думаю и объ одеждахъ. Скажи мнѣ, Отецъ мой, должно ли сіе сдѣлать? и какія одежды оставить мнѣ себѣ, по тѣлесной моей немощи?

Отвѣтъ Іоанна. Если хочешь избавиться отъ заботы о книгахъ, то хорошо сдѣлать такъ, какъ ты говорилъ, т.-е. отдать ихъ въ общежитіе; ибо все, что принадлежитъ общежитію, есть Божіе. Что касается одеждъ, какія для тебя необходимы, ты оставь себѣ для зимы двѣ короткія коловіи *) и одинъ левитонарій**), и для лѣта двѣ легкія коловіи и одинъ левитонарій. И еще для зимы, на случай сильной стужи, небольшой нагрудникъ. Если же не бываетъ сильной стужи, то достаточно имѣть куколь и двѣ мантіи: одну зимнюю, а другую лѣтнюю, также и два покрывала: одно теплое, а другое легкое. Имѣй также власяни-

*) Коловія—одежда безъ рукавовъ и короткая.

**) Левитонарій—монашеская верхняя одежда, сотканная изъ волосъ.

цу и подушку, онѣ тебѣ нужны. Если нуженъ тебѣ тюфякъ, имѣй и его. И когда тебѣ даютъ одежду, и ты нуждаешься въ ней, прими ее, а старую вмѣсто нея отдай Аввѣ; если же не нужна тебѣ та, которую даютъ, и ее также отдай Аввѣ. Господь да укрѣпитъ тебя слышать и исполнять; ибо въ семъ и состоитъ преуспѣяніе и исправленіе, угодное Богу.

Вопросъ 76, того же къ Великому Старцу. Такъ какъ вами назначено мнѣ находиться въ семъ служеніи, при больницѣ, то скажи, Отецъ мой, должно ли мнѣ читать нѣкоторыя врачебныя книги и обучаться самому собою составлять лѣкарства, или лучше не заботиться объ этомъ, какъ о разсѣявающемъ умъ, и оставить сіе (чтобы оно не возбудило во мнѣ, какъ въ невнимательномъ, тщеславія) и довольствоваться тѣмъ, что я уже знаю, дѣлая, что возможно, съ помощію масла, муки, мазей и вообще простыхъ средствъ, въ которыхъ упражняются и не читающіе (врачебныхъ книгъ). Какъ же мнѣ поступать? Ибо сердце мое трепещетъ при семъ служеніи, чтобы не погрѣшить въ немъ и не прибавить къ страстямъ моимъ еще другихъ грѣховъ.

Отвѣтъ Великаго Старца. Такъ какъ мы не пришли еще въ совершенство, чтобы вовсе избавиться отъ плѣненія страстей, то лучше занятія врачебныя, нежели страстныя. Но не на врачеванія должны мы надѣяться, а на Бога, Который умерщвляетъ и оживотворяетъ и говоритъ: *поражу и Азъ исцѣлю* (Втор. 32, 29). Читая врачебныя книги, или спрашивая о нихъ кого-либо, не забывай, что безъ Бога никто не получаетъ исцѣленія. И такъ, кто посвящаетъ себя врачебному искусству, тотъ долженъ предавать себя име-

ни Божію, и Богъ подастъ ему помощь. Врачебное искусство не препятствуетъ человѣку быть благочестивымъ, но занимайся имъ, какъ рукодѣліемъ для (пользы) братіи. Что дѣлаешь, дѣлай со страхомъ Божіимъ и сохранишься молитвами Святыхъ. Аминь.

Вопросъ 77, того же. Ты сказалъ мнѣ прежде, что отсѣченіе своей воли состоитъ и въ томъ, чтобы не спорить изъ желанія поставить на своемъ. Какъ же мнѣ быть, Отецъ мой: иногда случается, что приношу больному вещь, повидимому, полезную; но она нерѣдко вредитъ ему, и я скорблю, что исполнилъ въ томъ свою волю? Вижу также, что я цѣлый день нахожусь въ занятіи, и оно какъ бы не допускаетъ меня вспомнить о Богѣ, и чревоугодіе безпокоитъ меня. Скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать? Ибо вѣрую, что въ семъ заключается мое спасеніе.

Отвѣтъ Варсануфія. Если ты, думая, что какая-либо вещь доставитъ больнымъ пользу, сдѣлаешь по своему и случится напротивъ, что она принесетъ имъ вредъ, то Богъ, взирающій на твое сердце, не осудитъ тебя, ибо знаетъ, что ты сдѣлалъ вредъ, желая принести пользу. Если же кто-нибудь знающій скажетъ тебѣ о семъ напередъ, а ты съ пренебреженіемъ преслушаешь его, то это будетъ гордость и своеволіе. Многіе всегда слышатъ о какомъ-либо городѣ и имъ случается войти въ него, не зная, что онъ тотъ самый городъ; такъ и ты, братъ, цѣлый день проводишь въ памяти Божіей и не знаешь того. Имѣть заповѣдь и стараться сохранять ее—въ семъ заключается и повиновеніе и память Божія. Справедливо сказалъ тебѣ братъ Іоаннъ: одѣнься прежде листьями, а потомъ, когда повелитъ Богъ, принесешь и плоды. Если не знаешь полезнаго, то послѣдуй знающимъ, и это есть смиреніе, и получишь благодать Божію. Справедливо сказалъ ты, что въ семъ заключается твое спасеніе; ибо ты не самъ собою пришелъ сюда, но Богъ путеводилъ тебя сюда. *Возмогай о Господѣ* (Ефес. 6, 10); ты не малую пользу получаешь отъ занятія, на которое жалуешься. Сколько возможно, подвизайся противъ чревоугодія, и Господь поможетъ тебѣ познавать и дѣлать полезное. Мужайся и крѣпись о Господѣ.

Вопросъ 78, того же. Такъ какъ ты сказалъ мнѣ, что повиновеніе и память о Богѣ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть заповѣдь *) и стараться исполнять ее, то прошу тебя, научи меня и сему: возможно ли озабоченному такимъ служеніемъ по Богу и находящемуся среди людей имѣть непрестанную память Божію? И когда возможно, испроси мнѣ ее, Отецъ мой, если сіе мнѣ будетъ полезно. Ибо тебѣ и *Богу вся возможна* (Мат. 19, 26).

Отвѣтъ Варсануфія. О непрестанной памяти Божіей: каждый можетъ сохранять ее по своей мѣрѣ. Ты только смирись, а я лучше тебя знаю, что тебѣ полезно, и сего прошу тебѣ у Бога, ибо Ему *вся возможна* (Мат. 19, 26).

Вопросъ 79, того же. Опять прибѣгаю къ тебѣ, милосердый Отецъ мой, и не перестану безпокоить тебя, пока не укрѣпишь меня; ибо если Богъ, по вашимъ молитвамъ, и даетъ мнѣ нѣкоторую печаль о грѣхахъ моихъ, я мало по малу снова теряю ее чрезъ внѣшнее развлеченіе. И такъ, прошу тебя, Отецъ мой, и

*) т. е. заповѣдь Отеческую относительно какого-либо послушанія.

въ семъ укрѣпи меня, чтобы все было со мною по милости Божіей и вашей, и ничего не было моего собственнаго: ибо я ничего не могу, если не буду укрѣпленъ вашими молитвами. Опасаюсь, Отецъ мой, и того, что управляю больницею, ибо это есть нѣкое властительство, и какъ бы не подало повода къ тщеславію и свободѣ въ обращеніи. Также и отъ частаго вкушенія снѣдей могу уклониться въ чревоугодіе. И такъ не разсудите ли вы, чтобы мнѣ, для предварительнаго обученія себя, побыть прежде въ болѣе низкомъ послушаніи, и потомъ, когда легче будетъ мнѣ, опять вступить въ оное служеніе? Ты знаешь, Отецъ мой, что я говорю такъ не потому, чтобы тяготился симъ дѣломъ, ибо что я дѣлаю, окаянный? Но боюсь, не раздражаю ли я свои страсти, живя здѣсь; самъ ли я такъ думаю, или демоны мнѣ внушаютъ то, —не знаю. Ты же, Отецъ мой, объяви мнѣ волю Божію; избавь отъ смущающихъ меня помысловъ, укрѣпи меня твоими молитвами исполнять, что ты говоришь, и прости меня.

Отвѣтъ Варсануфія. Выслушай, братъ, и будь увѣренъ о Господѣ, что, когда мы поручили тебѣ оное дѣло, рука наша и сердце наше съ тобою, точнѣе же сказать, рука Бога, умоляемаго нашими молитвами о спасеніи души твоей, и о томъ, чтобы Онъ укрѣпилъ тебя въ дѣлѣ, даровалъ тебѣ успѣхъ и покрылъ тебя въ немъ. Ты не иначе можешь спастись, какъ только чрезъ сіе (послушаніе). И такъ, не унывай, падая и воставая, поползаясь и укоряя себя, пока Господь не окажетъ тебѣ милости, которой ты желаешь; только не будь нерадивъ. Не бойся, ибо Господь, поставившій тебя на сіе дѣло, и устроитъ оное,

и мы раздѣляемъ съ тобою попеченіе. Да не прельститъ тебя діаволъ подъ видомъ добра, какъ сказано: *благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16, 18). Тотъ, Который поставилъ тебя на сіе дѣло, есть все: Онъ сказалъ ученикамъ своимъ: *се Азъ посылаю васъ* (Матѳ. 10, 16), и еще: *се Азъ съ вами есмь* (Матѳ, 28, 20). Не бойся и ни мало не смущай себя сомнѣніями о больницѣ, унывая отъ заботъ, сопряженныхъ со властію. Если уразумѣешь написанное тебѣ, то будешь спокоенъ. Только себѣ долженъ ты внимать по силѣ своей, и Богъ поможетъ тебѣ. Здравствуй о Господѣ и укрѣпляйся о Немъ.

Вопросъ 80, того же къ другому Старцу. Если братія, находящіеся со мною, въ чемъ-либо согрѣшатъ, какъ исправить мнѣ ихъ безъ смущенія?

Отвѣтъ Іоанна. Если напечатлѣешь въ сердцѣ волю Божію, то не будешь смущаться, но пріобрѣтешь добрый навыкъ, какъ и Отцы; если же забудешь се и увлечешься, какъ человѣкъ, то скажи Богу съ покаяніемъ: „прости меня, Владыко, и помилуй меня", и скажи находящимся съ тобою братіямъ: „берегитесь, братія, ибо чрезъ то мы подвергаемъ себя осужденію и погубляемъ наши души," и не говори слишкомъ громко, но только такъ, чтобы было слышно. Когда обучишь себя въ семъ, достигнешь и такого устроенія души, которое угодно Богу.

Вопросъ 81, того же. Прошу тебя, Отецъ мой, скажи мнѣ, какимъ образомъ должно исправлять (ближнихъ), и въ какомъ случаѣ надобно юродствовать, т. е. представлять себя какъ бы непонимающимъ дѣла и не обращать на него вниманія. А если не

буду имѣть успѣха въ дѣлѣ, долженъ ли положить на себя запрещеніе относительно онаго?

Отвѣтъ Іоанна. Относительно людей поступай такъ: когда знаешь, что согрѣшившій человѣкъ разумный и принимаетъ слова твои, вразумляя его, скажи: „братъ! если мы съ нерадѣніемъ дѣлаемъ дѣло Божіе, это погибель для души. Ну, хорошо ли ты теперь сдѣлалъ? Постарайся впередъ (исправиться).“ Если же онъ неразуменъ, скажи ему: „повѣрь мнѣ, братъ, что ты стоишь наказанія за свое нерадѣніе, и какъ скоро скажу Аввѣ, онъ строго тебя накажетъ.“ А когда можно представляться непонимающимъ, для сего сообразжайся съ погрѣшностію брата; и если она не велика, покажи видъ, что ты не понялъ ея; если же велика, то не должно представляться непонимающимъ. Ты не долженъ налагать на себя запрещенія (къ занятію дѣломъ), въ случаѣ безуспѣшности, но и не пренебрегать ею. Испытавъ ее, проси прощенія у Бога, ибо иначе впадешь въ нерадѣніе.

Вопросъ 82, того же. Если кто-либо изъ братіи или изъ самыхъ больныхъ согрѣшитъ, и я, желая исправить его, скажу что-нибудь со смущеніемъ: долженъ ли я послѣ поклониться ему (прося прощенія)? И если случится, что онъ разгнѣваннымъ на меня уйдетъ изъ больницы: что мнѣ дѣлать? И вообще за какія согрѣшенія надобно дѣлать поклоненіе? Ибо гордость и самооправданіе помрачаютъ умъ. А когда кто и поклонится, то тщеславіе снова найдетъ себѣ поводъ.

Отвѣтъ Іоанна. Со смущеніемъ ничего не говори, потому что зло добра не рождаетъ. Но потерпи, пока помыслъ твой успокоится, и тогда скажешь мирно.

И если братъ послушается тебя, — хорошо; если же нѣтъ, скажи ему: „не хочешь ли, я открою это Аввѣ, и какъ онъ разсудитъ, такъ и сдѣлаемъ, и ты будешь спокоенъ“. Но ежели разгнѣвавшись уйдетъ, то скажи Аввѣ, и онъ вразумитъ его, а ты не дѣлай ему поклоненія (т. е. не проси прощенія), ибо чрезъ то дашь ему поводъ думать, что ты дѣйствительно виноватъ предъ нимъ, и онъ еще болѣе на тебя вооружится. У другихъ же людей тщательно проси прощенія, соображаясь съ согрѣшеніемъ: какъ скоро видишь, что согрѣшеніе твое велико, поклонись; а когда оно не велико, скажи устами, съ чувствомъ сердечнаго раскаянія: „прости меня, братъ“. Берегись гордости и самооправданія, ибо онѣ препятствуютъ покаянію; впрочемъ бываетъ и то, что человѣкъ по тщеславію дѣлаетъ поклонъ. Презирая три сіи страсти *), гдѣ нужно, дѣлай поклоненіе со смиреніемъ, страхомъ Божіимъ и разсужденіемъ. По силѣ твоей старайся пребывать въ сихъ добродѣтеляхъ, и Богъ поможетъ тебѣ молитвами Святыхъ.

Вопросъ 83, того же. Если во время служенія больнымъ настанетъ часъ псалмопѣнія или святой проскомидіи, или случится другая надобность, и находящіеся со мною братія знаютъ, что кому нужно дать: повелишь ли мнѣ пойти, или сіе будетъ мнѣ въ тяжкую вину? Равнымъ образомъ, ежели захочу побыть въ своей келліи, когда мнѣ нѣтъ надобности быть въ больницѣ: позволишь ли мнѣ, Отецъ мой, или нѣтъ?

*) Гордость, самооправданіе и тщеславіе.

Отвѣтъ Іоанна. Когда братія знаютъ, не будетъ на тебѣ вины пойти, или побыть въ своей келліи; только посѣщай больныхъ.

Вопросъ 84. Если скупость безпокоитъ меня въ то время, какъ выдаю кому-либо нужное ему, такъ что не могу и дать ему: то дать ли ему менѣе того, сколько ему нужно, или постараться выдать не менѣе надлежащаго? Также если, стыдясь, какъ бы изъ человѣкоугодія или тщеславія, по внушенію помысла, я хочу дать больше: то дать ли мнѣ, вопреки моей страсти, немного меньше, или должное по заповѣди?

Отвѣтъ. Если скупость препятствуетъ дать ближнему то, что ему надобно; то соображайся съ тѣмъ, что имѣешь. Когда у тебя много вещей, дай нѣсколько болѣе надлежащаго, а когда мало, дай точно, сколько слѣдуетъ. Богъ да вразумитъ сердце твое, братъ.

Вопросъ 85. Когда вижу сосудъ, нужный для больницы, и чувствую, что я имѣю къ нему пристрастіе, то не дамъ ли пищи моей страсти, взявъ оный?

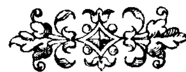
Отвѣтъ Іоанна. Если имѣешь нужду въ сосудѣ, и помыслъ о немъ боретъ тебя, то скажи своему помыслу: онъ мнѣ нуженъ, но зачѣмъ брать по прихоти? Какъ скоро перестанетъ бороть тебя пристрастіе, возьми его; если же не перестанетъ, то, когда удобно обойтись другимъ сосудомъ, не бери и подави свое пристрастіе; а въ случаѣ необходимости, возьми тотъ сосудъ, укоряя себя и говоря: когда бы не вынуждала необходимость, не взялъ бы его, потому что побѣдился своимъ похотѣніемъ.

Вопросъ 86. Одинъ человѣкъ подарилъ мнѣ нѣкогда одежду, и я взялъ ее тогда какъ бы съ радостію, ни мало не противорѣча; но, испытывая себя, нашелъ, что взялъ ее не по нуждѣ, а болѣе по лихоимству, и помыслъ говоритъ мнѣ: возврати ее. Какъ повелишь мнѣ поступить?

Отвѣтъ Іоанна. Отъ души похвалимъ подарившаго и отъ души похулимъ принявшаго, и будемъ носить ее со смиреніемъ, осуждая себя, а впередъ будемъ беречься лихоимства.

Вопросъ 87, того же. Если случится, что кто-нибудь хочетъ дать мнѣ вещь, въ которой я имѣю нужду, но вижу, что сердце мое по страсти желаетъ принять ее; какъ мнѣ поступить: взять ли, по случаю нужды, или отказаться, по причинѣ пристрастія къ ней?

Отвѣтъ Іоанна. Какъ о пищѣ, такъ разумѣй и объ этомъ. Ты знаешь, что мы ежедневно нуждаемся въ пищѣ, но не должны вкушать ее съ услажденіемъ. Когда мы принимаемъ ее, благодаря Бога, Который далъ ее, и осуждая себя, какъ недостойныхъ, то Богъ дѣлаетъ, что она служитъ намъ въ освященіе и благословеніе. И такъ, если ты нуждаешься въ какой-либо вещи и успѣваешь получить, — благодари Бога, помогающаго тебѣ, и осуждай себя, какъ недостойнаго, и Богъ отвратитъ отъ тебя пристрастіе, ибо *Ему вся возможна, невозможно же Ему ничтоже* (Іов. 10, 13; 42, 2. Марк. 10, 27). Ему слава во вѣки. Аминь.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

НАСТАВЛЕНІЙ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ

ПРЕПОДОБНАГО АВВЫ ДОРОѲЕЯ.

А.

АГАѲОНЪ.

АНТОНІЙ.

Б.

БЛИЖНІЙ БРАТЪ.

БОГЪ.

БОЛѢЗНЬ (больной).

В.

ВАСИЛІЙ.

ВОЗДЕРЖАНІЕ.

ВОЛЯ.

ВОЛЯ БОЖІЯ.

Г.

ГНѢВЪ (раздражительность).

ГОРДОСТЬ (возношеніе).

ГРИГОРІЙ (Богословъ).

ГРИГОРІЙ НИССКІЙ.

ГРѢХЪ.

Д.

ДЕРЗОСТЬ.

ДІАВОЛЪ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

ДОБРОЕ.

ДОРОѲЕЙ.

ДУША.

ДѢЛА.

Е.

ЕВАГРІЙ.

Ж.

ЖЕРТВА.

З.

ЗАПОВѢДИ.

ЗЛО.

ЗЛОБА.

ЗЛОПАМЯТНОСТЬ.

ЗЛОСЛОВІЕ.

ЗОСИМА.

И.

ИМУЩЕСТВО.

ИСКУШЕНІЕ.

ИСПЫТАНІЕ.

І.

ІОАННЪ.

К.

КЕЛЛІЯ.

КЛЕВЕТА.

КРОТОСТЬ.

Л.

ЛОЖЬ.

ЛѢНОСТЬ (нерадѣніе).

ЛЮБОВЬ.

М.

МИЛОСТЫНЯ.

МОЛИТВА.

МОНАШЕСТВО.

МОНАХЪ.

Н.

НАВЫКЪ.

НАДЕЖДА.

НАМѢРЕНІЕ (цѣль).

НАСТАВЛЕНІЕ (наставникъ).

НАСТОЯТЕЛЬ.

О

ОБРАЗЪ БОЖІЙ.

ОСУЖДЕНІЕ.

П.

ПИМЕНЪ.

ПИСАНІЕ.

ПОДВИГИ.

ПОДОЗРѢНІЕ.

ПОКОЙ.

ПОМЫСЛЫ.

ПОПУЩЕНІЕ.

ПОСЛУШАНІЕ.

ПОСТЪ.

ПРАЗДНИКИ (Пасха, Пятидесятница и проч.).

ПРИСТРАСТІЕ.

ПРОИЗВОЛЪ (произволеніе)

ПРОМЫСЛЪ.

ПУТЬ.

Р.

РАЗУМЪ.

С.

САМОЛЮБІЕ.

СВЯТЫЙ.

СЕРДЦЕ.

СКОРБИ (оскорбленія).

СМИРЕНІЕ.

СМУЩЕНІЕ.

СОВѢСТЬ.

СТРАСТИ.

СТРАХЪ БОЖІЙ.

СУДЪ БОЖІЙ.

Т.

ТЕРПѢНІЕ.

ТРУДЪ.

ТЩЕСЛАВІЕ.

У.

УКОРЕНІЕ (самоукореніе)

Х.

Ч.

ЧЕЛОВѢКЪ.